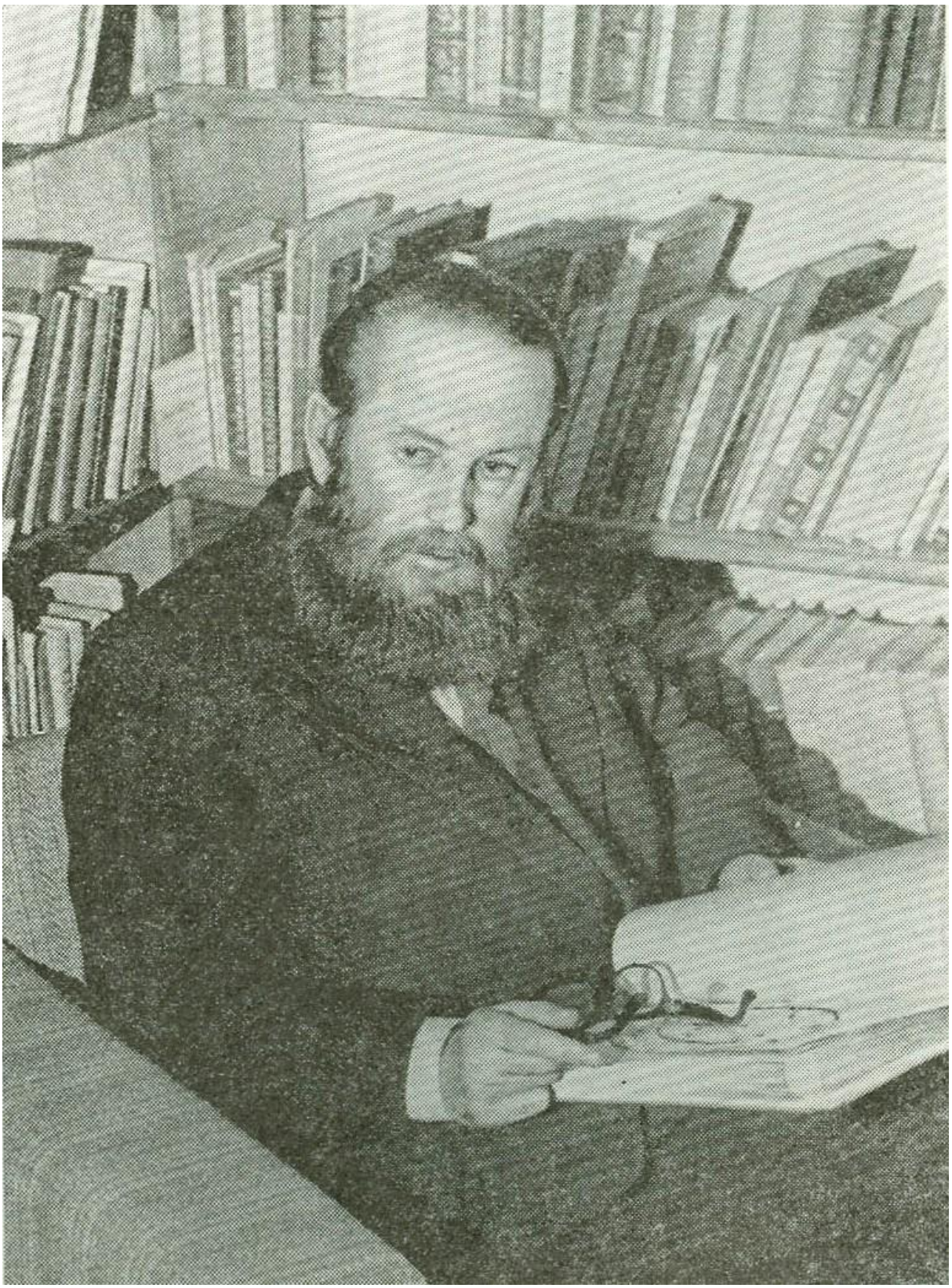
Б.И.КОШЕЧКИН

ТУНДРА ХРАНИТ СЛЕД

МУРМАНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО



Б.И. КОШЕЧКИН

ТУНДРА ХРАНИТ СЛЕД

ОЧЕРКИ
ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ
КОЛЬСКОГО
СЕВЕРА

МУРМАНСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1979

Кошечкин Б. И.

К 76 Тундра хранит след. Очерки об исследователях Кольского Севера. Мурманск, Кн. изд-во, 1979.

152 с. с ил.

Книга очерков, посвященных истории изучения и освоения Кольского полуострова от первых походов новгородцев на север в XII–XIV веках до научных экспедиций 30-х годов XX века.

91 (С12)+91 (09)

Художник А. Маркелов-Быстряков

К 20901-19 24-79 ИБ № 207

М150(03)-79

© Мурманское книжное издательство, 1979 г.

От автора

«...Изучая достижения современной научной мысли, глядя с завоеванных вершин на заманчивые перспективы ближайшего будущего, мы забываем о том, как трудно, медленно, с какими жертвами и лишениями были расчищены дремучие леса невежества и незнания» – эти слова одного из самых замечательных исследователей Кольского Севера – Александра Евгеньевича Ферсмана – могли бы послужить эпиграфом к книге, объяснить, для чего автор взялся за перо.

Для меня – непрофессионального писателя – каждая новая книга является отражением результатов какой-то конкретной работы, проделанной в предшествующие годы. Книга «Тундра хранит след» появилась как итог нескольких лет, в течение которых я, наряду со своей повседневной работой в области геологии четвертичного периода, по поручению Географического общества СССР был занят организацией Музея-архива истории изучения и освоения Севера в г. Апатиты. Через мои руки прошли сотни документов и книг, посвященных деятельности выдающихся исследователей края и рядовых работников науки. Из общения с документами родился и замысел книги, в которой мне, в форме биографических очерков, хотелось показать, как шаг за шагом развивались представления о географии Кольского Севера – от самых ранних, когда наши предки впервые осознали, что освоенная ими территория между Студеным и Мурманским морями является обширным полуостровом, до современных, когда очертания Кольского полуострова и его внутренних районов легли на географические карты в том виде, в каком мы видим их сегодня.[5]

Почему же очерки истории географических исследований доведены лишь до 30-х годов нашего столетия?

Дело в том, что именно в 30-х годах и сложились основные представления о географии нашего края, сохранившие свое значение до сегодняшнего дня. С этого времени началась глубокая дифференциация

географической науки, когда на смену научному поиску отдельных исследователей пришла деятельность целых научных коллективов, а работа каждого ученого стала посвящаться какой-либо относительно узкой теме. Научное изучение Кольского полуострова было продолжено крупными коллективами исследователей. В 1932 году в Кировске была создана Горная станция Академии наук СССР «Тиетта» – основа сегодняшнего Кольского филиала Академии наук. С ее организацией начато комплексное изучение производительных сил края для нужд различных отраслей народного хозяйства.

Хочу отметить, что маршруты Кольских первопроходцев – полностью или частью – совпадали с маршрутами моих экспедиционных исследований с 1962 по 1977 год. Работая с документами и дневниками, я мог ясно представить себе не только определенный маршрут в целом, но и почти каждый поворот реки, каждый порог и оценить вклад исследователя с позиций наших современных знаний о природе Кольского Севера.[6]

Из Новгорода великого в землю Тре

Открытие погребений в окрестностях Кузомени – свидетельство пребывания новгородцев на Кольском Севере.
Пути новгородцев на Терский берег и Мурман.
«Терский наволок».
Плавание Григория Истомы.
Первые сведения о природе и населении края.
Кольский полуостров по Книге Большому чертежу и писцовым книгам.

Окрестности старинного поморского села Кузомени представляют необычную картину. Сколько хватает глаз, побережье занято волнообразными нагромождениями песка, в течение столетий перемещаемого ветром. Поле дюн похоронило следы пребывания человека самых разных времен: и древние стоянки каменного века, и жилища рыбаков эпохи раннего металла, и средневековые городища. Медленно двигаясь в направлении господствующих ветров, дюны постепенно освобождают завоеванные территории, и археологов встречают здесь самые удивительные находки.

Для изучения истории освоения края исключительный интерес представляют открытия, сделанные в 1969 году археологической экспедицией под руководством доктора исторических наук Н. Н. Гуриной. Были найдены два погребения на левом берегу реки Варзуги, в которых обнаружены железные и бронзовые вещи.[7] Железные изделия сильно разрушены, восстановить их форму оказалось невозможным. Определены лишь наконечники стрел, нож, остатки конской сбруи, кресало для высекания огня. Хорошо сохранилась округлая бронзовая лировидная пряжка. На височной кости одного из скелетов нашли остатки окиси бронзы от какого-то украшения. Недалеко от древних погребений обнаружены очаг и часть глиняного сосуда, в котором были натеки от расплавленной в нем бронзы, а также обломки глиняных сосудов, изделия из железа и кости. Особенно

изящно выполнена уховертка – костяное резное украшение для ношения на поясе.

Спустя несколько лет после археологической экспедиции 1969 года в шурфе на склоне песчаной дюны работники цеха противолавинной защиты объединения «Апатит» нашли два бронзовых нагрудных украшения – миниатюрные фигурки лошадей. Интересно, что точно такие же предметы были встречены при раскопках слоя XI–XII веков в Новгороде. Обнаруженные археологические материалы являются первыми материальными свидетельствами освоения новгородцами Кольского Севера.

О том, когда русские люди впервые появились на Кольском полуострове, пока можно судить только приблизительно. Так, в одной из новгородских грамот, датированной 1137 годом, упоминаются местности, прилежащие к побережью Белого моря.

На легких лодках-ушкуях, часто перетаскивая их волоком, отряды новгородской вольницы устремлялись на север. Их манила надежда на богатую добычу: слухи о золоте, драгоценной пушнине, морском звере, дающем бесценный «рыбий зуб», как называли в старину клыки моржа, не давали покоя новгородцам.

К Белому – «Студеному» – морю ватаги ушкуйников выходили по реке Свирь, переправлялись через озеро Онего к его северным берегам. Далее их маршрут пролегал по реке Водле и ее притоку Череве, Волоцкому озеру, реке Поче, Кенозеру и реке Кене, затем в бассейн реки Онеги и к Белому морю. Позднее ушкуйники стали пользоваться иным маршрутом: из Онежского озера через Повенецкую губу они выходили на озеро Выгозеро и по реке Выг спускались к Белому морю.

Предметы промысла, добытые в Поморье, новгородцы продавали заморским купцам. Места звероловного[8] и рыбного промыслов, выгодно расположенные в устьях рек, которые впадали в Студеное море, осваивали снаряженные новгородской знатью «холопы-сбои». Они сооружали здесь ловчие и рыболовецкие станы, соляные варницы.

По тому же пути, в то же время и несколько позже двигались на север и монастырские иноки. Они стремились закрепить богатые зверем и рыбой места за своими монастырями. По-видимому, взаимоотношения монахов с коренным населением края далеко не всегда складывались благоприятно. Некий монах Лазарь, обосновавшийся на одном из островов Онежского озера, писал: «А живущие тогда именовались около озера Онега лопляне и чудь, страшные сыроядцы близ места сего живяху... Многи скорби и биения и раны претерпех от сих зверообразных мужей, многожды бивше и изгнаша мя от острова сего и хижу мою огню предаша. А сами окаянии наущению бесовскому надлежаху и маяты многи деяху. И сотвориша близ мене с женами и детьми, и пакости многи творяху».

Примерно в середине XV столетия промыслом на южном побережье Кольского полуострова занялись соловецкие монахи – «ловяще рыбы на монастырь за морем в Умбе реце... старец же бе тамо ловя, Фотей именем... с соделники своя».

Первые письменные документы, содержащие упоминания о Кольском полуострове, относятся к началу XIII века. Так, в документе, датированном 1216 годом, сказано, что жители Терского берега были данниками новгородцев, а в договорной грамоте 1265 года среди новгородских волостей названа волость Тре. Судя же по норвежским источникам, область новгородской дани не ограничивалась Терским берегом и захватывала значительную часть Кольского полуострова. Так, из текста «Гулатингской Правды», составленной около 1200 года, следует, что новгородцы доходили до Ивгей-реки и Люнгенфиорда, расположенных в современном Финмарке.

Таким образом, начиная с XIII столетия Кольский полуостров находился во владении Новгорода. Древние новгородские названия края –

«Тер», «Тре», «Турья»*[9] относились ко всей внутренней территории края во время, когда ее жители еще не знали, что она является полуостровом.

Заселение края русскими людьми началось в XV столетии. Так, в 1419 году новгородская летопись отмечает «корельский погост в Аргузе», то есть в Варзуге. В «Сотной выписи» 1563 года в Варзуге указывается 126 дворов и в них 167 человек. Соседняя Умбская волость, по-видимому, тоже разрасталась. Появились новые поселения – Порья Губа и Кандалакша.

Дальнейший путь новгородцев из Беломорья пролегал на север полуострова. Наиболее вероятный маршрут их таков: от вершины Кандалакшского залива по реке Ниве, вдоль озера Имандра и по долине Колы в Кольскую губу, а оттуда – к берегам «Варяжского моря» – Варангерского залива, который был наиболее удобен для поселения, мореплавания и промысла благодаря многочисленным гаваням. Населявшая северное побережье полуострова «западная лопь» стала в числе первых данников Русского государства. Новгородцы называли их не ясачными, а луковыми, а по месту жительства – «лукоморскими». В 1496 году по челобитной «лопских всех семи погостов» была издана специальная царская грамота, которая запрещала ввозить и продавать лопарям спиртные напитки. Это ограничение имело в своей основе еще более древние акты, один из которых говорил: «Питья в лопские погосты вин и медов, и пива, на продажу от Великого Новгорода привозить не велено, когда к Великому Новгороду те лопские погосты были приписаны». К сожалению, эти меры тогдашней администрации не шли далее письменных запрещений. Торговцы завозили в саамские погосты спиртные напитки в более чем достаточных количествах.

Несколько позже русским людям стали известны и другие районы северного побережья Кольского полуострова и Финмаркена. Так, 1411 годом датируется военный поход заволочан во главе с двинским посадником Яковом Степановичем. Затем летом 1496 года подобный же морской поход

---

* С этим же названием следует связывать наименование мыса Турьего на юге Кольского полуострова, служившего хорошим ориентиром древним мореплавателям во время путешествия через белое море

был предпринят под командованием московских воевод. Летописец отмечает, что воеводы «ходили з Двины морем акияном да через Мурманский Нос (Нордкап. – **Б. К.**)».

По мере освоения русскими людьми территории Кольского полуострова и омывающих его морей созда[10]лось представление о том, что область Тре окружена водой с трех сторон, то есть является полуостровом, который стал именоваться Терским наволоком.

Как отмечает в одной из работ И. П. Шаскольский, самое раннее упоминание термина «Терский наволок», применительно ко всей территории Кольского полуострова, относится к XV столетию. Но северные грамоты более раннего времени до нас не дошли. Возможно, представление о полуостровном положении Терской земли возникло и раньше – в XIII–XIV столетиях.

Все сказанное имеет большое значение и для истории развития географических представлений в нашей стране в целом. Географическое понятие «наволок» означало мыс или небольшой полуостров, примыкающий к нему. В пору, когда карт на Руси еще не существовало, именно здесь, на Кольском Севере, люди впервые осознали, что полуостровами могут быть огромные пространства суши. Установив, что обширная Терская волость Новгорода является полуостровом, русские первопроходцы сделали значительный вклад в развитие представлений об устройстве земной поверхности.

В конце XV столетия Поморье вошло в состав Московского государства, и мореплавание вдоль северных берегов Кольского полуострова стало особенно оживленным. Тогда же произошло и другое крупное событие – был открыт путь в Западную Европу вокруг Скандинавии.

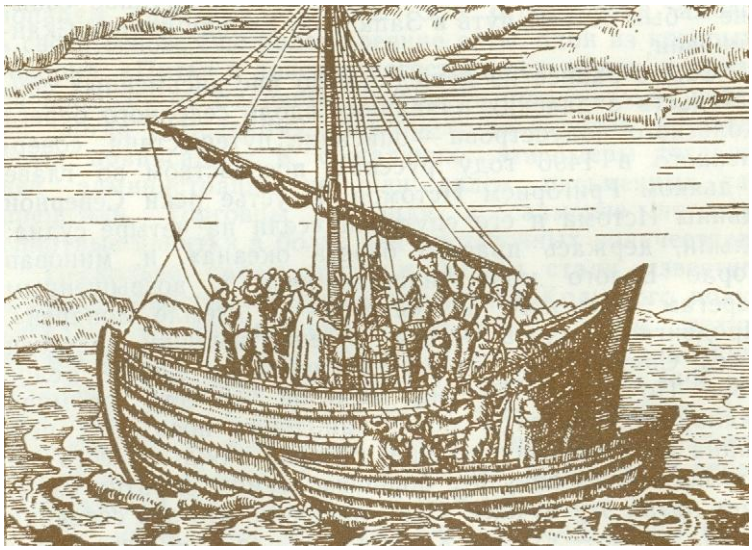
Самое раннее из дошедших до нас письменных свидетельств о далеких плаваниях вдоль северного берега Кольского полуострова – описание путешествия, совершенного в 1496 году русским посольством во главе с дьяком Григорием Истомой. В устье реки Северной Двины Истома и его

спутники «сели на четыре судна; плыли, держась правого берега океана», и, миновав Горло Белого моря, приблизились к возвышенным берегам Кольского полуострова – к «земле лопарей». Продвигаясь вдоль берега, путешественники достигли мыса Святой Нос, ограничивающего на западе Белое море. По словам Истомы, «Святой нос есть огромная скала, вдающаяся в море, наподобие носа; под нею видна водоворотная пещера, которая каждые шесть часов поглощает воду и с большим шумом обратно изрыгает назад эту пучину. Одни говорили, что это середина моря, другие – что это Харибда. ...Сила этой пучины так[11] велика, что она притягивает корабли и другие предметы, находящиеся поблизости, крутит их и поглощает и что они (путешественники. – Б. К.) никогда не были в большей опасности. Ибо когда пучина внезапно и сильно стала притягивать корабль, на котором они ехали, то они едва с великим трудом спаслись, налегши всеми силами на весла».

Следующий пункт побережья Кольского полуострова, о котором мы узнаем из описания Григория Истомы, – устье реки Харловки и архипелаг Семь Островов, где находились две хорошо известные поморам якорные стоянки.

Тем же путем, что и Григорий Истома, ходили в Данию из Белого моря Власий и Дмитрий Герасимовы в конце XV – начале XVI века. Сообщения Герасимовых отличаются подлинным знанием быта и жизни кочевого народа. Они рассказывают, что у лопарей нет хлеба, соли, и они питаются только рыбой и дикими животными. Они искусные стрелки, носят платье из различных звериных шкур. Так как они не понимают других язы[12]ков, то иностранцам кажутся почти немыми. Свои жилища они покрывают древесной корой. Истребив на одном месте диких зверей и рыбу, они перекочевывают на другое.

Путь каравана лежал на запад, вдоль полуострова, через Мотовский залив, туда, где от Мурманского берега далеко на север выступают полуострова Рыбачий и Средний. Чтобы обогнуть их и войти в воды Варангер-фиорда,



Русская лодья в Баренцевом море. Гравюра из «Морского дневника» де Фера. 1598 г.

парусным лодьям требовалось не менее восьми дней. Стремясь избежать такого долгого плавания, кормчие направляли лодьи в залив между полуостровами, вершина которого сегодня называется бухтой Озерко. По узкому перешейку, соединяющему оба полуострова, путешественники волоком «с великим трудом на плечах перетащили и свои суда, и груз через перешеек шириною в полмили» и оказались в морском заливе – Большой Волоковой губе. По-видимому, этим волоком поморы пользовались часто. Отсюда посольство направилось в норвежскую крепость Вардегуз (теперь город Вардё) и далее – в Берген.

Интересно заметить, что, одновременно с накоплением русскими людьми данных по географии Севера, в Европе о жителях Лапландии существовали самые нелепые представления. Так, в «Норвежской истории» датского писателя Саксона Грамматика рассказывалось, как однажды несколько мореплавателей, во время плавания из Исландии в Норвегию, были отнесены ветром в «туманную область» и, пристав к какой-то земле, «нашли людей необычайного роста и дев, которые, говорят, делаются беременными от глотка воды».

Французский лекарь Ламартиньер, уже в середине XVII века, сообщал, что лопари «все волшебники и держат домашних дьяволов в виде черных кошек». Кроме того, «в Лапландии вся дичина белая: медведи, волки,

лисицы, зайцы; и даже вороны белы, как лебедь, имея только клюв и лапы черные». Комментируя сведения, сообщенные этим путешественником, Ф. П. Литке впоследствии замечал, что они «по содержанию своему принадлежат к числу таких путешествий, как Мюнхгаузеново».

В начале XVI столетия Кандалакшский и Терский берега Кольского полуострова были заселены русскими людьми. Мурманский же берег, хотя путь к нему из Новгорода и Москвы был давно и хорошо известен,[13] только начал осваиваться. Приток русских на Кольский полуостров усилился во второй половине XVI столетия, во время царствования на Руси Ивана IV. По свидетельству голландского купца Симона ван Саллингена, в это время «народ по причине репрессий бежал и селился в Лапландии». Симон ван Саллинген сообщал также, что в Мальмусе, как называлась у датчан и голландцев Кола, стояли три деревянных дома. В 70-х годах XVI .столетия там насчитывалось уже 44, а в 1607 году – 94 двора. В 1547 году на крайнем северо-западе Кольского полуострова возник Печенгский монастырь, <в окрестностях которого возникли поселения Баркино, Княжуха. На полуострове Рыбачьем растут становища Вайда-Губа (Кегоры) и близ мыса Цып-Наволок. В Коле, Печенге, Вайда-Губе и Цып-Наволоке поморы Мурманского побережья вели бойкий торг с прибывавшими через «Варяжское море» иностранцами. Эти поселения становятся опорными пунктами плаваний наших земляков к побережьям Северной Европы.

В середине XVI века Кольский полуостров уже был нанесен на русские географические карты. В описи архива московского Посольского приказа, составленной в 1614 году, отмечено: «В коробье: чертеж Кольскому острогу и волостям и Печенскова монастыря землям з дацкими рубежи... Чертеж Корельские и Лопские земли к Мурманскому морю с каннскими немцы...»

В 1627 году завершился труд по созданию выдающегося картографического документа эпохи – «Большого чертежа» Московского государства. На части «чертежа», изображающей территорию Кольского полуострова, было нанесено 71 географическое название, в том числе 40 рек,

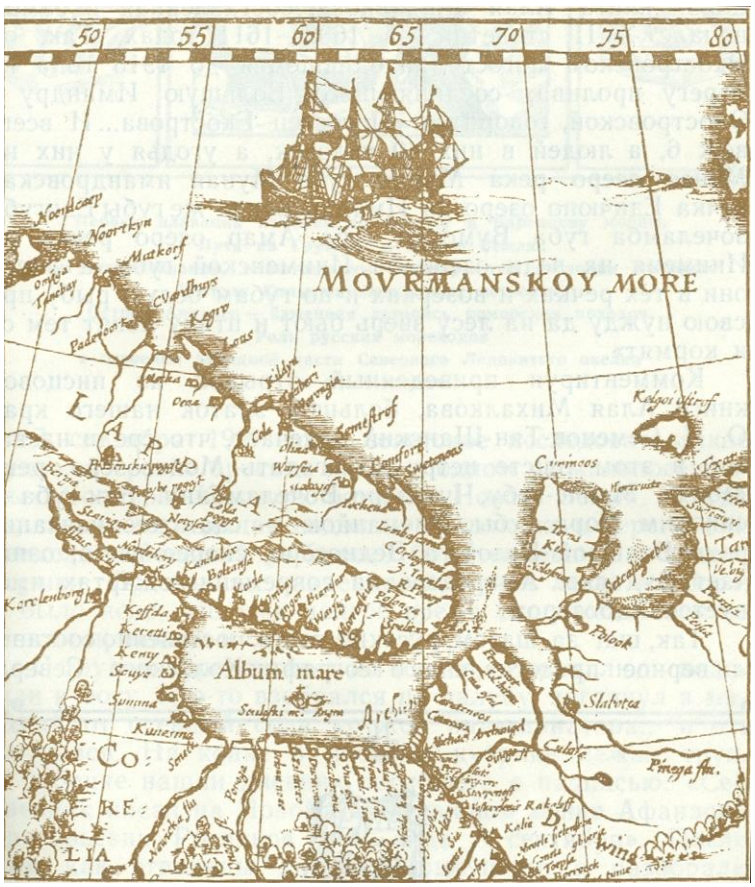
много островов и озер. Из поселений на карте были показаны Кола, Печенга, Кандалакша, Варзуга, Умба. В дошедшей до нас «Книге Большому чертежу» дано краткое географическое описание края, охарактеризованы основные элементы орографии и гидрографии центральной части Кольского полуострова: «А Нива река вытекла из Озера, из Имандра, и пала в море, а на устье реки Нивы монастырь Кандалакша, а по берегам того озера горы Будринские* вдоль Имандра[14] озера сто верст, а от Iивы реки за тем озером Имандром о полунощный страны, и не из иных озер неподалеку вытекла река Кола, и пала под градом, под Колою».

Часть «Книги Большому чертежу» – «Роспись по морским рекам берегу Ледовитого Океана» также показывает, что русские картографы XVI–XVII веков, опиравшиеся на богатый опыт мореплавателей-поморов, внесли значительный вклад в географическую науку,[15] выполнили опись всего морского побережья Русского государства от границы Норвегии. Пользуясь «Росписью», отечественные мореплаватели могли уверенно ориентироваться у берегов, узнать расстояние между прибрежными пунктами. Так, на пространстве от реки Тенуй (река Тана в Финмаркете) и до Архангельска, кроме города и (монастырей, имевших причалы для судов, показаны три корабельных становища в районе Семи Островов и в Иокангском заливе.

О характере заселенности Кольского полуострова, о населенных пунктах, о численности жителей и их занятиях давала представление, и довольно широкое, писцовая книга Алая Михалкова, составленная в самом начале XVII столетия – в 1608–1611 годах. Так, об Экостровском погосте, находившемся до 1915 года на берегу пролива, соединяющего Большую Имандру с Экостровской, говорится: «Погостец Екострова... И всего веж 6, а людей в них 40 человек, а угодья у них на Мунзе озеро река Муная губа Муная имандровская речка Ёдичюно озеро да Имандровские же губы Едигуба вочеламба губа Вумская губа Амар озеро речка на Инименя на веди

---

* Будринскими горами русское население края называло горы системы Главного хребта в центральной части полуострова. В некоторых случаях это орографическое понятие распространялось и не горный массив Хибинских тундр.



Кольский полуостров по чертежу земли Московской XVII века

озеро на Инименской губе, а ловят они в тех речках и возерках и по губам белую рыбу про свою нужду да на лесу зверь бьют и птицу ловят тем ся и кормят».

Комментируя приведенный отрывок из писцовой книги Алая Михалкова, большой знаток нашего края О. И. Семенов-Тян-Шанский отмечает, что среди названий в этом тексте нетрудно угадать Мончеозеро, реку Монче, Монче-губу, Чунозеро, Вочеламбину. Еди-губа – синоним Пора губы. Энеманйок – саамское название реки Большой Белой, а Ведиозеро, скорее всего, означает Вудъявр. Амарозеро на современных картах именуется Хабозером.

Так, шаг за шагом, русские люди постепенно составили верное представление о географии Кольского Севера.[16]

Кольские мореходы

Первые плавания поморов по Белому и Баренцеву морям.
Пути на Грумант и Новую Землю.
Опыт мореплавания, навигационные инструменты и лоции поморов.
Жители Колы на заполярных островах.
Остров Аникиев – каменная летопись поморских походов.
Роль русских мореходов в освоении западной части Северного Ледовитого океана и его островов.

7 сентября 1927 гада советское исследовательское судно «Персей» бросило якорь в одном из малопосещае- мых заливов Южного острова Новой Земли. Когда участники экспедиции подошли на шлюпке к берегу, они увидели небольшой рыбацкий бот, темневший в полосе осушки. Суденышко накренилось, почти легло на борт, и было ясно, что уже долгое время оно находилось во власти приливов и отливов.

С трудом передвигаясь по топкой отмели, люди подошли к боту. Кто-то взобрался на палубу, заглянул в матовый от осевшей соли кружок иллюминатора... и отшатнулся. На койке в носовом кубрике лежал труп. В кубрике нашли дневник погибшего с надписью: «Сей дневник писал на Новой Земле южном конце Афанасий Григорьевич Росляков 1924 года 9 сентября». После того как страницы дневника высушили и разобрали записи, стали ясны подробности гибели Рослякова.[17] Он провел у западных берегов острова четыре долгих месяца. Последняя запись сделана 17 февраля 1925 года: «Страшная боль в ногах. Не могу встать. Лежу беспомощный, ожидая конца жизни. Последнее мое желание: если бы кто нашел меня и положил в камни этот добрый человек. Кабы лежать на сухом берегу. Афанасий Росляков из Териберки».

Последнее желание Рослякова было исполнено. Его захоронили среди камней на склоне небольшой возвышенности. Вместо памятника на могиле поставили обломок мачты.

По словам принимавшего участие в захоронении известного советского исследователя и путешественника С. В. Обручева, «Росляков олицетворяет в себе всех бесчисленных поморов, которые в охоте за «зверем» – тюленями, моржами и медведями – бесстрашно обошли все северное побережье России, открыли много столетий назад Северный морской путь к Оби и Енисею, обогнули Новую Землю. Без всякого страха зимовали они по два-три года на Новой Земле и Груманте, гибли от цинги и оставляли на побережье могилы и разбитые суда». Русские поморы и монастырские промышленники издавна совершали плавания из Белого моря вдоль северного побережья Кольского полуострова – к Коле и в Печенгскую губу.

Возможности дальних плаваний у поморов значительно расширились в XVI столетии. Если раньше поморы выходили в море на небольших лодьях, то теперь плавали в океан на «кочневых лодьях», или кочах. Чтобы лодья не разбилась о лед, на ее борта нашивали «коцу» – пояс из крепкого дубового дерева. Кроме коцы суда имели ледовые отводы и округлые обводы корпуса, благодаря которым коч выталкивало на поверхность льда. Длиной «кочневая лодья» была около 20, шириной – 5–6 метров. Она могла поднимать груз до 2–2,5 тысячи пудов и при хорошем ветре развивать большую скорость. Плавания поморов из Белого моря к устью Оби были, пожалуй, обычным явлением. Английский мореплаватель Стивен Бэрроу в 1556 году отмечал: «Русские были смелыми и хорошими мореходами. У них были также суда, которые шли быстрее английских».

Участник экспедиции Баренца Геррит де Фер в своем дневнике рассказывал, что 12 августа 1597 года корабли[18] голландской экспедиции встретились в море с русским судном, и поморы, посмотрев на «небольшой морской компас», указали заморским гостям необходимое направление.

Многочисленные письменные источники XVI–XVII столетий рассказывают об опасностях, которым подвергались наши земляки в водах морей, омывающих Кольский полуостров. В одной из древних соловецких рукописей, в «Чуде о брате Протасии и страждущих человецах в семи судех»,

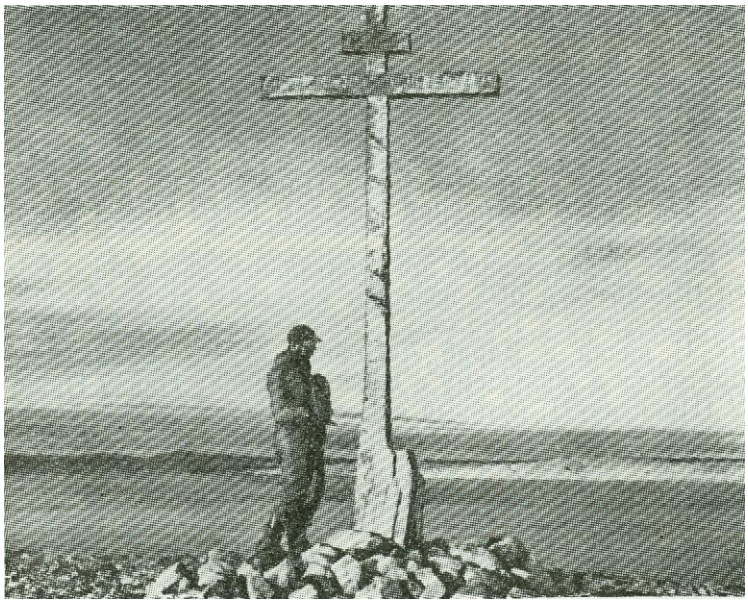
сообщается о весенних 'Промыслах в Белом море: «...(прежде буря ветреная велия и трус велик в море, и подвижеся морс от зельного дыхания ветреного». Было это во время стоянки судов у кромки льда, когда «нача бити подо льдом зыбь велика, яко не мощно нам на леду стояти от нужа волн морских». Судно отнесло в море. Оно бушевало так, что даже старые зверобои «не упомнят такова и толика труса морского». Спустя несколько дней кочи поднесло к берегу, но лед не давал возможности -подойти к нему вплотную. Ледовый плен продолжался семь дней.

Уже на рубеже XVI–XVII столетий Кольские промышленники посещали самые отдаленные арктические острова. Старинный документ свидетельствует: «...в лето 7113 (1605 г.) во граде Самаре был человек поморенин, именем Афанасий, рождение его за Соловками на Усть-Колы. И он сказал про многие морские дивные чудеса, а про иные слыхал. И ездил он по морю на морских судах 17 лет, и ходил в темную землю, и тамо тьма стоит, что гора темная, издали поверх тьмы тоя видать горы снежные в красный день». По-видимому, речь в документе идет о посещении жителем Колы Новой Земли или Шпицбергена.

Более определенные документальные сведения о том, что Шпицберген был известен Кольским промышленникам, относятся к 1596 году, когда датский король Фридрих II писал в Вардё Людовику Мунку, приказывая обратиться к живущему в Коле кормщику Павлу Ниши- цу (Никитичу?), который ежегодно около варфоломеева дня отправлялся «в Гренландию» (Груланд). Колянин плавал не раз к этим землям и предлагал провести туда датские суда. Русские поморы давно знали от скандинавов о существовании Гренландии – огромного острова и думали, что Шпицберген и есть Гренландия. Именно поэтому его и именовали Груландом, а позднее – [19] Грумантом. Под таким названием он и был известен на Русском Севере. В. Баренц также считал Шпицберген частью Гренландии, и это заблуждение продержалось вплоть до 1820 года.

Промыслы на Шпицбергене достигли наибольшего расцвета в начале XVII столетия. В бухте Вирго возник целый городок, населенный, правда, только в период летнего промысла. Поселение носило название Смеренбург – «Ворванный городок»: здесь было множество котлов для вытапливания китового сала.

В 1912 году на месте существовавшего Смеренбурга побывал Фритьоф Нансен. «Здесь, – записал он, – некогда стоял целый город, с лавками и улицами, в котором летом собиралось до десяти тысяч жителей. Несмолкаемый шум стоял около салотопен, игорных домов, кузниц, мастерских, кабачков и танцевальных помещений. На этом низком берегу толпами собирались моряки, возбужденные, вернувшиеся с охоты на китов, и здесь же сновали в своих пестрых нарядах девки, отправлявшиеся на охоту за мужчинами».[20]



Поморский обетный крест на Шпицбергене

Поморы не принимали участия в китобойных промыслах на Шпицбергене, хотя попытки их организации известны. Наших промышленников прельщали здесь не киты, а промысел моржей, которых в водах архипелага в отдельные годы добывалось более тысячи. Здесь же

промышляли белуху, песца, тюленя, белого медведя, охотились на оленей, собирали гагачий пух.

Интересные документы, рассказывающие о развитии мореходства в Коле, обнаружил в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР И. Ф. Ушаков. Среди них составленное в 1786 году под наблюдением архангельского генерал-губернатора Т. И. Тутолмина «Описание рыбных и звериных морских промыслов Архангельской губернии». В разделе «Краткое топографическое описание Архангельской губернии» говорится: «Город Кола – в 50 верстах от Северного окияна: жители оного производят морские промыслы при своих берегах, а некоторые из них и у Спицъбергена». Па другой странице «Описания» читаем: «Архангельцы, онежцы и Кольские жители ходят и промышляют на Новой Земле, но более ходят на острова Шпицберген и Гренланд, которые у простова народа известны вообще под именем Большого и Малого Груманта».

Из другого источника, хранящегося в Архангельском архиве, – «рапорта» коменданта Колы полковника Б. И. Ернера известно, что участниками этих дальних морских походов были и находившиеся в Коле ссыльные. «Из здешнего города, – писал Ернер 14 декабря 1787 года, – отправляют ластовые суда для звериных, рыбных и сальных промыслов на Грумант, а другие в зимовье... По малоимению для найму из вольных работников желают брать для тех звериных промыслов на Грумант за добровольную плату из числа находящихся здесь присланных на поселение...»

Становища русских промышленников были рассеяны по побережьям всех островов архипелага. Центром становища обычно служила большая «становая изба», в которой жил глава артели – «корщик» вместе с наиболее опытными охотниками. Вокруг избы были разбросаны «станки» – избушки членов промысловой артели. Они представляли собой «жалкие, сажен двенадцати квадратные сарайчики, скоро сколоченные из барочных досок и

покрытые мхом. В избе постоянно, всю зиму стоит звериное и оленье сало, закисая в тепле и делая[21] атмосферу в избе нестерпимо зловонной; в избе развешиваются для сушки звериные шкуры, весь пол устлан оленьими шкурами, и, в придачу, в избе в зимнее темное время день и ночь горит жирник с ворванью».

Поморы нередко страдали цингой. Здесь, рассказывал очевидец, «человека неодолимо влечет природа ко сну; по этой-то причине они (зимовщики. – Б. К.), чтобы не спать, наряжают друг друга навязывать узлы на веревки и снова развязывать или спарывать с полушубков овчинные заплаты и опять нашивать, неослабно наблюдая, чтобы наряды эти были исполняемы». Бороться с цингой колянам помогало прекрасное знание целебных свойств растений заполярных островов. Один из зимовщиков рассказывает, что от цинготной болезни промышленники берут с собой «ягоду морошку, да сосновые шишки, да тама под горами в таких местах, где птицы гнезда вьют, растет трава, которая называется салата, а тою де травою от оной болезни промышленники пользуются, для чего же оную траву и в зиму запасают... А летнее де время свежую салату парят в печи и варят на огне в воде и квасу, а как упреет, то оную воду и квас пьют теплое, а и свежую, по нужде, кто пожелает; есть можно, а в зиму запасают квашеную наподобие капусты сеченой и варят вместо щей, с мясом и с рыбой, и постное употребляют так, как щи, а сушеной не запасают для того, что она трава сушеная быть не может, но отсыревает и от этого портится. А растет та трава вышиной в четверть аршина и повыше, а листы у нее круглые, величиной в нынешний медный грошевик, а стебелек тонкий, а берут ее и употребляют те стебельки с листами, кроме корней, а коренья не берут и не употребляют».

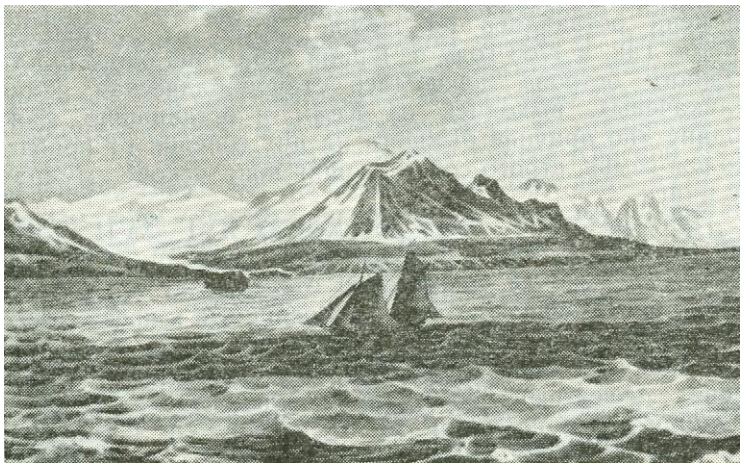
И все же зимовки не всегда оканчивались благополучно. Так, в 1820 году в одном из поморских становищ был найден ящик с десятью трупами, а в избе обнаружено еще три трупа, частично изъеденных песцами. В 1837 году в становище близ южного мыса погибло двадцать два русских

промышленника, а в следующем году на одном из островов умерло восемнадцать человек. Рассказы оставшихся в живых промышленников о жестоких условиях жизни на острове заставили прекратить промыслы в водах архипелага. О пребывании русских людей на Шпицбергене свидетельствуют оставленные там промысловые избы, кресты и могилы.[22]

Поморы, несомненно, были в числе пионеров освоения и другого заполярного архипелага – Новой Земли. Картину массовых походов на Новую Землю рисует отписка дарю Алексею Михайловичу двинского таможенного головы Матвея Черкасова (ноябрь 1647 года), в которой говорится, что «в прошлых, государь, годах... с Устюга и с Ваги и с иных городов и с уездов с хлебными запасы и с товары, и с Мурманского моря и из иных мест с рыбою и салом, и из поморских волостей с товары и с деньгами, и с Новой Земли с кожей и с салом моржовым и с костью рыбья зубу... торговых и промышленных всяких людей в приезде было много».

Путь из Колы к Новой Земле пролегал на восток – к северной оконечности полуострова Канин, а оттуда – к берегам Южного острова «между севером и полуношником», туда, где «та Новая Земля лежит против Мурманской стороны».

Промыслы на Новой Земле велись главным образом у берегов Южного острова, на Северном острове поморы бывали сравнительно редко. С одной стороны, это объяснялось тем, что у Северного острова встречалось меньше моржей, с другой, тем, что по ледовым условиям плавание деревянных парусных судов севернее[23] Маточкина Шара было трудным и опасным. Это не значит, однако, что русские промышленники вовсе не ходили к Северному острову. До нас дошла карта Новой Земли, составленная со слов новоземельских мореходов в 70-е годы XVII столетия, на которой обозначены места, посещавшиеся в то время: показаны 25 поморских становищ, островов, заливов и проливов, 6 из которых лежат севернее Маточкина Шара. Крайним северным пунктом поморских промыслов являлась Архангельская губа, а конечным пунктом плавания поморов –



Русский корабль у берегов Новой Земли.
С картины художника Редера. 1837 г.

Максимково становище в северной части Северного острова. Дальше плыть было невозможно из-за «великих и непроходимых льдов».

Случаи, когда выходцы из Колы и других северных городов оставались на Новой Земле на постоянное жительство, не известны. Архангельский историк В. В. Крестинин, составивший первое описание архипелага на русском языке (1789 год), сообщает, что «...на Новой Земле всегда жительствуют люди, но токмо с тою разницею от других человеческих селений, что здесь никто не утвердил и утвердить, кажется, никто собственною волею не захочет постоянное себе жилище. Все жители сей земли суть пришельцы, мореплаватели и звероловцы, стекающиеся с тем намерением, дабы препроводить в новоземельском звероловстве время, несколько более или менее года, и потом с желаемою добычею возвратиться восвояси».

Известны лишь единичные случаи, когда люди в те времена оставались на Новой Земле на длительное время. Так, в 1763 году в Черной губе близ оконечности Южного острова поселилась старообрядческая семья Пайкачевых, выходцев из Кеми и оставивших свою родину «по причине бывшего на них гонения от попов». Но вся семья, строго соблюдавшая пост, вскоре вымерла от цинги.

Примечательно, что в документах XVI–XVII столетий, достаточно часто сообщающих о плаваниях на Новую Землю, почти совершенно отсутствуют какие-либо упоминания, непосредственно относящиеся к посещениям Шпицбергена, несмотря на то, что плавания туда, как мы видели, не были редкостью. Это обстоятельство объясняет известный советский исследователь истории полярного мореплавания М. И. Белов. Он установил, что путь на Шпицберген проходил не по кратчайшему[24] расстоянию от Колы, а от Колы к Новой Земле и оттуда на запад – вдоль кромки льдов. Таким образом, поморы совершали непродолжительные переходы от одного острова к другому. Это было менее опасно, так как острова время от времени прикрывали от суровых северных ветров. В таможенных документах того времени указывались лишь поездки на Новую Землю, дальнейший же путь следования судов не отмечался, хотя часть таких походов имела целью продолжение плавания в направлении Шпицбергена.

Интересно также, что на немногочисленных дошедших до нас картах начала XVII столетия маршруты таких плаваний совпадают с положением кромки льдов. Как замечает известный советский океанограф Н. Н. Зубов, это не могло быть случайным: поморы к тому времени уже хорошо знали положение края льдов и учитывали его в своих плаваниях.

Наших земляков-поморов привлекали отдаленные и суровые побережья Арктики не только в интересах промысла. Поморы-мореплаватели были подлинными исследователями, каждый шаг которых отражался в точных «росписаниях мореходства», явившихся прообразами современных лоций и гидрографических описаний. До нас дошел текст одного такого «росписания», датируемого первыми годами XVIII столетия. В предисловии к нему сказано: «Сие росписание составлено вернейшим порядком, по которому «мореплаватели находят, то есть узнают, все опасные места и через то сберегают жизнь свою». Так, например, исключительно тщательно сделана запись о Семиостровском рейде: «С немецкого конца заходить – есть двое ворот, токмо на малой воде обсыхают, а в полводы пустят. Ходить надо

знаючи, есть в воротах камень, а в голомянную (т. е. удаленную от берега. – Б. К.) немецкую сторону правее Красной Лудки чисто, токмо от костагора с востока надо идти не близко, есть с востока водопоймина (камень, покрываемый водой лишь в прилив. – Б. К.) да и с лета сажень за десять тоже есть водопоймина – на полной воде оба закрывает... Бережнее луд у Наволоков мелко, ходят порожними лодьями больше чем в пол воды прибылой. С моря у Воятки и Зеленца островов чисто и глубоко, хотя и великая бывает в непогоду зыбь».

Наличие подробных описаний берегов способствовало освоению Мурманского берега промышленниками-[25] поморами, в основном выходцами с Терского и Карельского берегов, нередко отправлявшимися на запад в самые далекие становища, расположенные по пути в Вар- дё. Хорошо известно, что район поморских промыслов в XVIII столетии включал на западе не только побережья Кольского полуострова, но и соседнего Финмаркена. В донесении губернатора этой провинции, датированном 1775 годом, говорится, что русские посещают этот край не только в летний период, но и остаются там на зиму. Только за последние два года, отмечается в документе, в местечке Сёрен ими построено 13 домов. Здесь побывало 244 русских судна, не считая 80 палубных судов для перевозки грузов, на борту которых находилось до тысячи промышленников. «Рыбы русские, без сомнения, выловили более, чем все подданные его величества датского короля».

Поморы на побережье Финмаркена пользовались заслуженным уважением. «Я хотел бы поселить у себя колонию русских. Она принесла бы большую пользу нам, потому, что русские научили бы наших людей быть трезвыми, прилежными, бойкими и расчетливыми, обладать достоинствами, знакомыми нашим жителям лишь понаслышке», – писал губернатор.

Морской путь из Колы в Архангельск также был весьма «людлив», и полоса прибрежья пестрела парусами лодей, карбасов и шняк. От норвежской границы до самого Поноя не известно ни одного устья реки, где

бы в летнее время пустовало становище рыбопромышленников. В некоторых из них насчитывалось тогда до 20 изб.

Будто самой природой создан своеобразный памятник отважным мореходам Севера – небольшой островок Аникиев, поднимающаяся из моря высокая скала близ северо-восточной оконечности полуострова Рыбачьего. Одна из каменных плит на этом островке является подлинной летописью морских плаваний. Тщательно высечены на ней имена и геральдические знаки бывавших здесь мореходов разных стран. На податливом сланце видны надписи, относящиеся к XVI, XVII, XVIII столетиям.

Поморы были мореплавателями удивительной стойкости и отваги. Без них не обходилась ни одна экспедиция в северных морях, ни одно сколько-нибудь серьезное плавание на севере страны.[26]

Мореходный опыт поморов оставил глубокий след в истории отечественных открытий на Севере. Своеобразные описи побережий, беломорские лоции служили неоценимыми документами при создании научных опи-саний арктических морей в XVIII–XIX веках. В освоении Арктики – в экспедициях XX века под руководством Э. Толля, В. Русанова, Г. Седова, Ф. Нансена, Б. Вилькицкого и многих других – участвовали поморы.

Таким образом, большие заслуги мореплавателей- поморов в развитии полярного мореплавания в Европей-ском секторе Арктики на раннем этапе его освоения бесспорны. По словам М. И. Белова, «....их стойкости, упорству и мужеству, проявленным в борьбе с суровой природой, человечество обязано развитием правильных представлений об арктических морях, их природных особенностях и возможностью плавать в них».[27]

Неувядаемую славу снискавший

Академические экспедиции и их задачи.
Отряд И. И. Лепёхина.
Н. Я. Озерецковский в Коле.
Его знакомство с хозяйственным укладом и промыслами колян.
Морские экскурсии у берегов Мурмана.
Посещение острова Кильдин и открытие озера Могильного.
Путешествие И. И. Лепёхина по Белому морю.
Научные результаты экспедиции.

Небольшая речная лодья медленно двигалась по Северной Двине. Позади остался Великий Устюг, где путешественника – адъюнкта Петербургской академии наук Ивана Ивановича Лепёхина достигло счастливое известие об избрании его академиком.

Долгое плавание располагает к размышлениям. Лепёхин вспоминает свое детство, когда его отец, отставной солдат Семеновского полка Иван Сидорович Лепёхин привел двенадцатилетнего Ваню в академическую гимназию. Сам академик Крашенинников, прославленный автор «Описания земли Камчацкой», экзаменовал его. В 1760 году, после окончания гимназии, распоряжением господина советника Ломоносова, Лепёхин был переведен в Академический университет. А спустя два года для продолжения образования отправлен в Страсбург, где провел долгие пять лет.[28]

Уже четвертый год ученый встречает в пути. В июле 1768 года он отправился в путешествие. Маршрут проходил по Поволжью, Уралу, Астраханским степям. Организованная по решению Академического собрания «физическая» экспедиция имела целью «собирание натуральных вещей и изучение трех царств природы», ее отряды разбросаны на огромном пространстве империи, от Астраханских и Оренбургских степей до Ледовитого океана.

Еще зимой 1771 года Лепехин отправил в Архангельск своего ученика – студента Николая Озерецковского, что «перед другими больше полагал

надежды» для собирания птиц, рыб и «прочих Белого моря продуктов». Посетив Соловецкие острова, двигаясь вдоль восточного и северного берегов Кольского полуострова, Озерецковский в июне того же года достиг Колы.

Иван Иванович Лепёхин (1740–1802 гг.)

К тому времени город был уже значительным торговым пунктом побережья Лапландии. Он имел деревянную пристань, две церкви, несколько лавок и более полутораста домов. Мужское население города, по сведениям путешественника, составляло 417 человек.

Во время пребывания в Коле Озерецковский интересуется всеми сторонами хозяйственной жизни, уклада и быта населения, главным занятием которого был рыбный промысел: лов трески, палтуса и семги. Осенью добычей поморов становилась сельдь, заходившая в Кольский залив в огромных количествах. Тогда, по свидетельству Озерецковского, наступало время, когда рыбаки прямо «у дворов своих вытаскивают из губы полные сельдей неводы».

В Кольском заливе Озерецковский видит и живых китов. В губе они «... разгуливают... в великом множестве, и выходя на поверхность воды наподобие дыму выметывают из себя воду через головные дыхалы; выкинув ее, головою опускаются в глубину, выставляя[29] потом хребет свой наружу и наконец показывая широкий горизонтальный хвост». Поморы охотились на них, опутывая неводами из канатов, а потом «били в воде носками и рогатинами, обопряя кровью их великое пространство воды...» Однажды промышленники доставили натуралисту акулу, их в заливе в отдельные годы было столько, что промысел рыбы тут становился невозможным и рыбаки вынуждены были выходить далеко в открытое море. «При ярусном лове, – пишет Озерецковский, – на самые те крючки, кои ставятся для рыбы, попадаются разные морские животные, как-то морские звезды, каменные деревца, губки, морские ежи и многие черви, кои для испытателя природы важнее всей трески и палтусятины. Для приобретения сих редкостей

многократно с промышленниками ездил я на ярусы и благополучно возвращался с добычею».

В числе обитателей моря, кроме промысловых рыб, китов и акул, Озерецковский называет зубатку, пинагора, ската, каракатиц, медуз. Последних, по его свидетельству, коляне «собирают в стеклянки, и когда они от разрушения всем тварям общего, распускаются в некоторую жидкость, то сею жидкостью натирают глаза в неопределенных глазных болезнях и с недоказанною прямо пользою». Вообще же, по замечанию Озерецковского, «исчисление всяких морских животных, как в Кольской губе, так и в противу оной в море попадающихся, могло бы составить большую книгу и задержало бы нас как в исследовании, так и в описании оных целые годы».

Николай Яковлевич Озерцовский (1750-1827 гг.)

Из записок путешественника мы узнаем, что уже два столетия назад в Коле делались попытки развития земледелия и успешно выращивались некоторые огородные культуры, а «особливо капуста и репа; последнюю сеют позади города... На нее всегда бывает урожай, и слу[30]чаются репы до десяти фунтов. С нею ездят иногда коляне на лодках в дацкие приморские селения и там ее продают». Капуста также хороша, и «Кольские щи отменно бывают вкусны». Имели горожане и молочный скот. В летнее время коров откармливали водорослями, которые животные поедали очень охотно, а зимой – вареными тресковыми головами с примесью отрубей.

Живя в Коле, молодой ученый не раз отправлялся на экскурсии в окружающие город возвышенности. Однообразие местности, а при удалении от моря и отсутствие надежных ориентиров делали эти экскурсии небезопасными: в тундре было легко заблудиться, но они дали возможность натуралисту познакомиться с растительным и животным миром края. Среди животных – обитателей лесотундры – он называет лисиц, песцов, росомах, рысей, волков; из пернатых – куликов, бакланов, гагар, тупиков, крохалей. Рассказывает Озерецковский и о пеструшках – леммингах, стаи которых

заходили в город. С раздражением путешественник упоминает о комарах, которые «по множеству своему суть язва Лапландии». Характеризуя растительность края, он особо отмечает морошку, которую в те времена в Коле заготовляли и отправляли в Петербург к императорскому двору, а также воронику, ягоды которой «не столь питательны, сколь лекарственное производят действие».

Во время дальних походов на Пулозеро и Имандру Озерецковский сталкивается с коренными обитателями края – лопарями. Путешественник описывает их кочевой быт, искусство рыбной ловли, сноровку в охоте. Одновременно он говорит о тяжелых условиях жизни лопарей: они нередко едят сосновую кору, много детей у них «помирает в младенчестве». Из записок Озерецковского мы узнаем и о распределении местного населения по погостам, в которых всего проживало 785 «душ мужского пола»: в Ляозерском погосте – 78, Пазрецком – 30, Нявдемском – 7, Сонгельском – 63, Нотозерском – 57, Ловозерском – 54, Екостровском – 32, Масельском – 24, Бабииском – 55, Кильдинском – 37, Воронинском – 36, Печенгском – 29, Семиостровском – 118, Мотовском – 25, в пяти погостах Терского берега–140 человек.

Одним из самых интересных путешествий, предпринятых Озерецковским во время его пребывания в Коле, была поездка на Кильдин, который, по его описанию,[31] «представляет такие великие возвышенности, на которых в разных местах с трудом взойти можно». Путешественник дает подробную характеристику пролива Кильдинской салмы и берегов острова, сообщает о скудной растительности, представленной в долинах можжевельником, ивняком и карликовой березкой, а на возвышенных местах толокнянкой. Озерецковский первый из натуралистов посетил получившее затем мировую известность озеро Могильное. Своеобразие фауны этого уникального водоема, в котором «примечены также морские рыбы», заинтересовало исследователя.

Нередко путешественник уходил далеко от становища, останавливаясь на привал лишь тогда, когда холод давал о себе знать. С большой непосредственностью он замечает, что «холод Северного Океана возбуждает несказанную в еде охоту, и всякое кушание без приправ, без прибору, в котле на диком камне, чрезмерно делает приятным».

Будучи на острове, Озерецковский наблюдал многочисленные птичьи базары, на которых жители Колы собирали яйца и гагачий пух. «Собирание яиц, – пишет он, – сопряжено с крайней опасностью, и некоторым из колян стоило жизни, ибо иные с утесов упадали на острые камни и тут же умирали; другие оборвавшись с яру и летя на низ делались уродами».

Огромное впечатление произвели на путешественника пейзажи Кильдина в светлые летние ночи: «На открытом и высоком сем острове летние ночи бывают наипрекраснейшие. Нельзя их препроводить во сне, когда солнце на горизонте стоящее облаками бывает не закрыто. В такие ночи простыми глазами на сие прекрасное светило безвредно смотреть можно, нет, кажется, в природе величественнее сего зрелища. Оно представляет безмерной величины круг, которого ни с каким известным телом, в рассуждении обширности, сравнить не можно. Цвет светила сего в ночное время не ярок и смешан с некоторою краснотою, сияние его подобно свету от горящих углей происходящему: лучи его, прямо или почти горизонтально из него истекающие, освещают поверхность моря и земли точно таким светом, какой примечается на земле во время полного солнечного затмения».

Полярная ночь, «которую глубокие снега своею белизною, а северные сияния частым, скорым и обширным[32] своим блеском делают довольно светлою...», была в разгаре, когда Озерецковский оставил Кольский полуостров. 15 декабря 1771 года он прибыл в Архангельск, где в это время находился основной отряд экспедиции во главе с Лепёхиным.

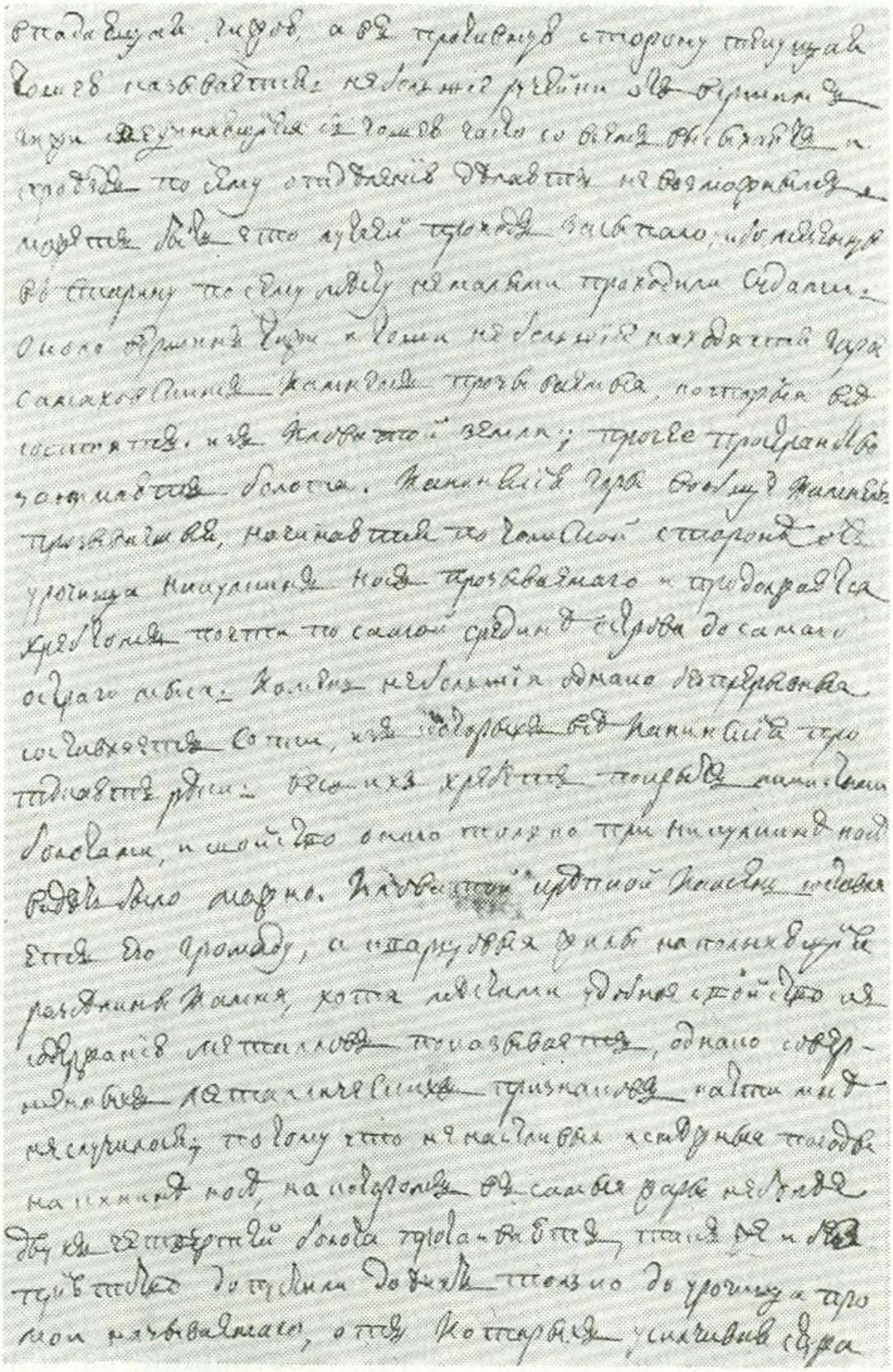
Незадолго до возвращения Озерецковского Лепёхин написал из Архангельска письмо директору академии С. Я. Разумовскому с просьбой

разрешить ему объехать берега Белого моря и вскоре получил согласие на это. Из академии были также посланы карты бассейна Белого моря, среди которых и карта Российской Лапландии – с тем, чтобы натуралист мог не только пользоваться ими в пути, но и внести в них свои исправления.

Зима, проведенная Лепёхиным в Архангельске, ознаменовалась чрезвычайным событием – землетрясением в Коле. После сообщения о нем архангельский губернатор Головцын послал донесение о случившемся в сенат, а Лепёхину, находившемуся в городе, описал необычное явление в следующих выражениях: «...февраля месяца 7 дня пополудни в исходе первой половины седьмого числа в тамошнем городе Кольском остроге было землетрясение и по всему городу было слышно подземный гром, наподобие едущих колясок по каменным или деревянным мостам, и в то же самое время по воздуху был преужасный вихрь с презельным (очень сильным. – Б. К.) снегом; коего времени было с минуту часа, точию божиим милосердием от оного никакого, нисколько и ничему повреждения не учинилось. А при подаче того рапорта бывший в самое то время в Коле посланный отсель за некоторым делом Архангельской губернской роты солдат Филипп Горбатый в дополнение того рапорта. сказкою (устно. – Б. К.) у меня показал, что весь тот день, в коий упомяненное происшествие было, состоял пасмурный и шел снег и ветер во весь же день крепкой между запада и севера; а по Кольскому просторечью, от Варенской губы во время ж землетрясения сильный был вихрь, удары же землетрясения или стук шел от западной к полуденной стороне, о чем не могу вас, государя моего, безвестна оставить...»

1 мая 1772 года Лепёхин в письме академии упоминает о получении карт Белого моря. «Я сделаю все, – пишет он, – чтобы точнее определить места, лежащие вблизи Белого моря. Мой флот, состоящий из одного большого и тяжелого карбаса, уже готов, и я с нетерпе[33]нием жду вскрытия льда. Наступившая прекрасная погода обещает, что лед скоро вскроется».

В середине мая Лепёхин сообщил губернатору, что намерен отправиться в Белое море, и просил выделить[34] для участия в экспедиции



Страница донесения, посланного И. И. Лепёхиным из Умбы

семерых знающих морской путь солдат из Архангельского гарнизона. Незадолго до отъезда Лепёхин обратился к губернатору еще с одной просьбой: доставить из Колы в Архангельск кости китов, выброшенных на берег губы. Головцын направил комиссару Кольской канцелярии следующее распоряжение: «Находящийся здесь у города Архангельского... Иван Иванович Лепёхин объявил мне, что уведомился он, будто близ Колы выкинуло из моря на берег два кита, которых сало жителями обрано, а кости лежат и поныне на берегу, кои ему для делания шкилету и представления в Императорскую Академию наук необходимо потребны, и требовал с моей стороны в здрании оных и в доставлении сюда вспоможения... Кости же надобно не попортить, в здрании надо оказывать осторожность... Дабы те кости вреда понести не могли, привезть оные господину профессору, дабы он их в Сиянс Академию представить мог».

Когда в Коле был получен приказ Головцына, для осмотра китов послали подлекаря Миля и сержантов Ламбухина и Маркова. Оказалось, что от одного кита сохранилась только голова, от двух других – лишь отдельные части. В июне 1772 года ученый продолжил свое путешествие по северу России. Погода на Белом море была крайне неустойчива. Однако путешествие Лепехина протекало благополучно. От Соловецкого архипелага мимо островов Кутузова он направился в Кемь, а оттуда, через Кереть, в Кандалакшу.

Очень долгое время научные наблюдения, сделанные И. И. Лепёхиным во время этого путешествия, оставались неизвестными, так как не вошли в основной труд ученого «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства». Только в 1934 году советский историк В. П. Таранович нашел и опубликовал донесения И. И. Лепёхина. Наиболее интересны два из них: от 25 апреля 1772 года из Умбы и от 26 сентября из Архангельска. Они позволяют восстановить маршрут экспедиции вдоль южного побережья Кольского полуострова^ Начался он от устья реки Нивы (Лепёхин назвал

её~Кандалакшей). Река эта «весьма быстра и порожиста и никакими судами почти ездить на ней не можно. Вода в реке Кандалакше из всех поморских рек чище и прозрачнее».[35]

Далее путешественник сообщает, что от Имандры к северному берегу Кандалакшской губы простираются отроги гор, покрытые богатой и разнообразной растительностью: «От сих отрогов вниз по губе к Терскому берегу великие каменные находятся ущелья; отменное положение их, вывороченные сопки великую дают надежду к отысканию металлов».

Лепёхин посетил копи на острове Медвежьем и собрал там коллекцию образцов, содержащих серебро.

Объехав Терское побережье, Лепёхин побывал в устье Поноя и добрался до Трех островов, располагающихся к северу от устья реки. Описание этих мест содержится в донесении, отправленном натуралистом из Архангельска: «Поной река, на которой и жилье находится, по обыкновению всех рек, впадающих в Белое море, быстра и порожиста и весьма высокие имеет каменные берега». Здесь, в значительном отдалении от моря, путешественник нашел многочисленные раковины, свидетельствующие о былом проникновении сюда морских вод. «Берега сии научили нас, что вся сия поморская страна некогда составляла дно морское, ибо на вершине оной кроме раковин много попадается таких каменных сростков, какие только морскому дну свойственны».

Лепёхин высказал предположение о том, что район Трех островов является естественной границей Белого моря. Надо отметить, что позднее исследователи установили подвижность этой границы. Сегодня в качестве границы между Баренцевым и Белым морем принимается широта мыса Святой Нос. «Три острова по Белому морю и тем знамениты, – замечает исследователь, – что они особливый составляют климат, ибо с них снег никогда не сходит, и в самое жаркое время, когда подуют восточные ветры, пронзительна бывает стужа. Причиной тому к востоку лежащее Ледовитое море, откуда стужа ветрами приносится. Ветры сии и великую делают

остановку в мореплавании, ибо, густые принося льды, проход в Белое море запирают».

Из Горла Белого моря Лепёхин направился к полуострову Канин, он пересек его и в устье Неси – одной из небольших речек Канинской тундры – встретился с Озерецковским.

Вернувшись в Архангельск, ученый сообщает в Петербург: «Вместе с моим последним рапортом из Умбы[36] я послал маленькую карту и образцы серебряных руд. Завтра я отправляюсь снова на соседние острова, чтобы дополнить мое морское путешествие».

Научные результаты экспедиции И. И. Лепёхина были весьма значительны и внесли заметный вклад в изучение природы Кольского Севера. Натуралист впервые рассказал в своих трудах о тюленях, которые «в Белом море появляются со льдом, в конце апреля уходят в океан, оставляя детей». Ученый дал описание размеров, внешнего вида и особенностей жизни многих видов рыб, в том числе сайды, или полярной трески. Лепехин рекомендовал организовать на Кольском полуострове промысел акул и китов. «Наши коляне, где акул можно ловить во множестве, никакого из нее употребления не делают. Колянам надо отдать ту справедливость, что они, благотворными городскими преимуществами ныне ободренные, восставили пришедшие в упадок рыбные промыслы до того, что мы и здесь уменьшившуюся цену на треску и на другие поморские рыбы чувствуем... Желать для колян остается, чтобы они обратили свое внимание и на китовые промыслы, к чему положение Колы и свободный от них проезд в Шпицберген, по их прозванию Грумант, много может способствовать, да и в самую Кольскую губу нередко киты, гоняясь за сельдями, заходят...»

Исследователь подчеркивал преимущества географи-ческого положения Колы, ее перспективы в хозяйственном развитии Севера России. «Самое удобное у нас место, – писал он, – Кольский острог, откуда промышляют треску и палтусятину. Острог или городок сей, ныне почти запустелый, стоит того, чтобы правительство удостоило его своего

воззрения. Он лежит на пространной и далеко в материк простирающейся равнине, окруженной горами, между втечением в губу рек Туломы и Колы близ Ледовитого океана, при заливе называемом Кольским, который очень глубок. В нем есть удобная гавань для судов, защищенная Екатерининским островом». По мнению Лепёхина, эта незамерзающая гавань имела большое хозяйственное значение благодаря обилию рыбы. Особенно подробно он рассказывает о местах лова трески. Коляне «ревностно принялись за отцовские промыслы и до того оные довели, что бывший у меня в гребцах во время путешествия по Белому морю солдат Петр Турчасов, тогдашний Кольский ратман,[37] построил и снарядил корабль на общее иждивение с товарищем своим Иваном Горюшковым, бывшим тогда польским бургомистром, и, нагрузив оный лабарданом, соленою палтусиною и морошкою, приехал в Петербург для продажи польских произведений».

7 апреля 1802 года чрезвычайное собрание Российской академии заслушало «печальное возвещение о кончине достойного члена... мужа, отличными познаниями и творениями великую пользу отечеству принесшего, в ученом свете неувядаемую славу снискавшего».[38]

На свет Полярной звезды

Плавание брига «Новая Земля» у восточных берегов Кольского полуострова в 1882 году.
Гидрографические работы.
Ф. П. Литке и его спутники в поморских становищах и саамских погостах.
Впечатления Ф. П. Литке от посещения Колы.
Съемка Екатерининской гавани.
Экспедиции 1883 и 1884 годов. Описание губ Мурмана.
Гидрографические исследования М. Ф. Рейнеке на Белом морс.
Создание «Гидрографического описания северного берега России» и Генеральной карты побережья Русской Лапландии.

Развитие торговли и мореплавания в северных губерниях России в конце XVIII–начале XIX столетия потребовало детального изучения акваторий и побережий Баренцева и Белого морей. Во второй половине XVIII века Адмиралтейская коллегия не раз посылала офицеров флота для описи и картографирования морей, омывающих Кольский полуостров. В 1801 году генерал- майор Л. И. Голенищев-Кутузов на основе своих гидрографических работ, отечественных и иностранных карт создал «Морской атлас» – набор навигационных карт от восточного берега Белого моря до Ла-Манша.

Работа по созданию навигационных карт была продолжена и в первой половине XIX столетия. Руководство гидрографическими исследованиями возложили на молодого офицера – 24-летнего лейтенанта Федора Петровича Литке.[39]

В инструкции Литке от Государственного Адмиралтейского департамента экспедиции предписывалось «употребить время в обозрении Лапландского берега от Святого Носа до устья реки Колы, для которого нет обстоятельных описаний, которые служили бы достаточным руководством мореплавателям для входа к оным».

Для экспедиции, которая следовала от берегов Кольского полуострова в более высокие широты, построили специальный бриг «Новая Земля»

грузоподъемностью 200 тонн, длиной 24,4, шириной 7,6 и осадкой 2,7 метра. При постройке брига предусматривалась возможность ледового плавания или вынужденной зимовки. Для этого шпангоуты судна были поставлены вплотную друг к другу, щели проконопачены, а подводная часть скреплена и обшита медью.

Бриг «Новая Земля» оставил Архангельск, 21 июня 1822 года при орудийном салюте вышел в море. Через три дня путешественникам открылись берега Кольского полуострова. В судовом журнале отмечались примечательные места, открывавшиеся по левому борту судна: Пулоньга, остров Сосновец, Орловский мыс. Когда 26 июня подошли к Лумбовскому острову, внезапно налетел ветер, началась качка. В сгустившемся тумане «носовую статую обломало совершенно, а бугшприт претерпевал сильные потрясения».

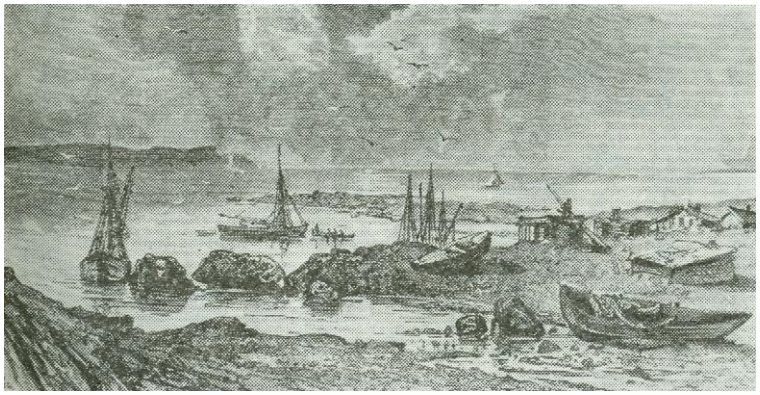
Федор Петрович Литке (1797-1882 гг.). Портрет неизвестного художника, сделанный в Архангельске в 1827 г.

В первый раз бриг «Новая Земля» встал на якорь в Иокангском заливе. Спущенные с борта шлюпки с офицерами и матросами разошлись в разные стороны, началась работа. Гидрографы описали острова, якорные стоянки, подходы к берегу. Штурманы произвели определение широты и долготы, замерили высоту прилива и отлива. Литке с группой моряков посетил расположен[40]ный на левом берегу реки Иокангский погост, состоящий из десятка веж, в которых обитало 69 человек. Моряки с любопытством разглядывали лопарские жилища: каркас вежи строился из тонких жердей, покрыт дерном и мхом. Небольшое отверстие вровень с землей одновременно служило дверью и окном. Отверстие вверху вежи предназначалось для выхода дыма. Посреди вежи – каменный очаг, около которого лопари грелись, готовили пищу, пекли лепешки.

Главное занятие иокангских лопарей – лов семги заколами в устье Иоканги и сетями в реке и на озерах. Часть выловленной рыбы оставляли для пропитания, а большую половину улова обменивали на муку и другие припасы.

Моряки, впервые попавшие в саамский погост, с любопытством наблюдали за изготовлением кережек – своеобразных саней, имевших вид остроносых корыт. Строили их лопари только из сосны, которую, по рассказам жителей погоста, они привозили верст за пятьдесят.

6 июля бриг «Новая Земля» миновал остров Нокуев и устье реки Варзины. На горизонте время от времени попадались поморские шняки: одни шли на запад «в датскую сторону», другие – на восток, «в Русь». Следующую стоянку сделали между устьем реки Харловки и островом Харлов. Здесь произошло событие, едва не кончившееся трагически для всей экспедиции. Якорная[41]



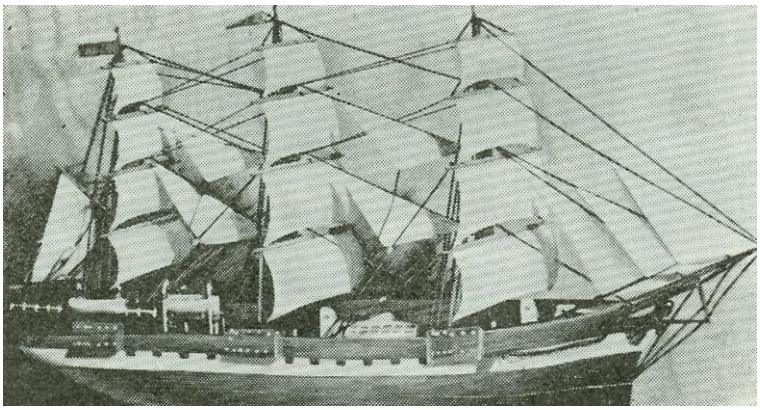
Поморское становище на Мурмане.
Со старинной гравюры

цепь была спущена неглубоко, якорь едва доставал дна. Корабль начал дрейфовать в северном направлении и неумолимо приближаться к окруженным бурунами скалам острова Зеленец. Буквально у самых рифов удалось поднять паруса и перейти в безопасное место.

Высадившись на берег, участники экспедиции направились в Семиостровский погост. Его жители занимались семужьим промыслом,

иногда ловили «а удочку морскую рыбу – треску, палтуса, пикшу. Семиостровские лопари имели и небольшое стадо баранов и овец.

За пять дней, проведенных в районе Семиостровского рейда, офицеры «Новой Земли» вычислили координаты рейда и устья реки Харловки, составили описание губ Шубиной, Порчнихи, Ярнышной и Дальне-Зеленецкой. В губе Шубиной они встретили приехавших туда па летний промысел русских рыбаков-поморов. Убогие избушки становища теснились под самыми скалами. Чтобы представить условия жизни в нем, воспользуемся описанием известного русского литератора Д. С. Мережковского: «Избы, – пишет он, – как и следовало ожидать, представляют самое печальное зрелище, и если бы не свежий и чистый морозный воздух, среди которого мурманскому промышленнику приходится проводить большую часть дня, то вряд ли кто мог бы долго выжить среди подобной обстановки. На пространстве двух квадратных сажен живет иногда до двадцати человек.[42]



Модель брига «Новая Земля»,
построенного на Соломбальской верфи (Архангельск)

Воздух от такой массы теснящегося и потеющего люда делается до того спертым, что ночью, случается, иные не выдерживают и выползают за двери, да там и ложатся на ветре. Кроме обыкновенных испарений, воздух заражается миазмами от обуви и одежды, которая тут же вывешивается для

сушки; нередко к потолку привешивают сушить невода или ярусы с приставшими к ним морскими водорослями, которые, разлагаясь, испускают невыносимое зловоние. Кругом стен устроены длинные нары для спанья, неимоверно грязные, переполненные всякой мерзостью, которая кишмя кишит среди рогож и всякой рухляди, служащей подстилкой.

Сквозь щели плохо сложенной печи струится едкий дым, разъедающий глаза, на полу груды сору, мусора, грязи и органических веществ.

Вот почему и неудивительно, что болезни, особенно заразительные, как, например, тиф или цинга, свирепствуют между промышленниками в страшных размерах...

Целое становище может таким образом вымереть, и только кресты да разрушенные избы могут указать на существовавшее забытое становище».

Следующую остановку участники гидрографической экспедиции сделали у берегов острова Кильдин. «Остров Кильдин, а не Кильдюйн, как мы доселе, Подражая голландцам, его называли... возвышается постепенно амфитеатром, состоящим из четырех весьма правильных уступов, и кончается... ровною, столу подобною вершиной», – записывает Литке в дневнике. Шлюпки несколько раз пересекли отделяющий остров от материка неширокий пролив – Кильдинскую салму. Штурманы измерили ее глубины, описали грунты, нанесли на карту места, удобные для якорных стоянок. Моряков удивило обилие на острове домашних оленей. Оказалось, что несколько пар животных завез на остров в начале XIX века польский купец Попов. За двадцать с небольшим лет стадо достигло нескольких сот голов. Приезжающим на остров разрешалось убить оленя на пропитание, но шкуру обязательно вернуть хозяину, да сверх того дать за мясо пуд сигов или другой рыбы. Моряки стали свидетелями, что это неписаное правило строго выполнялось приезжавшими на Кильдин лопарями.

26 июля во второй половине дня бриг «Новая Земля» направился в Кольский залив. Вход в Екатерининскую гавань на карте, которой пользовались моряки, оказался[43] нанесенным неточно. Поэтому решили не

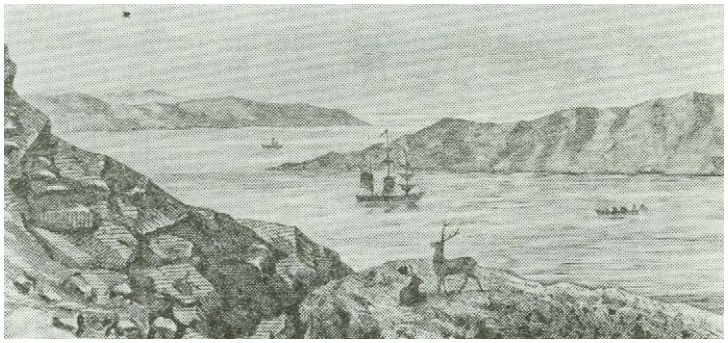
ограничиваться описью самой гавани, а произвести съемку более обширной части залива. На следующий день начались промерные работы. Литке оставил корабль и на шлюпке направился в Колу, в эту, по его словам, «знаменитую столицу Лапландии». Интересно описание города, сделанное путешественником полтора столетия назад. Все строения, кроме каменной церкви, были деревянными. По улицам проложены дощатые тротуары. На берегу реки, в центре города, высилась четырехугольная деревянная крепость с пятью башнями. Ко времени путешествия Литке крепость уже потеряла свое стратегическое значение – пушки с башен сняли и переправили в Соловецкий монастырь, стены служили оградой соборной церкви, а башни превращены в магазины. Число жителей в Коле не превышало тогда 800 человек. Что касается общего вида города, то он казался достаточно привлекательным: улицы чисты, дома довольно красивые, частью двухэтажные. Особенно приятен был вид города с севера, где постройки разбросаны на возвышенном обрывистом берегу, от которого начиналась обширная площадь, окруженная с трех сторон высокими горами. Пейзаж эффектно дополняла впадавшая с запада в залив быстрая полноводная Тулома.

Жители Колы занимались в то время преимущественно торговлей рыбой. Рыбу, в обмен на муку, Кольские купцы получали, главным образом, в Вадсё, Варде, Гаммерфесте и других областях Финмаркена, а затем вы[44]возили ее для продажи в Архангельск. На Карелинских и Айновых островах в больших количествах заготовляли морошку, которая шла к императорскому столу.

Посещение Колы связано с любопытным комическим эпизодом, представляющим Кольские нравы того времени. «Мещанин, хозяин дома, где нам была отведена квартира, – вспоминает Литке, – решил ознаменовать такое радостное для него событие достойным его подвигом – напоить наповал как себя, так и всех людей наших. В первом успел он совершенно, и мы его уже более не видели; в последнем же только отчасти, однако ж мы

долго собирали наших гребцов по разным углам города, долго должны были ждать, пока они пришли в состояние управлять веслами. Наутро гребцы над веслами дремали, как и рулевой над рулем – все следствие угощения нашего хозяина».

Когда Литке вернулся на корабль, съемка района Екатерининской гавани была закончена. После астрономических определений широты и долготы бриг поднял паруса и взял курс на северо-восток – к берегам Новой Земли.



Екатерининская гавань.
Со старинной гравюры

В мае 1823 года корабль Литке снова крейсировал у берегов Кольского полуострова, так как после первой экспедиции «многое еще оставалось неисполненным». Было необходимо сделать новую подробную опись берегов Лапландии, в 1823 году были описаны только главные якорные стоянки в гавани. Большая же часть побережья, где также могли находиться удобные гавани, оставалась или вовсе неосмотренной, или осмотрена весьма бегло. Был не исследован и весь западный Мурман – от Кольского залива до государственной границы. Эта часть побережья на всех картах «изображена совершенно неверно, что так называемый Рыбачий остров есть полуостров, выдающийся в море гораздо далее и совершенно в ином виде».

Государственный Адмиралтейский департамент предписывал экспедиции «...докончить недовершенную в 1823 году опись Лапландского

берега до границы Российской со Швецией...» Исполнить это начальнику экспедиции предлагалось «сообразуясь со временем и местными обстоятельствами; поелику опытность и искусство ваши известны уже начальству из журналов и карт, составленных по прежним вашим плаваниям в тех местах».[45]

Экспедиция начала свою работу с повторного посещения Иокангских островов. Необходимость побывать там возникла в связи с попыткой уточнения географических координат этого важного в навигационном отношении пункта. Географическая широта места в морской практике того времени определялась с помощью квадранта по высоте солнца. Иное дело долгота, которую приходилось вычислять путем отсчета расстояния по параллели от пункта, координаты которого определялись с большой точностью, – в данном случае от Архангельска. При вычислении же долготы Архангельска за сто лет до плавания Литке профессор астрономии Круайер допустил ошибку почти в 2 градуса, показав на карте положение города на 85 километров западнее его действительного местонахождения.

Во время экспедиции 1822 года долготу прибрежных пунктов Мурманского берега определяли по счислению курса корабля от Иокангских островов. Насколько же точно было определено значение меридиана этого исходного пункта? Ведь курс корабля от Архангельска до Иоканги представлял собой сложную ломаную линию. Совершив повторный переход из Архангельска к Иогангским островам, Литке хотел выяснить это.[46]

Когда расчеты были закончены и результаты определения долготы оказались близкими к полученным в 1823 году, Литке решил продолжить плавание. Но поднявшийся северный ветер задержал корабль за островами. Только под утро следующего дня бриг «Новая Земля» вышел в открытое море. Прошли губу Савиху, впереди открылся мыс Ивановы Кресты. При съемке минувшего года, как и на более ранних картах, этот мыс был показан под названием Сване Крист. «Странное искажение названий есть одна из принадлежностей этих карт, которою они обязаны своим образцам –

голландским картам. На них почти все русские названия, но до такой степени испорчены, что невозможно было узнать во многих русского происхождения. Например, легко ли догадаться, что Светенноис, Канденоис, Ламбаска, Панфалотски, Сване Крист есть настоящие русские названия Святой Нос, Канин Нос, Лумбовка, Панфиловка, Ивановы Кресты и прочие. Из Белого моря уродцы эти были изгнаны картой генерал-лейтенанта Кутузова; прогнать их с берега, океаном омываемого, предоставлено было нам», – замечает Ф. П. Литке.

На улицах старой Колы.
Середина XIX века

Несмотря на обычные весенние штормы, экспедиции удалось выполнить описи губ Шельпино, Дальне-Зеленецкой, Ярнышной, Подпахты, Гавриловской. В наиболее крупной из них Териберской губе бриг задержался на несколько дней, и Литке имел возможность побывать в рыбацком становище, куда летом собиралось около 80 промышленников. Он подробно ознакомился со способами лова рыбы и ее обработки. С глубоким уважением говорит Литке о полном опасностей труде рыбаков Мурмана. В Териберке капитан «Новой Земли» встретился с промышленником по имени Нестор, вот уже 50 лет бывавшим в этом становище в период лова. Старость и болезни мешали ему выйти в море, но он не оставлял привычки каждое лето возвращаться в знакомое становище. Нестор рассказал Литке, что в прошлом

году два его сына, на пути с острова Кильдин в Териберку, попали в шторм. Шняку опрокинуло, и они, взобравшись на киль, продержались так несколько часов, пока их не выбросило на берег острова Малого Оленьего. Когда Литке выразил сочувствие по поводу потери снасти, помор возразил:

– Хвала богу, что спаслись дети наши. Что до снасти – пропадай она![47]

Из Териберской губы, минуя устье Кольского залива, губы Ару и Уру, «Новая Земля» вошла в Мотовский залив и бросила якорь в гавани Озерко. Здесь внимание путешественников привлекли четыре галечниковые террасы, поднимавшиеся от берега на большую высоту. «Смотря на них, – пишет Литке, – невозможно сомневаться, чтобы они положением своим не были обязаны морю; ибо нельзя вообразить себе в природе иной силы, которая бы такие груды камней могла расположить столь правильным образом».

Гавань, в которой остановился бриг, получившая позднее имя гавани Новой Земли, была замечательна тем, что на ее берега нередко выбрасывало туши китов. «Все берега покрыты или костями или неистлевшими еще остатками этих животных, распространяющими на большое расстояние ужасное зловоние и привлекающими к морю медведей и других хищных зверей... Лопари... выброшенного кита продают поморам, приходящим к ним за рыбою и ворванным салом, которые судном своим подходят к киту, тут его и режут и сало грузят на судно».

После составления описи побережья Мотовского залива гидрографическая экспедиция продолжила работу в губах западного Мурмана: Аре, Уре, Лицкой и Титовской. Затем, обогнув с севера полуостров Рыбачий, бриг вошел в Печенгский залив. Здесь когда-то процветал знаменитый Печенгский монастырь. Но в 1589 году монастырь был разорен шведами, а вслед за этим переведен в Кольский острог. На Печенге сохранилась лишь церковь и две часовни, в одной из которых – при слиянии Печенги с рекой Манной – находились мощи создателя монастыря Трифона, причисленного православной церковью к святым. Здесь же сохранились

каменные жернова, которые Трифон, якобы, принес на своих плечах из Колы. «Печенга есть Мекка того края, – пишет Литке. – Каждый благочестивый лопарь считает обязанностью поклониться, хотя раз в жизни, мощам святого угодника; в затруднительном случае дают они обеты идти в Печенгу на богомолье; многие делают это для излечения от болезней».

Завершив описание Печенгской губы, бриг оставил берега Лапландии и направился в открытое море.

Одновременно с «Новой Землей» гидрографические исследования в бассейне Ледовитого океана вел входив[48]ший в состав экспедиции Литке бриг «Кетти». Офицерами на «Кетти» были лейтенант Рейнеке и мичманы Бубнов и Шатилов. Организация специальных гидрографических работ на Белом море обусловливалась тем, что «жалобы мореплавателей на неисправности карт, возраставшие по мере распространения в России мореплавания, должны были, наконец, возбудить внимание правительства».

Экипаж брига сделал промеры в районе устья Поноя, Трех островов, Орловского мыса. В 20 километрах к востоку от последнего обнаружилась опасная для плавания обширная мель, которую нанесли на карту. Полоса туманов затруднила работу экспедиции у южного берега полуострова – между Пялицей и ручьем Даниловским. Попытка отыскать у восточных берегов полуострова удобные якорные стоянки не имела успеха. Единственным удобным рейдом оказался пролив между берегом и островом Сосновец. Якорная стоянка в проливе за Тремя островами, закрытая от всех ветров, тоже была непригодна. По причине мелководности корабли не могли войти и в устье Поноя.

По результатам экспедиции 1822–1823 годов, помимо многочисленных карт и описей, Литке составил подробные дневники плаваний, содержащие богатые географические материалы. Вместе со сведениями, собранными при посещении Новой Земли, они вошли в его знаменитую книгу «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, совершенное на бриге «Новая Земля» в 1821–1824 годах», в предисловии к немецкому

изданию которой путешественник Эрман писал о Литке, что «...при съемке и описании всех достигнутых им пунктов Ледовитого океана он настолько превзошел своих предшественников своим научным тщанием и беспристрастием своих суждений, что эти работы нельзя пройти молчанием ни в истории мореплавания, ни в истории географии...»

Изучение Терского берега Белого моря продолжил в 1824 году участник предыдущей экспедиции Литке Д. А. Демидов. В 1826–1832 годах географические исследования акватории и побережий Баренцева и Белого морей вел другой офицер, друг и ученик Литке – Михаил Францевич Рейнеке, для которого незыблемым законом исследователя был девиз Литке брать «...за правило наблюдать все, что только возможно, измерять[49] все, что надлежит измерению, и все передать со строгою добросовестностью; здравый рассудок сделает остальное, а о выводах можно хлопотать и после».

В начале февраля 1826 года по зимнему пути Рейнеке поспешил в Архангельск, где его ждали штурман Яков Харлов, унтер-офицер Иван Казаков и два матроса. Отсюда, захватив необходимые инструменты и продовольствие, двинулись в Колу.

Специальным судном экспедиция не располагала, и для ведения промерных работ решили использовать рыбацкие шняки. апреля Рейнеке на веслах отправился из Колы в Екатерининскую гавань. Описанию берега мешала погода, но вскоре удалось начать астрономические наблюдения и проверить ход хронометра. Затем штурман Харлов занялся описью западного берега Кольского залива.

В дальнейшем инструкция предписывала Рейнеке продвинуться на шняках на запад, до полуострова Среднего, пересечь его пешком и «ехать в Печенгу на лопарских лодках». Несмотря на несовершенство и малые размеры судов, Рейнеке решается пойти открытым морем, обогнув с севера полуостров Рыбачий. На его запрос о разрешении совершить такой переход Литке, внимательно следивший за ходом экспедиции, ответил: «Предложение Ваше ехать в Печенгу вокруг Рыбачьего полуострова мне

кажется основательным. Прямой путь был указан потому, что им скорее бы Вы добрались до места и что он безопаснее. Объезд же кругом принесет ту пользу, что Вы можете осмотреть подробнее те берега полуострова, которые мы описали только мимоходом. Но в сем случае нужно Вам будет заехать в губу Большую Волоковую, чтобы сделать наблюдения на перешейке. Привязание к Вашей описи сего пункта, точно нами определенного, кажется мне необходимым».[50]

В течение второй половины мая и всего июня провели исследования в Сайда-губе, вблизи острова Торос и Сеть-наволока. Высокие утесы, окружающие берег у выхода из залива, всегда открыты ветрам. С большим трудом моряки высаживались на скользкие скалы, чтобы взять пеленги. Участники экспедиции измерили также глубины в Кильдиской салме, а затем – после захода в Колу – направились в Варангерский залив, где сделали промеры рейда Вадсё и описали устье реки Паз. После возвращения в Колу Рейнеке решил обследовать долину реки Туломы, в русле которой «пороги и мелководье крайне затрудняли работу». Дойдя до падуна, исследователи оставили шняки. Опись вели по берегу, завершив ее в нижней части Нотозера. Таким образом, в короткие сроки уточнили описи важных для судовождения пунктов, в том числе Екатерининской гавани, с которой, по словам Рейнеке, «не может сравниться ни одна из бухт северного побережья Мурмана».

Михаил Францевич Рейнеке (1801-1859 гг)

Когда весной 1827 года Адмиралтейский совет в Петербурге рассматривал вопрос об организации гидрографических работ на Белом море, выдающийся мореплаватель адмирал И. Ф. Крузенштерн предложил в качестве руководителя этих работ М. Ф. Рейнеке. Экспедиции предписывалось сделать промер глубин в «северо-восточной части Белого моря от мыса Воронова к северу по всему пространству от параллели

Святого Носа, и особливо для верного определения на карте мелей и банок, лежащих как в окружности острова Моржовца, так и к северо-западу от него, простирающихся по восточную сторону корабельного фарватера, против Поноя, Орлова Носа и мыса Городецкого».

Под началом Рейнеке было 12 офицеров, в том числе Петр Пахтусов – в будущем знаменитый исследователь Новой Земли.

Маленькая эскадра экспедиции – бриг «Лапоминка» и две шхуны – оставили Архангельск 17 июня 1827 года. После работ на островке Моржовец отряд взял курс на Сосновец. На подходах к острову морякам встретился терпящий бедствие английский корабль, и русские моряки помогли ему сняться с мели. Несмотря на частые бури и туманы, провели промерные работы в районе Трех островов и Иокангских островов, сделали метеорологические, геомагнитные, астрономические и гидрологические наблюдения.[51]

Особое значение начальник экспедиции придавал изучению сложной картины морских течений. Рейнеке писал впоследствии: «Исследование законов течения в Белом море составляет один из важных предметов для мореплавания; и поэтому не упускали мы ни одного случая для этих наблюдений, равно как и прочие замечания и исследования, относящиеся к гидрографии».

Установленные в ходе работ неточности в изображении берегов Белого моря, ошибки в нанесении банок и мелей требовали продолжения исследований. На дальнейшем изучении Белого моря настаивали самые крупные мореведы России – Г. А. Сарычев и Ф. П. Литке.

Лето 1828 года корабли гидрографической экспедиции снова провели в Белом море. У берегов Кольского полуострова они надолго задержались у Святого Носа. В наиболее возвышенной части мыса, разделяющего воды Баренцева и Белого морей, для ориентирования кораблей было решено построить навигационный знак – деревянную башню. Но едва успели спустить на воду бревна и связать плоты, как налетел внезапный шквал.

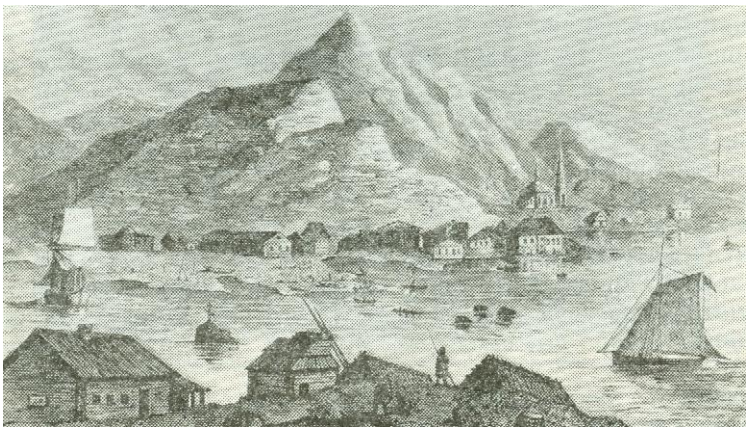
Неистовствовавший ветер разогнал огромные волны, готовые разметать наспех связанные плоты. С огромным трудом морякам удалось довести до берега зыбкие плоты, установить сигнальную башню.

Долгое время моряки экспедиции работали в Воронке и в Горле Белого моря: наносили на карты банки, лежавшие на пути судов. По замечанию известного советского историка арктических плаваний В. Пасецкого, «лишь в тот день, когда матросам были розданы последние сухари и сварены остатки солонины», экспедиция прекратила работу и вернулась в Архангельск. Результаты экспедиции были высоко оценены Адмиралтейской коллегией. Генерал-гидрограф Г. А. Сарычев обратился с ходатайством к морскому министру «о награде лейтенанта Рейнеке, который неутомимым усердием преодолел все препятствия, обыкновенно встречаемые в Белом море от беспрестанных туманов, свежих ветров, переменных течений и... благоразумными распоряжениями своими достиг того, что выполнил большую часть предписанного ему в Инструкции».

Летом 1829 года суда экспедиции в третий раз покинули Архангельск и разошлись в различные районы Белого моря. Однако на этот раз плавание началось[52] неудачно. 26 июня Рейнеке получил сообщение о том, что одна из шхун, делавшая промер между островами Соловецкого архипелага, «при выходе из Троицкой губы брошена на риф... и находится в опасном положении».

Бриг начальника экспедиции поспешил на выручку шхуне. Судно оказалось на плаву, но имело большую пробоину ниже ватерлинии. Каждый час уровень воды в трюмах поднимался почти на полметра. Экипаж кое- как заделал пробоину во время отлива, и бриг ушел на ремонт в док Соловецкого монастыря. После этого два других судна экспедиции направились к берегам Кольского полуострова и продолжили обследование фарватера к северу и к югу от Орловского Носа. К трудностям, связанным с особенно частыми в это лето непогодами, скоро прибавились трудности иного порядка. Экипажи кораблей были укомплектованы неопытными матросами, большинство из

которых впервые оказались в море, многие из них были больны. Тем не менее экспедиция справилась со своими заданиями. Результаты работы сообщили Ф. П. Литке, который целиком их одобрил. Рейнеке писал по этому поводу учителю и другу: «Одобрение Вами экспедиции, мне вверенной, меня радует – сказать по правде – более, чем похвалы[53]

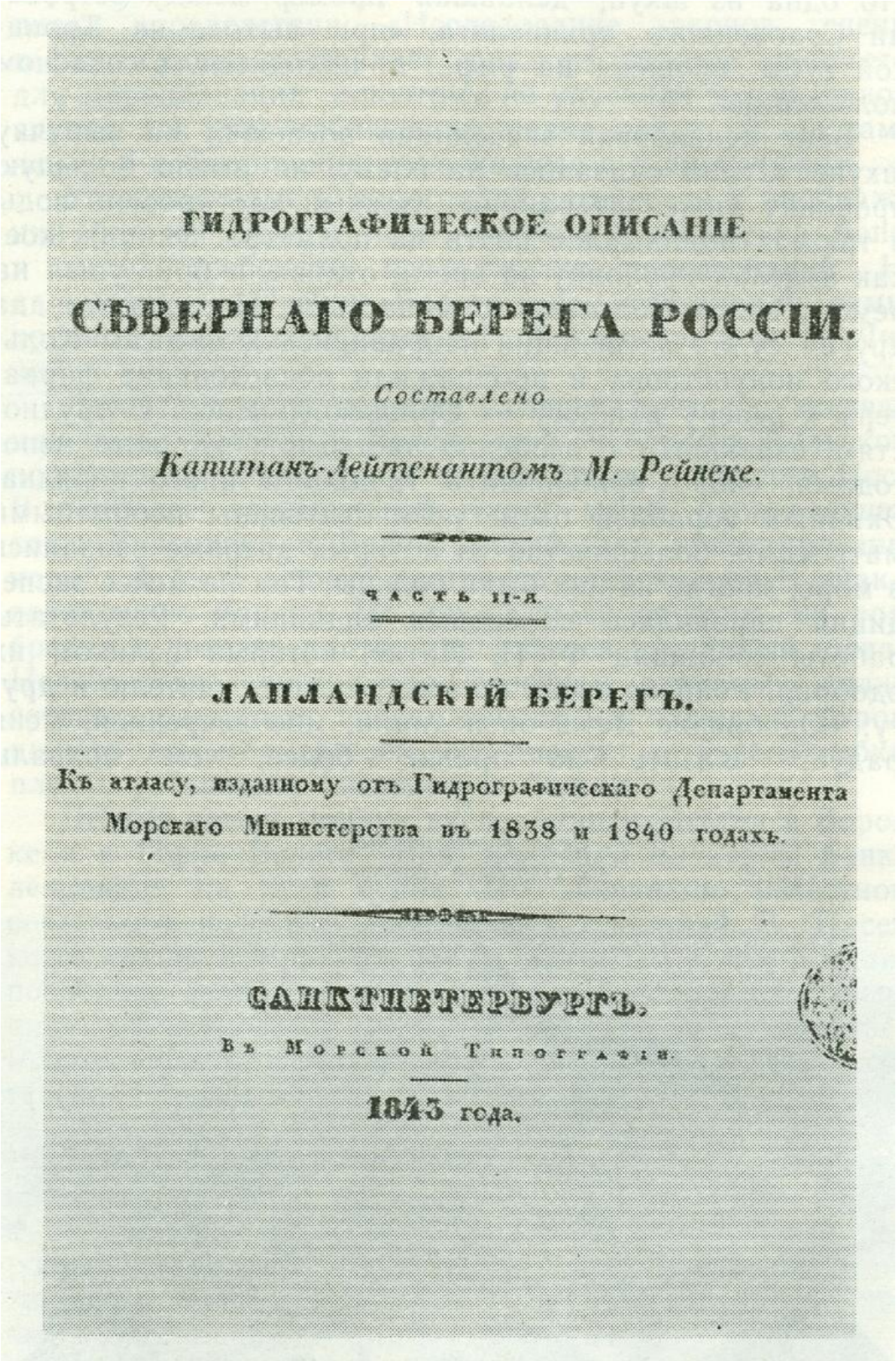


Село Кандалакша.
Со старинной гравюры

превосхитительные. С нетерпением ожидаю, когда буду иметь случай отдать Вам подробный отчет о моих делах и выслушать – о чем смею просить – строгий суд Ваш. Знаю, что я делаю ошибки, но не имея судьи и руководителя, не мог и впоследствии избегнуть... Я думаю написать маленькие замечания о Белом море вроде лоции».

Экспедиция Рейнеке продолжила гидрографические работы на Белом море и на следующий год. Была описана большая часть Кандалакшского залива, определено географическое положение ряда населенных пунктов, в том числе Кеми, Кандалакши и Тетрииа. В течение десяти дней выполнены специальные маятниковые наблюдения в Кандалакше. В связи с завершением работы экспедиции Ф. П. Литке 21 октября 1830 года писал своему ученику: «Итак, беломорские Ваши работы кончены. Надеюсь, что теперь не будет причины или предлога ждать окончания, чтобы воздать Вам по заслугам Вашим. Способствовать сему может весьма много атлас, который Вы

составляете; эта мысль очень счастливая, потому что составление атласа есть цель всех работ...»



ГИДРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

СѢВЕРНАГО БЕРЕГА РОССІИ.

Составлено

Капитанъ-Лейтенантомъ М. Рейнеке.

ЧАСТЬ II-Я.

ЛАПЛАНДСКІЙ БЕРЕГЪ.

Къ атласу, изданному отъ Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства въ 1838 и 1840 годахъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1843 года.

Титульный лист книги М. Ф. Рейнеке
«Гидрографическое описание Лапландского берега». 1843 г.

Однако еще в течение двух навигаций Рейнеке продолжает работу по уточнению географических пунктов и детализации описи берегов Белого моря. И только после этого приступает к обобщению огромного географического материала. Кроме изучения течений Белого моря, исследователь придавал исключительное значение изучению приливов и отливов на берегах Белого моря. Рейнеке делал безуспешные попытки убедить Гидрографический департамент организовать наблюдения над изменениями уровня Белого моря. И снова на помощь пришел Федор Петрович Литке, ставший в это время президентом Академии наук. От имени Академии наук Литке и Рейнеке обратились в Морской штаб, подчеркивая необходимость изучения приливов и отливов как «важный для науки вообще, так и в особенности для мореплавания предмет. России, которой науки по всем их отраслям так много обязаны, невозможно и на этом поприще отстать от других». Морской штаб удовлетворил просьбу и в 1843 году направил на север группу моряков, которые провели необходимые наблюдения в Белом море.

Под руководством Михаила Францевича Рейнеке был составлен «Атлас Белого моря и Лапландского[55] берега», включавший 17 карт и большое число видов побережий. Кроме атласа, Рейнеке подготовил «Гидрографическое описание северного берега России» в двух томах. Часть вторая – «Лапландский берег» была опубликована в 1843 году. Рукопись первой части – «Описание Белого моря» погибла во время пожара в типографии, затем была восстановлена и увидела свет только в 1850 году. «Гидрографическое описание северного берега России», помимо адресованных морякам и навигаторам сведений о глубинах, мелях, подводных и надводных камнях, якорных стоянках и условиях входа в гавани, содержало подробные данные о всех прибрежных поселениях и временных становищах, хозяйственном укладе и занятиях жителей, растительном и животном мире, режиме рек и климатической обстановке. Это была подлинная географическая энциклопедия Севера. Приложенная к

этой первой печатной отечественной лоции северных морей «Генеральная карта Лапландского берега» была самым точным для своего времени картографическим изображением этой области.

Оценивая значение труда Рейнеке, один из рецензентов книги – Струве писал, что «География нашего Отечества обязана ей точным познанием положения и вида большей части северного берега Европейской России».

Карл Максимович Бэр, хорошо знавший Север, подчеркивал, что сочинение Рейнеке «кроме драгоценных гидрографических наблюдений, заключает в себе множество весьма достоверных естественных и статистических подробностей».

Такова была оценка труда Михаила Францевича Рейнеке – замечательного отечественного мореплавателя, исследователя Беломорского бассейна, по которому прошла в дальнейшем важнейшая для экономического развития страны часть Великого Северного пути.[56]

Непроторенными путями

Академик К. М. Бэр организует экспедицию на Север.
Из Архангельска к Терскому побережью на «Кротове».
Посещение Пялицы и Поноя. Экскурсии по берегу.
Путешествие 1840 года.
Работы в Мотовском заливе и у побережья Мурмана.
Путешествие А. Ф. Миддендорфа из Колы в Кандалакшу.
Глазомерная съемка пути.
Исправление существующих карт.

«...Что же могло ждать на берегу Ледовитого океана? В подмосковной деревне меня чуть было не убили мужики, потому что я не вполне чисто говорю по-русски, и если бы со мной не было трех десятков солдат, которые меня спасли, то что было бы со мной?

Вид нескольких необходимых в путешествии приборов, как термометры, барометры и прочие, может вызвать подозрение в колдовстве... Все это делает путешествие на Крайний Север с малым числом спутников и без охраны со стороны правительства, по моему мнению, совершенно невозможным», – писал выдающемуся естествоиспытателю Карлу Максимовичу Бэру его брат Андрей, когда узнал о намерении ученого совершить путешествие на север страны.

После переезда в Россию в 1834 году К. М. Бэр замыслил серию путешествий для изучения животного[57] мира нашей страны. Он мечтал побывать на Новой Земле, выступил с несколькими статьями о ней, написанными по материалам экспедиций П. К. Пахтусова в 1832 и 1833 годах. В плане экспедиций Бэра значилось и посещение мало известной тогда Лапландии.

Весной 1837 года конференция Академии наук приняла план Бэра, утвердив ассигнования для поездки в размере 9385 рублей. В состав экспедиции, кроме ее руководителя, вошли молодой натуралист, студент

Дерптского (ныне Тартуского) университета Александр Леман – «молодой человек, имеющий геопностические сведения и готовый ко всяческим лишениям», художник Редер и препаратор – академический ученик Зоологического музея Егор Филиппов.

Карл Максимович Бэр (1792–1846 гг.)

26 мая 1837 года на двух тройках Бэр и его спутники выехали из Петербурга, а через 10 дней прибыли в Архангельск. Здесь натуралистов ждало большое разочарование: выделенная морским ведомством палубная шхуна «Кротов» оказалась крайне мала, в ее каюте могли разместиться только три человека. А помимо участников экспедиции нужны были помещения для коллекций, снаряжения, продуктов. Чтобы иметь запас свежего мяса, путешественники предполагали взять с собой корову. По этому поводу Бэр шутил: «Погрузить корову на «Кротова»! С тем же успехом можно было погрузить «Кротова» на живую корову!»

Чтобы как-то выйти из положения, у двух архангельских промышленников Афанасия Еремина и Ивана Челюзгина наняли лодью «Св. Елисей» с более просторной каютой. Выход в море, намеченный на 19 июня, несколько задержался – сначала из-за пьянства представителей портовой власти, потом из-за непогоды. Суда вынуждены были отстаиваться у Зимнего берега, пережидая сильный северный ветер.[58]

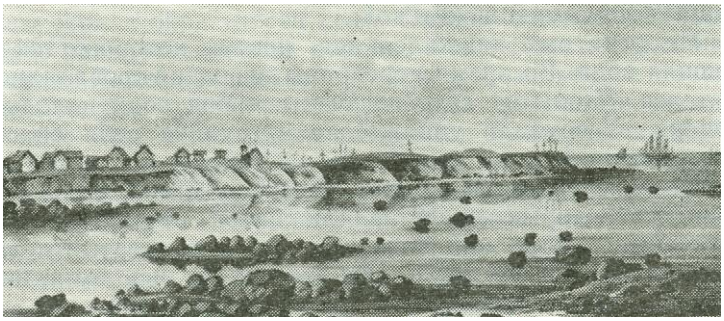
«Противный ветер!» – по-русски восклицает в своем дневнике Леман. «Таким надоевшим лозунгом, – продолжает он уже по-немецки, – встретил меня и сегодня подошедший ко мне матрос, когда я пошел на дек».

Лишь через 14 дней «Кротов» и «Св. Елисей» подошли к южному берегу Кольского полуострова, бросив якорь на рейде Пялицы. Природа предстала перед глазами путешественников совсем иной, нежели на восточных берегах Белого моря. Новые виды водорослей, моллюсков и ракообразных свидетельствовали о приближении открытого океана.

В окрестностях Пялицы Бэр впервые познакомился с особенностями северных ландшафтов. Был конец июня, но во многих местах на берегу еще лежал снег, а на свободных от него пространствах расстилалось «море мхов и лишаев, нагло захвативших всю видимую поверхность земли, наползающих даже на карликовые березки, ширина стволов которых бывала иногда втрое меньше их высоты».

Жители Пялицы встретили Бэра и его спутников очень радушно. К удивлению путешественников, это оказались по преимуществу достаточно зажиточные и культурные люди. Общение с ними совершенно изменило мнение Бэра об обитателях арктического побережья, навеянное ранее письмами брата.

Оставив Пялицу, из-за штормовой погоды суда экспедиции долгое время не могли выйти из Горла Белого моря. Используя вынужденные остановки, вместе[59]



Село Пялица.
С картины художника Редера. 1837 г.

с Леманам и Редерам Бэр совершал длительные экскурсии в глубь побережья, во время которых изучал местные горные породы, среди которых он отметил гнейсы, граниты и сиениты.

В ожидании попутного ветра суда остановились у Трех островов. Здесь натуралисты увидели громадные скопления водорослей. Бэр определил 13 видов, среди которых преобладали фукусовые, некоторые экземпляры их достигали 18 футов длины. В зарослях можно было видеть многочисленных моллюсков, морских ежей и звезд.

Участники экспедиции направились в село Поной. Тропа привела к краю глубокого ущелья. Внизу широко разлилась река, на противоположном берегу были видны вытянутые в одну улицу дома селения. Шел дождь со снегом. Под ногами теснились почти отвесные скалы, обрывавшиеся едва ли не на сотню метров. Располагавшийся в стороне относительно пологий спуск в сторону небольшой церквушки был отделен оврагом с совершенно отвесными стенами. Поэтому местные жители, сопровождавшие путешественников, предложили начать спуск к реке. Предусмотрительно захваченные с собой веревки и ремни связали и опустили на них одного из проводников на небольшую каменную площадку. За ним последовали Бэр и его спутники, вместе с поклажей. Отсюда, с трудом выбирая места, где можно ступить, вся группа спустилась к берегу реки.

Было около полуночи. Несмотря на близость селения, берега были совершенно пустынны. На крики проводников никто не откликался. Наконец, после нескольких ружейных залпов, со стороны селения послышались ответные голоса. Но прошло еще несколько часов, прежде чем к берегу причалила лодка, которую четыре оленя тащили по самую шею в воде.

На реке еще держался лед, поверх которого текла вешняя вода. Во время переправы два оленя провалились под лед. Чтобы не дать погрузиться под воду и лодке, лопари перерубили упряжь, не затруднив себя спасением тонущих животных.

Селение состояло из двух десятков домов, большинство из которых представляли собой ветхие лачуги, вросшие в землю или покосившиеся и подпертые деревянными стойками. Лишь изредка попадались дома, вид которых свидетельствовал о достатке их владельцев.[60]

– Видно, хозяин дома богат? – поинтересовался один из путешественников, проходя мимо украшавшего улицу двухэтажного строения.

– Богат, так богат, что когда во всем Поное не было ни гроша, он один пропил шестьдесят целковых, – сообщил проводник.

Путешественники остановились в одном из зажиточных домов. Прием, оказанный Бэру и его помощникам, превзошел все ожидания. «Мы со всеми нашими спутниками, после утомительного перехода по тундре, на которой совсем промокли от сильного проливного дождя, прибыв в Понойское ущелье, в жилище крестьянина, совсем не имевшего пашен, не только могли восстановить свои силы, но даже встретили отличное угощение. Вымывшись в удобной бане, мы в веселой, просторной, не только опрятной, но даже красиво убранной избе нашли более постельного белья и удобств, нежели нам нужно было. Не было недостатка ни в чае, и при том самого отборного сорта, ни во всех к нему принадлежностях, как-то сахаре и роме, ни в красивом самоваре и потребной фарфоровой посуде, ни, на другое утро, в фаянсе для сытного завтрака, состоявшего из многих блюд», – вспоминает Бэр.

Такое гостеприимство было обычным, газета «Архангельские ведомости» в одном из номеров за 1861 год писала: «Поноряне любят роскошь, которую они понимают по-своему: они все пьют чай и кофе, привозимые из Норвегии... орехи, пряники и другие лакомства в большом употреблении; они любят пощеголять платьем, хотя бы в ущерб желудку; часто посещают друг друга и, по их выражению, угощаются по-городски, т. е. потчуют гостей чаем, кофе и лакомствами».

На следующий день путешественники совершили экскурсии в окрестности села. Леман отметил, что наиболее распространенной породой в окрестностях села был гранит. Реже попадались гнейсы и базальты, а также красноватые песчаники, в которых виднелись гнезда мелких аметистов. Среди минералов были кварц, полевой шпат, свинцовый блеск, серный колчедан, охра, роговая обманка. Кое-где по берегу встречались проявления железных и медных руд. Местные жители знали также о существовании вблизи Поноя золота, но места эти тщательно скрывали, боясь, что в случае открытия месторождения их направят на горные работы.[61]

Окружающая селение растительность была бедна и однообразна. Поверхность плато, господствовавшего над долиной, занята моховой тундрой с редкими островками низких трав и столь же низких кустарничков. За лесом жители села отправлялись в верховья реки километров за двести.

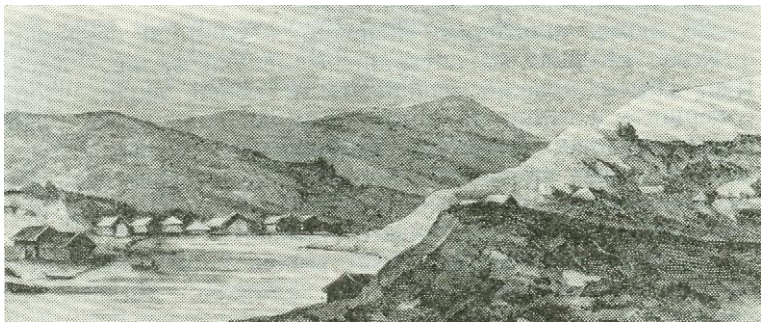
Александр Федорович Миддендорф (1815–1894 гг.)

В окрестностях Поноя путешественники пополнили гербарий образцами карликовой березки, можжевельника, вороники, куриной слепоты, четырьмя видами горошка, трилистника, зонтичных и шестью сложноцветных, а также ягелем, мхами, папоротниками, хвощами.

Дождавшись у Трех островов попутного ветра, «Кротов» и «Св. Елисей» направились к Новой Земле. Пребывание экспедиции на Новой Земле было непродолжительным и заняло всего пять недель. За этот короткий срок ее участникам удалось собрать богатые зоологические, ботанические и геологические материалы, характеризовавшие отдаленный остров. «Я очень желал поехать туда вторично», – писал Бэр в своей «Автобиографии». Одновременно он планировал объехать берега Лапландии с севера. О своих планах он сообщил 15 марта 1839 года на заседании академической Конференции. Спустя год правительство одобрило его проект экспедиции к берегам Лапландии. На этот раз спутником Бэра был экстраординарный профессор Киевского университета А. Ф. Миддендорф.

В мае 1840 года путешественники, по уже знакомому Бэру пути, выехали в Архангельск. Как и в предыдущую экспедицию, здесь наняли промысловую лодью. Совершив переход по Белому морю, лодья бросила якорь за островом Сосновец. Остановку, вызванную неблагоприятным ветром, использовали для экскурсии. Невысокий, сложенный гнейсами островок до самой[62] вершины оказался сглажен волнами. Путешественники наблюдали здесь исполинские каменные котлы – узкогорлые цилиндрические пустоты, просверленные морской галькой и

щебнем, которые приводили в движение набегавшие волны морского прибоя. Во время отлива Миддендорф познакомился с механизмом образования таких котлов на разных его стадиях. Сначала галька, лежащая в неровностях прибрежных скал, вытачивала сравнительно небольшие полости. По мере их углубления, совершая круговое движение, галечный материал истирал породу, все более и более углубляя цилиндр.



Село Поной.
Со старинной гравюры

Продолжительную остановку сделали в устье Поноя. Отсюда лодья Бэра легла на западный курс – вдоль берегов Мурмана. Путешественники миновали пользовавшийся печальной славой остров Нокуев, невдалеке от которого в 1554 году погибли корабли английской экспедиции капитана Джона Уиллоуби, отправившегося на поиски морского пути в Китай.

Скоро на горизонте открылся остров Кильдин. Ученые наблюдали здесь хорошо развитые на береговом склоне морские террасы, поверхности которых были осложнены многочисленными галечниковыми береговыми валами. Миддендорф правильно истолковал существование высоко расположенных береговых линий, объясняя их положение геологически недавним поднятием. Террасы Кильдина, по его наблюдениям, были далеко не единственным доказательством этого процесса. Подобные же следы древней деятельности моря оказались[63] распространенными по всему побережью. Так, в навигационном руководстве того времени, отмечавшем изображение Рыбачьего на некоторых картах в виде острова, говорилось: «Такое различие не должно однако же относить единственно на счет

неверности старинных карт, поелику не только возможно, но даже и весьма вероятно, что полуостров сей некогда отделялся от матерой земли. Вид перешейка, ныне их соединяющего, дает справедливый повод к такому заключению». На перешейке, отделяющем полуостров от материка, на возвышенности, также сохранились отчетливые следы волноприбойной деятельности: «...перешеек местами усеян озерами, из коих ближайшие к морю соленые. Было бы в высшей степени любопытно проверить это сообщение и исследовать фауну этих озер. Предположение, что перешеек сей был некогда морем, тем вероятнее, что понижение вод Северного океана многими и давно уже было замечено, и едва ли уже подлежит сомнению. По Лапландскому берегу, везде, где оный состоит не из сливного гранита, находят подобные вышеописанным гряды кругляков, на высоте от 6 до 8 сажен над чертою полных вод, свидетельствующие, что море в прежние времена до сей высоты достигало».

Путешественников особенно привлекал обширный Мотовский залив, занимавший пространство между Ры-бачьим и материком. Чтобы посетить все бухты этого залива, понадобилась целая неделя. Кроме того, Бэр осмотрел губу Китовую (теперь Титовская), а Миддендорф – расположенную на северо-западе Рыбачьего Вайда-губу. Большую экскурсию Миддендорф совершил по долине реки Паз. Здесь он наблюдал многочисленных пернатых обитателей края, описанию которых посвятил впоследствии специальную статью.

23 июля участники экспедиции сделали остановку в Коле. «Когда мы оставили Кольский залив, – писал Бэр, – было решено использовать конец июля, чтобы совершить поездку на Новую Землю, если ветер будет благоприятным. Но когда мы вышли в открытое море, мы встретили противный ветер... Чтобы переждать его, мы причалили к Аникиеву острову, близ восточной оконечности большого Рыбачьего острова».

Обходя этот небольшой островок, сложенный круто падающими толщами древних сланцев, Миддендорф обнаружил на его северо-восточной

оконечности много[64]численные надписи, вырезанные в податливой породе в разные времена пережидавшими здесь непогоду мореплавателями. Наиболее интересными показались путешественникам две из них с датами, относящимися к концу XVI – началу XVII столетия – времени знаменитого плавания Вильяма Баренца. Однако имена побывавших на острове и оставивших эти надписи Якоба Хансена и Беринта Гундерсена не упоминаются в каких-либо исторических материалах.

Вернувшись на материк, Миддендорф отправился из Колы во внутренние районы Лапландии – вверх по течению Колы, по Имандре и Ниве к Кандалакше. «Весь мой запас снарядов, – вспоминал он, – состоял из двуствольного ружья с ягдташем, в котором было, правда, несколько мелких зоологических орудий, но для топографической съемки, даже самой беглой, у меня не было ничего, кроме обыкновенного маленького охотничьего компаса с градусным кружком (без диоптра). Все, что я мог сделать для съемки местности, ограничивалось тщательною отметкою, по компасу, каждой резкой перемены в направлении моего пути, с приблизительным счетом проходимого мною пространства, который вел я преимущественно по часам».

По (мере передвижения путешественника на юг на карту ложились Подастундра, Умптэк, Железная гора. «Конфигурация внутренней Русской Лапландии есть повторение соседней области – Финляндии. При топографической съемке прежде всего бросается в глаза обилие озер, как и на карте Финляндии. Очевидно, что озера Русской Лапландии – это остатки более крупных водных бассейнов предшествующих времен», – записал путешественник.

В качестве характерных особенностей гидрографической сети путешественник отметил относительную мелководность водоемов Лапландии. По его измерениям, Мурдозеро на всем протяжении имело только фут глубины.

Даже в таком обширном водоеме, как Имандра, близ Экострова глубины не превышали двух футов. Только в Пулозере глубины в некоторых местах достигали 9–10 саженей.

Миддендорф отметил, что в Лапландии порой трудно определить, является ли водоем плесом – расширением реки – или озером.[65]

Во время путешествия было замечено множество неточностей в изображении водоемов края на имеющихся картах и, в частности, на Почтовой карте, изданной в 1842 году. Так, отношение ширины озера Имандра к его длине составляло на карте 1:5, в то время как в действительности было 1:15, а иногда достигало 1:20. К наиболее значительным ошибкам карт, установленным Миддендорфом, относилось совершенно неправильное изображение реки Колы, течение которой направлено не с востока на запад, а с юга на север. Другой грубейшей ошибкой было изображение реки Умбы, в качестве места истока которой показывалось озеро Имандра, а впадения – Кандалакшский залив. В действительности воды Имандры сбрасывались в Белое море рекой Нивой, что зафиксировал в своем донесении еще Лепёхин. Река Тунтсайоки изображалась впадающей в озеро Имандра, в то время как, по рассказам местных жителей, она принадлежала бассейну Ковдозера. Пелесозеро и Колозеро располагались к северу, а не к западу от Имандры, как нанесено на карте. А. Ф. Миддендорф определил и положение почтовых станций. Поэтому опубликованная им в 1845 году карта и описание пути между Колой и Кандалакшей существенно уточняли географию внутренних районов Кольского полуострова.[66]

По Кольскому «Тракту»

По дороге покрученников.
Водный путь по озеру Имандра.
По Сырой тундре.
Встреча с медведем.
Следы движения ледника.
Происхождение саамских названий географических объектов.
На Экостровской почтовой станции.
К западным отрогам Хибин.
Ландшафты окрестностей Пулозера.
Путь в Колу.
Научные результаты экспедиции Н. В. Кудрявцева.

Кольский «тракт» к побережью Ледовитого океана представлял в глазах передовых людей России огромный научный интерес. Поэтому в 1880 году Русское географическое общество направило сюда небольшую экспедицию, которую возглавил молодой исследователь Н. В. Кудрявцев.

...Жарким днем 14 июля небольшой отряд из двух естествоиспытателей, двух помощников и восьми носильщиков-лопарей выступил из Кандалакши. Передвигались по «тракту» между Кандалакшей и Колой, то пешими тропами, то по озерам на карбасах. Поэтому участникам экспедиции пришлось оставить в Кандалакше большую часть привезенного с собой груза.

Первые полтора десятка километров отряд двигался пешком. Путешественник выглядел довольно странно:[67] на голове, поверх шляпы с широкими полями, был марлевый накомарник; на ногах – высокие сапоги, за спиной вещевой мешок, нагруженный сухарями, тетрадями и альбомами; сбоку – нож, барометр и термометр. Отряд двигался по утоптанной тропе, пробитой по лесу – редкой поросли сосны, березы и ольхи. Внизу, под обрывом, между бесчисленных валунов, несла бурные воды Нива.

Неистовая река поразила молодого ученого. В своем дневнике он записал: «...бешено несется этот горный поток, этот неугомонившийся в своем неистовом порыве вихрь пены, силы, рева, Скачущих волн, громадной массы воды, которая бы делала здесь чудеса, если бы задумали утилизировать эту силу».

Но вот тропа уходит в сторону от реки, становится уже. Она то выводит на поросшие редким лесом возвышенности – вараки, то сбегает в низменные болотистые долины. По зыбкой поверхности торфяного болота переброшены мостки.

«Тракт» между Кандалакшей и Колой – традиционный путь покрученников, по которому они шли на морские промыслы Мурмана из Архангельской и Олонецкой губерний. Ранней весной они отправлялись в путь. «Идут, – записывает Кудрявцев, – конечно, пешком, забрав весь необходимый скарб: тулупы, топоры, сети, хлеб и медные гроши, в надежде добыть и себе и покидаемой семье кусок хлеба. Начиная с конца марта и весь апрель тянутся они по Кольскому полуострову. Куда? Зачем? Не красна их обетованная земля. Это Мурманский берег. Уже в апреле они должны быть на месте. Поэтому приходится путь делать в самое неприветное время, когда царит распутица. Это самое бурное время; пурги и ураганы свирепствуют один за другим. По этому самому «тракту», который я начал описывать и который я проходил летом, следовательно, при условиях вдесятеро легчайших, приходится им идти громадными партиями. При отсутствии пути идти по ненаселенной местности, не имея никаких средств сообщения, без пищи, с жалкими краюхами черствого хлеба, в самое дурное время года – идти и не знать, где пристанище, где можно отдохнуть. Вязнуть по пояс в снегу, измокнуть, продрогнуть и при этом полуголодать – это все ничего. Но при этом надо знать, что придешь домой, и тебя ждет теплая постель, самовар... да весело потрескивающий камелек. Но если вы знаете, что и завтра,[68] и послезавтра, и через два, три, четыре дня все опять одно и то же, тогда это мука, мука необходимая, возможная только ради куска хлеба».

В нижнем течении Нивы экспедицию дожидались два почтовых карбаса. На веслах сидели женщины-лопарки. Неслышно оттолкнувшись от берега, они направили лодки против течения. Вечером вода была совершенно спокойна, вокруг стояла полная тишина. Не доходя до северной оконечности плеса, карбасы повернули к берегу. Носильщики взвалили на плечи свою поклажу, и отряд начал медленно втягиваться в лес. И снова подъем па очередную вараку, спуск в болотистую долину, где когда-то брошенные в торфяную жижу зыбкие мостки только мешают ходьбе.

На травянистом берегу очередного плеса все рассаживаются в карбасы. Полчаса спокойного плавания – и в русле реки открываются обрамленные пеной валуны, сплошь усеявшие шумящий порог. Лопарки готовят шесты. Наваливаясь на весла, они стремятся удержаться на струе быстрого течения. После того как первые валуны остались позади, шедшая впереди лодка внезапно застыла. Резкий удар – карбас прижат к большому валуну. Но вот сильным взмахом весла кормчий поворачивает лодку и сталкивает ее с валуна. Взмахи весел сменяются толчками шеста, и лодка снова продвигается вперед, лавируя между возвышающимися над водой каменными глыбами. Наконец, лодки у берега. Преодолев еще несколько километров пешком, к пяти часам утра отряд достиг южного берега Имандры.

Наутро Кудрявцев поднялся совершенно разбитым. Сказалось напряжение прошедшего дня. Ломило спину, ноги одеревенели, трудно было сделать даже несколько шагов. Кудрявцев взялся за альбом, пытаясь сделать несколько зарисовок. Но налетевшая туча комаров и мошки, которая, по выражению проводника-лопаря, «тесные места больно любит», заставила отложить карандаш. У костра один из проводников (рассказал Кудрявцеву о путешествовавшем недавно в этих местах англичанине. Судя но времени, речь могла идти о члене Лондонского географического общества Элине Рэе.

– Ноги у него все болели. Так нанял он для себя восемь человек, чтобы несли его в кресле от самой Кандалакши. Поустали порядочно. На одном месте споткнулись да чуть не вывалили его.[69]

У лопарей, которые принимали участие в экспедиции Рэя, это воспоминание вызвало веселое оживление.

– Сердился тот англичанин шибко.

Другой проводник вспомнил о встречавшихся еще в то время в Лапландии бобрах. Их хатки, шапками поднимавшиеся из воды, он видел -в одной из проток на берегу Бабинской Имандры. Охотники наблюдали бобров и в Гольцовом ручье у подножия Хибин и в низовьях Колы.

Восхищенный панорамой открывавшихся на горизонте зубчатых вершин Хибин, Кудрявцев решил подняться на одну из возвышенностей. Проплыв несколько километров по озеру и оставив карбас, в сопровождении двух проводников путешественник начал подъем на Сырую тундру. Идти было тяжело, мешали завалы бурелома, покрытые тонким дерном и порослью брусники. Путники уже несколько раз присаживались на поваленные стволы, чтобы отдохнуть, но до вершины было еще далеко.

Кудрявцева привлекло обилие взлетавших из-под ног куропаток, и он, оставив проводников, спустился в глубокий лог. Прыгая по кучам валежника, достиг самого дна и оказался под сенью высоких елей. Внезапно навстречу ему поднялся громадный бурый медведь. Кудрявцев мгновенно перезарядил ружье. Но выстрелить не успел: зверь отскочил и опрометью бросился наутек.

Вернувшись в лагерь, путешественник рассказал о встрече с медведем. Ожидавшие его на краю лога лопари, выяснилось, тоже видели зверя.

– Мы с Мироном хорошо его разглядели. Сперва-то смотрим – что это под большой елью лежит, что-то черное. Ну, с горы-то подошли краешком ближе и видим – медведь. А тут и ты бежишь, да прямо-таки на него. А он-то как испугается, да как вскочит, да вприпрыжку, вскачь, под гору, логом лупит и не оглядывается... Такой треск поднялся!

Лес постепенно редел, приближалась вершина. Скоро деревья исчезли совсем. По пологому склону, покрытому мхом и лишайниками, поднялись к

вершине. Она была совершенно плоская и голая. С помощью барометра путешественник определил ее высоту – 380 метров над уровнем Белого моря.

На вершине Кудрявцев обнаружил различные по составу и плотности породы, сглаженные до одного[70] уровня. Как отметил последователь, «это стачивание нельзя приписать деятельности воды... на поверхности можно ясно заметить несколько глубоких, параллельных желобов: они проточены камнями, вмерзшими в глетчер. Следовательно, мы и здесь, на этой громадной высоте, находим следы ледникового покрова».

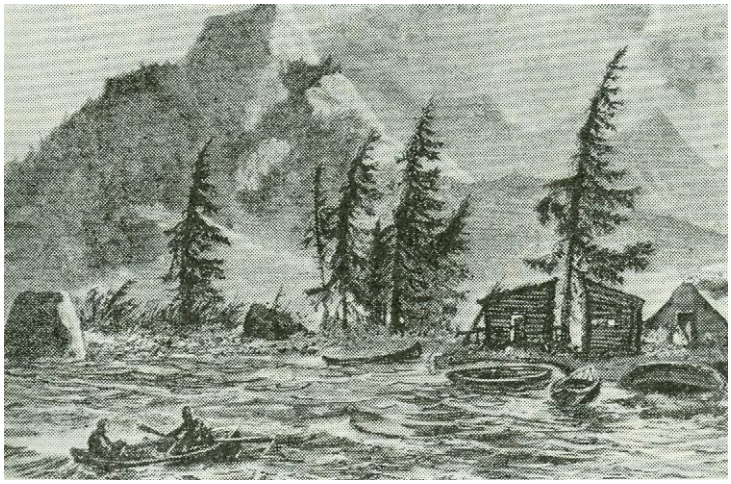
Внезапно наступивший холод заставил развести огонь. Часы показывали половину второго ночи, но было совсем светло. Открывшуюся с горы панораму Кудрявцев попытался запечатлеть в дневнике: «...верхушки Хибинских гор позолотились уже первыми лучами солнечного восхода. Вот ярко багровый отблеск голых скал сменяется нежно пурпурным оттенком весенних снегов, еще залежавшихся на этих сумрачных, изрезанных вершинах».

В лагере путников ждал жаркий костер. Дополнением к чаю служили куски жареной кумжи и дважды подмокшие и высушенные заплесневелые сухари. Это меню в экспедиции было постоянным. Только изредка, при удачной охоте, удавалось добыть тетерева или куропаток, которых, за отсутствием масла, варили.

С одним проводником Кудрявцев решает отправиться к западным отрогам Хибинских тундр. Путь туда[71] лежал по озеру, в сторону Экостровской почтовой станции. По мере того как карбас продвигался на север, очертания Кандалакшских тундр становились менее отчетливыми. Как и накануне, вода в озере была совершенно спокойна. Крупные рыбы, играя, делали в ней большие круги.

– Не вовремя приехали, – сумрачно заметил проводник. – Посмотри, как рыба играет. По-нашему – быть морянке.

Скоро в воздухе появились чайки-моевки, которые то и дело стремительно падали к самой воде.



На берегу Экостровского пролива.
Со старинной гравюры

Путешественники продолжали путь. Сидя на дне лодки, Кудрявцев делал зарисовки, записывал наблюдения. Лопари сообщали ему местные названия островов, мысов, заливов и речек, встречавшихся на пути по обоим берегам озера. Только один перечень их занял у путешественника около 30 страниц дневника. Рядом с лопарским наименованием Кудрявцев указывал его русский перевод. Большинство из них были очень просты. Заливы и озера обычно назывались по их размерам и форме: большой, малый, широкий, узкий, глубокий; по названиям рыб: щучье, окуневое, хариусное, сиговое, кумужье; или животных: медвежье, песцовое, заячье. И лишь изредка отражали события, сохранившиеся в памяти аборигенов – «Озеро, где утонул ребенок», «Залив, где утонул человек»; «Берег, где кастрировали оленей». Ученый записывает: «До какой степени изрезаны берега этого громадного озера и какая масса островов раскинулась на его поверхности. А между тем посмотрите на карту и вы увидите одни только ровные линии и только два острова – Сяв остров и Высокий, тогда как крупных островов здесь с полсотни».

Но вот по озеру пошла темная рябь, которая быстро подползала к лодке. И скоро сильный порыв ветра ударил по деревьям. Волны бились о дно карбаса, обдавая людей брызгами и пеной. Закапал крупный дождь,

который перешел в страшный ливень. С новыми порывами ветра усилилась и качка. Вода перехлестывала через нос, лодку до половины залило водой. С большим трудом удалось путешественникам добраться до Экостровской станции.

Станционная изба набита битком. В углу – камелек, подобие камина, сложенного из неотесанных камней, с широким открытым устьем. Ярко полыхают дрова,[72] освещая красным огнем черные от копоти стены. Около огня теснятся застигнутые в проливе непогодой лопари. Некоторые из них разлеглись на полу, на деревянных скамьях, на оленьих шкурах. Дымится чай. В избе нестерпимо душно, но тепло.

Расположившись в станционной избе на целую неделю, Кудрявцев начал знакомиться с западной частью Хибинского горного массива. Лопари сообщили ему довольно точные данные о его протяженности в широтном и меридиональном направлении. Многие географические объекты в этой, прежде посещавшейся русскими людьми, части Кольского полуострова носили русские наименования: ущелье Двери, Гольцов ручей, возвышенность Гребенье, Шестимежный луг.

Во время экскурсий в западную часть Хибин путешественник делает интересные наблюдения. На склоне гор он находит древние береговые валы, свидетельствующие о том, что в недалеком геологическом прошлом эта местность до высоты двухсот метров была занята водами какого-то бассейна. Относительно происхождения рельефа в целом исследователь приходит к выводу об исключительно большой роли материкового оледенения в его формировании. Соображения Кудрявцева не потеряли своего значения до наших дней и созвучны представлениям современных исследователей Хибин. «Общий характер Хибинских тундр, – пишет ученый, – масса в них громадных сильно развитых «бараньих лбов», ущелья в горах с выпуклыми стенками, которые внизу круче, наверху отложе, общее телескопическое борожде- ние, масса ледниковых шрамов, борозд и царапин, закругленность всех вершин до известной высоты, все это приводит к убеждению, что здесь

мощно были развиты глетчеры. Наконец, громадные морены, всюду параллельные, общая география местности (косы, мысы, губы, заливы, острова, озера), все вытянуто в одном направлении; борозды и шрамы повторяются одинаково сильно на различных высотах; все свидетельствует в пользу того, что не большому распространению ледникового моря с плавающими айсбергами, а именно громадным материковым ледникам надо приписать все эти явления».

Кудрявцеву принадлежат первые сведения о строении Главного хребта, он правильно подразделяет его на несколько отдельных массивов. Однако его[73] представления о строении Чуна-тундры, основанные преимущественно на расспросных данных, не свободны от ошибок. Неверно его мнение о том, что «Чуна-тундры явственно состоят из трех параллельных цепей-гор», а также то, что по сравнению с Хибинами «площадь их гораздо значительнее, а высота больше».

Сравнив карту Генерального штаба с действительным обликом местности, Кудрявцев обнаружил значительные расхождения. По рассказу одного из путешественников, побывавшего в этих местах спустя тридцать лет после Кудрявцева, Хибины на той же самой «карте русского Генерального штаба обозначены сплошной белой краской, как внутренность какого-нибудь необитаемого острова или как поверхность неисследованного Южного полюса... За свою географию мы краснели у лопарей, когда, поверив некоторым путешественникам по Лапландии, мы упорно просили лопарей повести нас на «высочайшую гору Лапландии – Аймере-Пайк», как именовали ее эти путешественники, – когда лопари, улыбаясь, показывали нам и направо, и налево, и прямо перед собой несколько таких аймере-пайков и недоумевали, на который из них нужно нас вести: ибо по-лопарски аймере-пайк просто значит „высокое место”».

Вместе с проводником Григорием Кудрявцев решил достигнуть вершины Высокого мыса. Частым сосновым лесом они двинулись от берега озера в направлении поднимавшихся над ним горных вершин. После подъема

на крупный моренный вал сосны стали реже, появился подлесок из березы, осины и рябины. По склону массива натуралист выбрал наиболее крутой путь, чтобы точнее определить с помощью барометра границу распространения лесной растительности. Здесь пришлось преодолевать частые нагромождения валунов, то и дело рискуя провалиться в скрытые мхом расселины.

По мере подъема лес становился мельче, начались заросли ерника и мелких берез. На высоте более 300 метров деревья совершенно исчезли, ландшафт представлял сглаженные увалы, покрытые кустарником. Со склона открывался прекрасный пейзаж. «Что за чудная панорама открывается перед нами! – записывает он. – Прямо перед глазами, внизу, блестит широкой серебряной полосой вытянутое озеро Имандра; местами нежной лазурью отливают его тихие воды; вот около самого Высокого острова видно несколько серебристых[74] струек: это слабое течение огибает выдающийся южный мысок. А ближе, прямо под нами, темная синева вод отливает каким-то матово-бархатистым лазоревым цветом. Вот блестят широкие полосы того же Высокого острова, вот несколько мелких островков, голых и скалистых, всегда длинных и узких, назойливо напоминающих заснувших или притаившихся щук. Вот и лесистый Сив остров и длинная, далеко уходящая от меня в глубь извилистая водная лента, это Монче-губа. Вот и великолепные Чуна-тундры. Какими громадными темными массивами поднимаются они, вытянувшись параллельными рядами! Несколько обточенных куполов, точно дружно взялись за руки, – так сливаются друг с другом; потом спустятся они вниз и сольются в широкую долину, потом опять плавно поднимается линия и круто воздымается кверху, образуя настоящие пики, выше других, опять круто упадает до известной высоты, где опять следует ряд однообразных куполов...»

Внезапно на пути открылась расположенная параллельно склону глубокая расселина. Воспользовавшись узкой трещиной, путешественник

начал спуск. На то, чтобы добраться до дна расселины, ушло не менее двадцати минут.

На дне расселины, точно гигантские зубы, поднимались поставленные «на голову» плиты темной горной породы. И снова пришлось карабкаться по скалам вверх. Через некоторое время Кудрявцев оказался на ровной площадке, представлявшей замечательный уголок горной тундры. На поверхности скалы виднелись некрупные палево-желтые альпийские маки, белые звездочки куропаточьей травы. И нельзя было отвести взор от великолепной – на десятки километров – панорамы, открывавшейся в сторону обширной низины, середина которой была занята водным зеркалом Имандры.

На пути, в расселинах скал и на затененных склонах еще лежал снег. Барометр показывал высоту 920 метров над уровнем океана. Сильный ветер отгонял комаров, и путешественнику удалось сделать несколько зарисовок ландшафтов, но внезапно начавшийся дождь прервал эту работу. Спустившись в крупный Медвежий лог, Кудрявцев и его спутник нашли убежище в сырой пещерке.

Обратный путь оказался не менее трудным. Дорогу преграждали обломки скал. Приходилось то и дело[75] продираться сквозь частые заросли осинника, преодолевать глубокие ручьи, берега которых были сложены скользкими округленными глыбами. Добравшись до станционной избы, не имея сил раздеться, промокший и продрогший, Кудрявцев моментально заснул.

Наутро отряд двинулся к последней на Имандре почтовой станции – Куреньге. Затем, оставив позади Пиресозеро и Колозеро, путешественники миновали водораздел между Белым и Баренцевым морями и вышли к усеянному многочисленными лесистыми островками обширному Пулозеру. Быстро сменялись живописные пейзажи, неожиданно открывавшиеся из-за поворотов. Высокие лесистые возвышенности почти вплотную подступали к берегам.

Близ северной оконечности озера его котловина сузилась, будучи как бы началом узкого каменного коридора, по которому, вытекая из Пулозера, несет свои воды Кола. Войдя в ее русло, 'миновали несколько опасных порогов и водопадов, прежде чем на пути оказалось Мурдозеро, за которым располагалась последняя на «тракте» почтовая станция Кица – изба, одиноко стоявшая при слиянии двух полноводных рек. Отсюда сделали значительный, около двадцати километров, пеший переход. Путешественник отмечал, что на всем пути дорога шла по лесу. Высокие сосны достигали 170, березы– 75 сантиметров в обхвате. Таким образом, Кудрявцев установил границу лесной растительности на 250 километров севернее той, что указывалась раньше.

Для этой части «тракта» была характерна особенно резко выраженная смена растительности. В долинах – болота с протекающими узкими речками да купола каменистых утесов. Но стоит выйти за пределы долины – попадаешь в заросли высокоствольных берез, в поросль ивы и рябины, видишь великолепные темно-зеленые ели. Перед Шонгуй-варакой смешанный лес сменился частым сосновым бором с белыми подушками ягеля. Ученый писал: «Нет ничего причудливей, фантастичней, многоцветней лапландских мхов и в их числе любимого оленями – ягеля. Они пышны и великолепны, как драгоценные ковры и диваны восточного владыки: от белого, белесовато-голубого до темно-пурпурного и коричневого, они бывают всех цветов, всех оттенков. Говорят, Север беден красками; но где еще встретишь такое ослепительное богатство красок под ногами? Со[76]четания цветов причудливые, необычные – и вместе с тем в них есть странное соответствие с окружающим: с небом и лесом, есть какая-то тихая и спокойная гармония красок и тонов. Мхи застилают холмы, подошвы гор, висят на обрывах, прикрывают пуховыми ковриками холодные валуны и сорвавшиеся с горы камни; мхи свисают, как висячие ковры и балдахины, над безумно быстрыми падунами; они у стволов сосен, как

цветные подножия, на тряских кочках болот, всюду охраняют они северную тишину».

Дальнейший путь отряда проходил опять по воде, и снова на десяток километров – пороги, скалы, подводные камни. И наконец – первое за несколько недель жилье – изба. Еще один переход – и со склонов Соловараки открылся вид на Колу. Маленький городок, не более двух сотен домов, раскинувшийся на широком мысу, почти пуст. Все его мужское население на промысле на Мурманском побережье.

В ожидании парохода Кудрявцев совершил поездку по Туломе, сделал несколько экскурсий в окрестности города. На борту рейсового парохода «Архангельск» путешественник записал в своем дневнике: «С сожалением расставался я с Кольским полуостровом, где нашел так много, хотя и суровых, но величественных красот. Местность, вполне безлюдная, дикая, где пришлось вынести столько материальных лишений, невзгод и полное отсутствие комфорта, – она стала мне привлекательною. Какой-то поэтический оттенок тотчас же ложится на прошедшее, на пережитое».

Вернувшись в Петербург, молодой ученый вплотную занялся обработкой наблюдений, сделанных во время экспедиции. Уже в мае 1881 года он выступил с предварительным сообщением о своей поездке на общем собрании Общества естествоиспытателей, а в 1882 году опубликовал большую статью «Кольский полуостров. Физико-географический очерк». В ней были обобщены данные геологических и ботанических наблюдений, приведены высоты многих возвышенностей, дано описание озер и рек, по которым проходил маршрут путешественника. Новостью в русской науке были данные о северной границе лесной растительности, о вертикальной поясности в горах. В следующем, 1883 году в свет вышел еще один труд исследователя – «Орографический характер Кольского полуострова в связи с ледниковыми[77] явлениями поднятия, размывания и намывания». После опубликования в 1876 году знаменитого труда выдающегося естествоиспытателя и революционера П. А. Кропоткина «О ледниковых

валунах в Финляндии», заложившего основы учения о ледниковом периоде в Европе, Н. В. Кудрявцев был признан первым исследователем, утвердившим это прогрессивное учение в России.

Следует также сказать, что Николай Васильевич Кудрявцев как исследователь Кольского полуострова до сих пор недостаточно известен. Вместе с тем он дал самое полное для своего времени научное географическое описание нашего края, к которому 'исследователи Кольского полуострова обращаются до сих пор.[78]

К неведомым вершинам

Из Гельсингфорса в Колу по санному пути.
Поездки по Мурманскому берегу.
Исследования Рамзая, Чильмана и Петрелиуса в центральной части Кольского полуострова.
Открытие горного массива Ловозерских тундр.
Поездка в Иокангский погост.
Маршрут Чильмана в восточной части полуострова.
Значение работ финских экспедиций.

В 1887 году Общество исследователей фауны и флоры в Гельсингфорсе – главном городе «Великого княжества Финляндского», входившего тогда в состав России, – снарядило большую комплексную экспедицию, задачу которой составляли широкие географические исследования внутренней Лапландии, включавшие изучение рельефа, геологического строения, растительности и животного мира. Среди участников экспедиции: опытные исследователи зоологи Пальмен и Энвальд, ботаники Бротериус и Чильман, геолог Рамзай, астроном Петрелиус, а также молодые ученые Эдгрен, Левандер и Ниберг. Хозяйственную часть экспедиции возглавил капитан Зостранд. Работать предстояло в районах, не имеющих даже обзорных карт, экспедицию обеспечили инструментами для наблюдений: барометрами, компасами, кипрегелем, буссолью и большой редкостью в то время – фотоаппаратом.[79]

Еще по зимнему пути имущество экспедиции на оленях было завезено в Колу и другие пункты, откуда летом предполагалось начать исследования. Участники экспедиции разбились на несколько отрядов. Энвальд и Ниберг в окрестностях Колы и по берегам Кольского залива собрали орнитологические и энтомологические коллекции. Они посетили северное побережье полуострова Рыбачьего, побывали на Айновых островах. Этот небольшой архипелаг, лежащий к западу от Рыбачьего, служит местом

гнездования огромного количества пернатых. «Когда шлюпка подходила к берегу, – писал один из побывавших здесь путешественников, – воздух дрожал и переливался невообразимым шумом от птичьего крика. В этом шуме отдельных голосов разобрать невозможно – разве вскрикнет над самым ухом внезапно налетевшая и шарахнувшаяся в сторону птица. Весь этот шум и гвалт почему-то очень волнует. После полной тишины и покоя открытого моря бурное поведение птиц нас оглушило». Айновы острова для зоологов экспедиции представляли большой интерес.

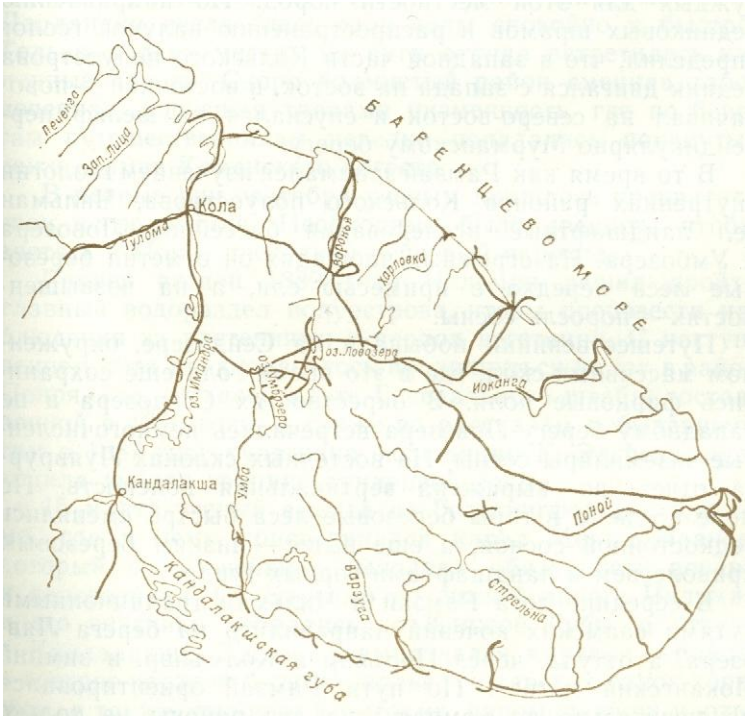
Вильгельм Рамзай (1865–1926 гг.)

Позднее Энвальд, Бротериус и Ниберг отправились пешком вдоль побережья Мурмана. Из Гаврилова, Рынды и летнего Семиостровского погоста они совершали экскурсии по долинам рек внутрь полуострова. Бротериус и Ниберг поднялись на 60 километров по долине Варзины. Впечатление от этой части полуострова у путешественников осталось самое мрачное. Морской берег, по их описаниям, представлял здесь каменные стены, иссеченные глубокими ущельями – долинами рек, которые из-за многочисленных порогов и быстроты течения не могли быть использованы как пути сообщения.

Отряд Эдгрена и Левандера путешествовал по Терскому берегу. В селе Варзуга по их просьбе один из[80] местных жителей нарисовал им довольно точную картину бассейна реки. Приехав в Умбу, отряд сделал попытку подняться на лодках вверх по течению реки. Но добрались они только до Канозера. Трудности пути, крутые водопады и большие пороги заставили их вернуться обратно.

Самый крупный из отрядов, в составе которого находились Рамзай, Петрелиус, Чильман и их помощники, выехал из Колы 2 июля. Пешими тропами и на лодках они вошли в истоки реки Колы и двинулись оттуда на восток, достигнув через десять дней Воронинского погоста, о существовании которого ученым не было известно. Отсюда отряд Рамзая на лодках

направился вверх по течению Вороньей к Ловозерскому погосту.[81] Уже на подходах к нему на горизонте появились величественные горы, которые путешественники первоначально приняли за восточные отроги Умптэка – Хибинских тундр.



Маршруты Рамзая и Чильмана на Кольском полуострове
в 1887 и 1888 годах

Остановившись в погосте, исследователи в течение целого месяца изучали этот горный массив. Уже после первых маршрутов они убедились, что открытый ими Луяврурт – самостоятельный горный массив, отделенный от Хибинских тундр огромной меридионально вытянутой котловиной Умбозера. Высота обнаруженного горного массива составляла 1120 метров, немного уступая самым значительным возвышенностям Хибин. Массив оказался сложенным нефелиновыми сиенитами – щелочными породами, известными в то время лишь на юге Швеции, в окрестностях Осло.

Рамзай обратил также внимание на широко представленные в центральной части Кольского полуострова ледниковые отложения – морену,

содержавшую валуны чуждых для этой местности пород. По направлению ледниковых шрамов и распространению валунов геолог определил, что в западной части Кольского полуострова ледник двигался с запада на восток, в восточной – поворачивал на северо-восток и спускался на шельф перпендикулярно Мурманскому берегу.

В то время как Рамзай занимался изучением геологии внутренних районов Кольского полуострова, Чильман вел ландшафтные исследования бассейнов Ловозера и Умбозера. На огромных площадях он отметил березовые леса нередко с примесью ели, а на возвышенностях– поросль сосны.

Путешественники побывали на Сейдозере, окруженном массивами скал, где в это время года еще сохранились фирновые поля. В окрестностях Сейдозера и по западному берегу Ловозера встречались немногочисленные экземпляры сосны. На восточных склонах Луяврурта отчетливо выражена вертикальная поясность. По мере подъема в горы березовые леса быстро сменялись редкостойной сосной, а еще выше – низким березовым криволесьем и ландшафтами горных тундр.

В середине лета Рамзай и Чильман традиционными путями саамских кочевий направились на берега Лявозера, а оттуда, через Поръявр и Колмъявр, в зимний Иокангский погост. По пути Рамзай ориентировался исключительно по компасу: на эти районы не только[82] не было карт, но и сама местность не имела сколько-нибудь заметных ориентиров и представляла собой низкое слабо всхолмленное плато с заболоченными долинами, тянущимися на многие километры. Только вблизи озера Айявр путешественники увидели редкие пятна хвойных лесов.

Когда Рамзай и Чильман отправились к вершинам Луяврурта, Пальмен и Петрелиус на двух небольших лодках поднялись из Ловозера по Марьйоку. Воды в реке в это время было уже немного, и продвигаться вверх по течению оказалось необычайно трудно. Преодолев пятикилометровый волок, отряду удалось выйти в истоки Поноя. Протащив лодки пятнадцать километров по

мелководным ручьям, они достигли воды, глубина которой позволила плыть по течению. Путешествие продолжалось по сильно извилистому в этой части руслу Поноя. По обоим берегам реки поднимались гранитные холмы, покрытые сосновым лесом. В понижениях между холмами располагались заросли елей. Величайшая река Лапландии несла здесь свои воды спокойно и быстро. Только в двух местах на пути отряда встретились каменные пороги. Скоро холмистый район сменила заболоченная, поросшая травами низменность, где по берегам путешественникам нередко попадались покинутые вежи саамов Каменского погоста.

В первые дни сентября ученым пришлось прекратить свои исследования. Необходимо было спешить, чтобы застать в Поное последний рейсовый пароход.

Ранней весной 1889 года Чильман решил пройти главный водораздел полуострова, чтобы произвести наблюдения за растениями в период вегетации. С наступлением лета предполагалось продвинуться на юг, в район Поноя, где, согласно карте Генерального штаба, составленной в 1886 году, а также по рассказам побывавшего там в 1887 году участника экспедиции К. Эдгрена, проходила южная граница тундровой зоны.

15 марта ученый выехал из Гельсингфорса в Куусамо, где к нему присоединился карел Микко Иванов, который в дальнейшем выполнял обязанности повара и переводчика. От Куусамо по зимней дороге Чильман и его спутники добрались до Княжой Губы, а оттуда в Кандалакшу. Здесь сформировался караван – райда, в составе которой было несколько лопарских санок-кережек, а также широких и высоких, напоминавших нарты,[83] саней. Для перевозки пассажиров использовали балки– те же сани, но полностью закрытые парусиной. Ехать в балке было тепло, но совершенно исключалась возможность наблюдений, так как экипаж такого рода не имел окна.

В сани и кережки погрузили необходимое снаряжение и запас продуктов: хлеб, муку, сахар, масло и чай. 31 марта райда двинулась на север

– к Имандре. Путешественники миновали широкую покрытую лесом равнину и достигли западных подножий Хибин. Над ослепительно сверкавшим снежным покровом высились скалистые обрывы, испещренные темными трещинами.

Несмотря на позднюю весну, снег уже слегка подтаял, обнажив на легко доступных ветру местах черную покрытую лишайниками землю. Скорость оленей не превышала десяти километров в час. Когда цепь гор осталась позади, райда повернула на восток – вдоль северных подножий Хибин и Луяврурта.

В Ловозерском погосте, куда путешественники прибыли через три дня, они застали компанию промышленников, направлявшихся в становища. Не задерживаясь в поселке, Чильман двинулся в Лявозерокий погост. Небольшой поселок состоял из 14 бревенчатых туп и вежи, примостившихся на восточном берегу Контозера. Было 7 апреля, воскресенье, и все население погоста праздновало пасху. Письмо архангельского генерал-губернатора, предписывавшее оказывать экспедиции Чильмана всяческую поддержку, не могло принести никакой пользы, так как среди жителей не было ни одного не только грамотного, но и сколько-нибудь трезвого человека. Кроме того оказалось, что почти все олени наняты приехавшими ранее промышленниками.

Лишь на следующий день запряженная свежими оленями райда двинулась в дальнейший путь. Дорога шла по местам, уже знакомым Чильману по маршрутам, сделанным вместе с Рамзаем два года назад. Зимник был проложен по системе небольших озер, служивших истоком Иоканги. Вокруг тянулась скудная поросль низкорослых берез. Спустя 13 часов караван прибыл в зимний Варзинский погост, сравнительно небольшой поселок, из двух десятков бревенчатых туп и нескольких веж. Войдя в одну из туп, путешественник поразился ее теснотой. На площади, не превышавшей 4–5 квадратных метров, помещались две скамьи и небольшой стол.[84] В переднем углу тускло светился окладами огромный иконостас. На

столе стояли тарелки, выдолбленные из дерева, несколько медных ковшиков и кружек. Затянутые льдом оконца едва пропускали слабый полуденный свет.

Дальше зимник вел в сторону Куроптевского погоста. Олени бежали по ровной болотистой местности. Справа и слева от дороги поднимались плосковершинные холмы, по склонам которых рос невысокий березовый лес. По мере приближения к водоразделу холмы становились больше и круче, на их вершинах темнели шапки скал. Пространства между возвышенностями напоминали ущелья. Береза сменилась отдельно стоящими соснами с коническими или почти округлыми кронами. Наконец, деревья исчезли совсем, появились пятна можжевеловых пустошей. Впереди лежал протянувшийся на многие десятки километров сглаженный горный кряж. Олени вынесли на заснеженную поверхность, с которой была видна цепь вершин, уходивших к горизонту в северо-западном и юго-восточном направлениях. То были Кейвы – главный водораздел полуострова.

Чильман поднялся на ближайшую из гор, носившую имя Шуурурты. Анероид показывал высоту 190 метров над подножием массива. О существовании этой горной гряды предшествующие исследователи края не знали. Со слов опаса Чильман внес в дневник наименование возвышенностей, которые он посчитал восточными отрогами Ловозерских тундр. Положение гряды в юго-восточном направлении путешественник наметил почти до самой долины Поноя. Чильман показал и границу распространения хвойных: сосны, а немного дальше и ели на широте Куроптевского погоста.

По державшему еще сани насту Чильман направился из Куроптевского в Лумбовский погост. Перевалив через Кейвы по долине Ачерйока, райда экспедиции вышла к погосту. Летний погост находился в одноименном заливе, где лопари ловили камбалу. На тонях в Качковском и Панфиловском заливах летом жило несколько семей, промышлявших семгу. Жители погоста были довольно богаты, и, как замечает Чильман, здесь он располагал самой

просторной и чистой квартирой, предоставленной ему Лаврентием Тараповым – зятем богатейшего в крае лопаря Данилова, который имел стадо в две тысячи оленей.[85]

Еще один переход – и участники экспедиции достигли побережья Белого моря в районе Орлова мыса, где уже в то время существовал маяк. Его башня стояла на возвышенном плато в некотором удалении от берега. Близость прибрежной тундры побудила исследователя сделать здесь длительную остановку. Смотритель маяка недавно умер, и его жена гостеприимно предоставила путешественнику три комнаты в маячном доме.

На запад от маяка тянулась усеянная пятнами озер утомительно однообразная тундра, почти не посещаемая людьми. На восток открывалось бескрайнее море, покрытое паковым льдом, разбитым трещинами.

Из окна своей комнаты путешественник наблюдал те изменения, которым подвергался неустойчивый в это время ледяной покров. Море то освобождалось от льдин, то снова покрывалось ими. 28 мая по чистой глади моря мимо маяка прошел первый пароход из Архангельска. Но в начале июня лед появился снова, окончательно исчезнув только во второй половине месяца.

В начале мая на побережье вблизи маяка вышли тюленьи стада. Животные, плотно прижавшись друг к другу, лежали на плавающих льдинах и прибрежных скалах. Тюлени непрерывно двигались, их крики и рев были отчетливо слышны сквозь стены маячного дома.

Наступила пора таяния снегов. Талые воды превратили каждую ложбину в полноводный ручей, каждое понижение – в непроходимое болото. Передвигаться по тундре стало необычайно трудно. Тем более что побережье нередко затягивало густым туманом, ориентироваться в котором было невозможно.

Во время своих экскурсий Чильман внимательно следил за пробуждением природы. В последние дни апреля он отметил появление свежих листочков кохлеарии и камнеломки, а в начале мая на южных

склонах долины Поноя цветение водяники и дикого лука. 8 июля Чильман увидел первые цветы остролодочника, а четыре дня спустя травянистая лужайка вокруг маяка ярко зазеленела, и среди травы стали заметны цветы куропаточьей травы и диапенсии.

Начался прилет птиц. Первыми – в начале мая – прилетели зуйки и трясогузки. В конце мая среди прибрежных скал натуралист натолкнулся на чаячье гнездо с насиженными яйцами и на зуйков и дроздов, сидящих на гнездах.[86]

Ученый определил распространение вековой мерзлоты, которую обнаружил только в болотных массивах; ареал отдельных видов растений, зависимость его от микрорельефа и микроклиматических условий и условий увлажненности окружающей среды. С особым интересом изучал натуралист карабкавшиеся по прибрежным скалам деревца можжевельника. Отдельные экземпляры его были очень крупные и старые. Подсчитав число годичных колец, Чильман определил, что одно из деревцев, при толщине ствола в 10–12 сантиметров, имело возраст не менее четырехсот лет. Возраст другого, ствол которого был чуть больше восьми сантиметров в диаметре, составил 544 года.

До прихода к Орловскому маяку последнего рейсового парохода Чильман обследовал восточное побережье полуострова от маяка до ручья Быкова и Трех островов, прошел далеко вверх по долине реки Качковки. Его географические исследования отдаленных районов края не потеряли своего значения и до нашего времени.

Исследования финских ученых не закончились двумя описанными экспедициями. Открыв щелочной массив Луяврурт, Рамзай обратил внимание на расположенный рядом самый крупный щелочной массив Хибинских тундр. Детальное изучение Хибин он провел в 1891 и 1892 годах. Петрографическое изучение геологических коллекций этих экспедиций выполнил его спутник и помощник Виктор Гакман. Среди щелочных пород центральной части Кольского полуострова он выделил луявриты –

гнейсовидные нефелиновые сиениты; умптекиты – щелочные сиениты, содержащие роговую обманку; уртиты – породы, почти целиком состоящие из нефелина; и хибиниты – крупнозернистые нефелиновые сиениты с идиоморфными выделениями нефелина.

Помимо геологических исследований Петрелиус и Рамзай выполнили большой объем работ чисто географического характера. Они положили на карту всю горную область Хибинских тундр, определили абсолютные высоты и географические координаты большого числа пунктов в центральной части Кольского полуострова. Впервые для этих районов выполнена триангуляция. Пункты наблюдений были разбиты на наиболее значительных возвышенностях: на вершинах Чуна-тундры, Тахтарвумчорра и Луяврурта. Абсолютные отметки возвышенностей и уреза воды в озерах исчислялись от[87] уровня Имандры, определенного, в свою очередь, по отношению к уровню моря в Кольском заливе. На карте экспедиции впервые нанесена гидрографическая сеть Хибин и прилегающих к горному массиву равнинных пространств, показано положение водораздела, определена принадлежность речных систем к бассейнам Имандры, Умбозера и Ловозера. Путем промеров нашли максимальные глубины в озерах: Имандры – 23,5, Пайкунъявра – 60, Малого Вудъявра–100 и Большого Вудъявра – 200 метров.

Рамзаю, впоследствии несколько раз посетившему Кольский полуостров, мы обязаны и составлением первой геологической карты Хибинских и Ловозерских тундр, значительно облегчившей работы последующих экспедиций. В различных частях полуострова астрономически вычислены координаты десяти важнейших пунктов. Отметки многочисленных возвышенностей были определены кипрегелем относительно уровня океана, а также с помощью барометров. Значительным научным достижением явилось уточнение положения границ тундровой зоны.

Следует также добавить, что финские исследователи высоко чтили заслуги своих предшественников, изучавших Кольский полуостров в более

ранние годы. Их имена они увековечили на карте Хибин, присвоив отдельным возвышенностям горного массива имена Широкшина, Рабо и Кудрявцева.

В течение всей жизни годы, посвященные изучению геологии Кольского Севера, остались в памяти одного из крупнейших геологов Европы Вильгельма Рамзая как самые яркие и памятные страницы. Всего за две недели до смерти он писал академику А. Е. Ферсману о своем глубоком сожалении по поводу того, что ему пришлось оставить геологические исследования любимого им района, добавляя, что минералы и породы его старой коллекции как бы с упреком смотрят на него.[88]

Легендарная Лаппония

Юность В. Ю. Визе.
Увлечение саамской культурой.
Поездка на Кольский полуостров в 1910 году.
Изучение сейдов.
Путешествие по реке Умбе в 1911 году.
Преодоление порогов.
Встречи с ловцами жемчуга.
Гидрологические наблюдения.
Саамские капища в бассейне Ловозера.
В. Ю. Визе – инициатор создания гидрометеорологической службы на Кольском Севере.

Автору довелось увидеть В. Ю. Визе уже пожилым человеком. На высокой ссутулившейся фигуре неловко сидел адмиральский мундир. Для нас, студентов, его имя было овеяно легендами. Спутник Седова в походе к Северному полюсу, ученый, предсказавший существование в Арктике неведомой суши, названной теперь его именем, автор множества книг, которые являются подлинной энциклопедией Севера.

Когда он появлялся в университетских коридорах, многие придерживали шаг, пробегал шепот:

– Визе идет...

Однако начало заполярных маршрутов Владимира Юльевича Визе лежало не в высоких арктических широтах, а в зыбких болотах, лесотундре и на порожистых[89] реках центральных районов Кольского полуострова. Именно здесь сделал он первые шаги как исследователь, здесь собрал материалы для первых научных работ.

Студенческие годы Визе провел в тихом, пахнувшем по утрам теплым хлебом и кофе немецком городке Геттингене. Днем – занятия в университете, работа в лаборатории знаменитого Таманна. Вечером – старый рояль в уютной маленькой гостиной и волшебный мир музыки, которую юный Визе

считал самым значительным, Владимир Юльевич Визе – самым волнующим в жизни.

Владимир Юльевич Визе – студент

Все изменил Фритьоф Нансен, чей портрет с недавних пор появился в комнате Визе рядом с портретом Вагнера; его книга «Во льду и в ночи», со страниц которой для юноши зазвучала иная музыка, не менее притягательная.

В библиотеке Геттингенского университета, перебирая старые фолианты, посвященные Северу, Визе натолкнулся на труд Иоганна Шефферуса, отдавшего многие годы изучению почти неизвестной тогда в Европе Лаппонии – загадочной северной области, населенной народом, способным пророчествовать и колдовать. Восточная часть Лаппонии – Кольский полуостров – лежала в границах России, и молодой Визе решает как можно скорее отправиться туда, чтобы на первых порах изучать верования и обряды обитателей этого края.

В начале лета 1910 года Визе поселяется на берегу Имандры невдалеке от Белогубской почтовой станции. На западе высится заснеженная цепь Монче-тундры, на востоке – скалистые отроги Хибин. На сотни верст бездорожье и тундра. Где же отыскать таинственные капища шаманов и ведунов? Юноша перелистывает записки «просветителя лопарей» К. Щеколдина. Вот записанное в 1887 году сообщение о том, что «на тундре между Паз-рекою и Печенгой» находится «каменная баба».[90] «Камень не черный, а сероватый», высота его около метра. Изваяние «на не очень большом камне, правая рука положена поперек груди, а левая опущена». Но Печенга далеко. Летом туда недели пути, а нет ли подобного здесь, на Имандре? Визе знакомится с обосновавшимися неподалеку выходцами из древнего Экостровского погоста саамскими семьями Архиповых, Сорвановых, Берестевых, Бархатовых. Однако, как ни пытался завести с

ними разговор о колдовстве, только что охотно рассказывавшие об оленьей пастьбе и рыбной ловле лопари тотчас замолкали.

И лишь спустя продолжительное время Визе узнал от Василия Бархатова, что был тот знаком с популярным среди жителей Лявозерского погоста нойдом Михаилом Кирилловичем, умершим лет двадцать назад. Колдун жил в веже с двумя женщинами, которых выбрал «в товарищи». Бархатов рассказывал, что в обиходе нойда совершенно отсутствовали изделия из железа. Если кто-нибудь из саамов хотел услышать от нойда пророчество, он должен был привести ему оленей, но обязательно целоухих, без клейма. Михаил Кириллович закалывал оленя, варил мясо в медном котле, потом раскладывал его в два деревянных корыта: из одного колдун ел сам, из другого потчевал женщин. Мясо ели «по-собачьи», «нападком», не пользуясь даже руками. Если гость желал принять участие в колдовской трапезе, его приглашали к корыту – при условии соблюдать собачью манеру есть. Поев, колдун запрягал в нарядную, украшенную бисером упряжь тройку оленей. После бешеной езды колдун начинал «киковать», по объяснению Бархатова, «вроде как бы песни петь и дьяволов призывать». Во время «кикования» нойд пророчествовал. По мнению Василия Бархатова, подобные колдовские обряды еще сохранились в Воронинском и Лявозерском погостах.

Живя на Имандре, Визе удалось собрать сведения о сейдах – священных камнях, в которые, по саамским поверьям, превращались умершие, а камень обретал Дух. По рассказам пастухов, сейды рассеяны по всей Лапландии, от берегов Паза до горных Кейв. Саамы мазали сейдов рыбьим жиром, охотники приносили им в жертву оленей. Если сейд стоял на возвышенности, достаточно было бросить в его сторону камень, обмазанный жертвенной кровью. Саамы верили, что если[91] оставить сейд без приношения, он умрет, потеряет возможность помогать своим сородичам и приносить вред их врагам.

Калина Архипов и Василий Бархатов указали Визе многие сейды: на реке Нюд, на вершине близ Воче-ламбины, в долине Кунийока и недалеко от горы Намуайв в Хибинах.

Визе приходит к выводу, что приобщиться к лапландским тайнам можно лишь в восточной части полуострова, наименее изученной. Вместе с тем Визе решает вести географические, гидрометеорологические, геологические и ботанические наблюдения. Молодой исследователь не хочет откладывать реализацию своих планов. Вместе с двумя товарищами (один из них был геолог Павлов – в будущем тоже участник экспедиции Г. Я. Седова) Визе направляется к Умбозеру, чтобы оттуда спуститься по реке Умбе к Белому морю. Однако эта попытка окончилась неудачей. Участники экспедиции разбили карбас на одном из порогов и вынуждены были вернуться в Колу.

Изучение центральных районов Кольского полуострова Визе продолжает в 1911 году. Теперь он решает подняться вверх по течению Умбы, чтобы обследовать внутренние районы полуострова. В Умбу Визе и Павлов приехали из Архангельска в середине мая. Старое поморское село вытянулось вдоль реки. За пригорком, по берегу губы, поднимались деревянные строения недавно открытого лесопильного завода.

О том, чтобы начать путешествие по реке, не могло быть и речи: в течение нескольких дней шел непрерывный снегопад. Время было использовано для того, чтобы найти подходящий плоскодонный карбас и проводников. Первая задача была решена быстро и успешно. Путешественники получили в свое распоряжение небольшую лодку, на которой осенью 1910 года какой-то шведский этнограф спускался вниз по реке. Правда, карбас был уже сильно потрепан, но с помощью мешковины, бересты и вара удалось привести его в пригодное для плавания состояние. Значительно труднее оказалось найти проводников. Для этой цели Визе, имевший опыт путешествий по Кольскому Северу, решил пригласить женщин. «Как гребцы поморки стяжали себе большую славу, и в этом

отношении не только не уступают, но большей частью даже превосходят мужчин удивитель[92]ной выносливостью, в чем сознаются и сами поморы», – писал он. С его предложением согласились работницы лесопильного завода – Христина и Авдотья да кузоменский паренек Федор.

Односельчане не одобряли решения женщин.

– Куда вы, дуры, собрались-то? Да там, знаете ли, пороги-то какие. Один порог в двенадцать верст есть. А щелья побольше любой избы. Не видать вам больше села родного! – предупреждали поморок.

Самые невероятные слухи ходили по селу и о цели экспедиции. Объяснения Визе о том, что путешественники собираются вести съемку местности и изучать горные породы и растения, выслушивались с недоверием. Кто- то распространил даже версию о том, что приезжие будут разрывать могилы, чтобы «из черепов холеру добывать».

31 мая отряд тронулся в путь. На протяжении первых пяти верст русло Умбы было особенно порожистым. Поэтому карбас и все имущество отряда до Верхнего забора, где кончались пороги, отправили на санях по левому берегу реки. При отсутствии всякой дороги вдоль русла реки этот способ оказался наиболее надежным.[93]

Река Умба в среднем течении.
Со старинной гравюры

В южной части Медвежьего плеса – обширного проточного озера – путешественники сели в карбас и поднялись по спокойной воде около двадцати верст. Затем карбас вошел в протоки с низкими заболоченными берегами.

На третий день пути гребцы вышли в обширное озеро Канозеро. Мощные волны бились о лодку, осыпали ливнем крупных ледяных брызг. С трудом причалили к пологому берегу, в глубине которого виднелось приземистое строение.

Ночь в плохо сколоченной «байне» прошла под непрерывное завывание ветра. Только с рассветом буря начала стихать, а к полудню озеро успокоилось настолько, что Визе решился продолжить путешествие. По пути он составлял гидрологическую характеристику этого водоема, имеющего до 30 километров в длину и до 10 километров в ширину, отмечал характер грунтов на дне его, измерял глубины, описывал особенности берегов.

Миновав устье Муны, карбас направился в русло Умбы, где на плесе, отделяющем место ее впадения в озеро широкого Канозерского порога, стояло несколько крепких, недавно построенных изб. Оказалось, что хозяевами их были карелы, основавшие два десятка лет назад поселок Колвицу в вершине Колвицкой губы. Жители деревни занимались рыбной ловлей, охотой и промыслом жемчуга на Колвицком озере и по рекам его бассейна. В последнее время они ходили на промысел и на берега Умбы и ее притоков.

Здесь Визе познакомился с жемчужным промыслом. Муна, Умба, Варзуга были основными районами добычи жемчуга на Кольском Севере. Берега здесь буквально усеяны кучами разбитых раковин жемчугоносных перловок. Приходили сюда карелы и поморы в начале июля, когда реки мелеют. Вообще жемчуг, добываемый в реках Кольского полуострова, малоценен, но, несмотря на это, ловцы его зарабатывали за сезон 200–250, а при удаче и до 500 рублей. Продавали жемчуг в Кандалакше приезжавшим туда скупщикам.

Путешественников встретил карел могучего телосложения, рыжебородый и голубоглазый. Звали его Егором. На вопрос о том, много ли порогов ждет путешественников вверх по реке, он ответил:

– Мно-о-ка. Есть порато большие.[94]

– А когда обратно пойдем, можно на веслах спуститься?

– Мо-о-шно. Мы всекда на веслах. Только тонуть мошно.

Эти сведения повергли Визе и спутников в большое уныние.

Наутро, напившись чаю, группа во главе с Егором начала перетаскивать вещи по берегу, вдоль самой быстрины Канозерского порога. По-видимому, порог этот был самым грозным на Умбе. Опасен он не только своей стремительностью, но и тем, что образует у берегов необычайно большие буруны.

Несмотря на усталость, Визе и его спутники не могли не залюбоваться изумительным пейзажем: по левому берегу громоздились высокие гранитные скалы. Они отражались в воде, которая, благодаря многочисленным впадающим в реку горным потокам, отличалась необычайной голубизной.

Когда порог был пройден, внезапно повалил густой мокрый снег. Участники экспедиции, однако, решили не останавливаться и миновали еще несколько мелких порогов и перекатов. К ночи подошли к небольшой избе лесозавода. Пока топили печь и сушили вещи, выпал густой снег.

Проходя Долгий порог, Визе увидел изуродованный остов своего карбаса, зажатый между камнями порога. Во время предыдущего путешествия карбас, спускаемый на двух бичевах носом вперед, был отнесен быстрым течением на середину реки. От внезапного рывка все попадали на землю, не выпустив, однако, бичевы. Но она лопнула, карбас встал боком посреди порога, и его тотчас залило водой. Имущество сразу пошло ко дну, а часть его унесло потоком. Визе и его спутники остались на берегу без куска хлеба, без спичек, потеряв все научные материалы.

На этот раз опасное место удалось миновать благополучно, но каменистые мели – корги, занимавшие русло реки выше по течению,

преодолеть которые удалось только к четырем часам утра, вконец измотали путешественников. В жарко натопленной избушке, где был сделан очередной привал, всех разморило. Визе и его спутники мгновенно заснули.

Еще через два дня отряд достиг Нижнего Капустного озера. С окружающих варак виднелись южные склоны[95] Хибин. На северном берегу озера решили остановиться на сутки. Здесь было срублено несколько изб, одна из которых оказалась пекарней. Воспользовавшись теплой погодой, Визе весь день бродил по окрестным возвышенностям. «Как характерен лапландский сосновый бор! – записывает он. – Деревья довольно редки, и солнце пронизывает весь лес, покрывая светлый ягель причудливым узором теней. Но что особенно поражает – это мертвая тишина, которая царит весной в лесу, конечно в тихую безветренную погоду. В лесах средней и лесной полос России, как бы безветренно ни было, в лесу всегда можно уловить звуки. То птица где-нибудь пролетит с одной ветки на другую, то какая-нибудь букашка переползет с места на место, одним словом, всегда чувствуется дыхание жизни. Здесь же часто царит совершенное безмолвие; лежишь в лесу, дыхание остановишь и вслушиваешься: ни звука, молчит очарованный лес...»

10 июня, миновав мелкую протоку, карбас с путешественниками вышел в Среднее Капустное озеро. Эта протока оказалась удачной для рыбной ловли. В течение пяти минут Визе вытащил трех серебристых рыб.

На Верхнем Капустном озере Визе встретился с уже знакомым ему девяностолетним стариком-саамом Семеном Галкиным. При первой встрече тот отнесся к путешественнику с недоверием и боязнью, теперь же радушно принял его. Несмотря на преклонный возраст, Галкин каждое лето один отправлялся в привычные места. Питался он почти одной рыбой. «Резки» – пресные ржаные хлебцы, которые саамы пекут на раскаленных камнях костра, были редким лакомством, так как запас муки у старика был невелик. После традиционных вопросов: не слыхать ли войны и какой царь на Руси,

старик сообщил и местные новости. Зимой какая-то болезнь унесла в могилу многих саамов, а еще больше ижемцев.

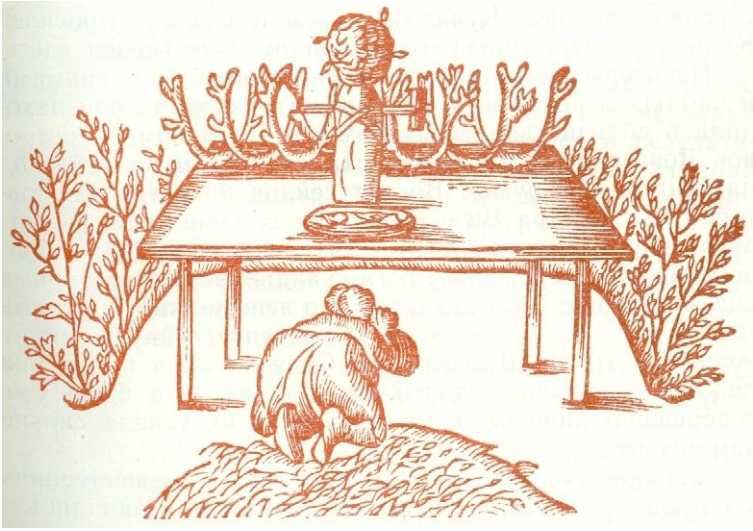
Впереди оставался самый крутой умбский порог – Падун. Реку здесь будто стиснули с обеих сторон скалы. Еще на подходах к порогу стала видна масса клокочущей воды, рев которой заглушал человеческие голоса. Карбас вытащили на правый берег и в течение часа волокли его по болотистой луговине. После перехода на берегу изогнувшегося плеса поставили палатку и остановились на продолжительный привал.

12 июня путешественникам открылась гладь Умбозера. От Зашейка, по совершенно спокойной воде, отряд[96] направился на север – к Ловозерскому погосту. В результате этой поездки было исследовано и описано русло Умбы – одной из крупнейших на Кольском полуострове рек. «Что касается карт района, по которому протекает Умба, – пишет путешественник, – то все они имеют очень мало общего с действительностью. Мы пользовались картой Генерального штаба; р. Умба показана на ней совершенно неправильно».

Обосновавшись в Ловозерском погосте, Визе совершил несколько лодочных маршрутов по Ловозеру, предпринял пешие походы по ущельям Луяврурта и Хибин. Его по-прежнему интересовали саамские божества – сейды. В Экостровском погосте и на Белогубской почтовой станции, расположенных на «тракте», Визе почти не встречал следов поклонения сейдам. Поселки эти издавна лежали на пути православных миссионеров, саамы давно обращены в христианство, и языческие верования среди них слабо распространены.

Здесь же, в глубине Лапландии, исследователю удалось собрать исключительно интересные материалы,[97] которые не потеряли своего значения для специалистов и сегодня. Исследователь побывал в одном из самых замечательных уголков края – на Сейдозере, которое располагалось к западу от Ловозера и соединялось с ним небольшой порожистой речкой. С трех сторон озеро окружено скалами, отражающимися в его чистой воде.

Склоны Луяврурта оказались настоящим саамским Олимпом, где Визе обнаружил целую группу каменных божеств.



Саамское капище.
Из книги И. Шефферуса «Лаппония». 1674 г.

Самым популярным из них был «Куйв» – «Старик», до недавнего времени находившийся в большом почете у саамов. Этот сейд стоит на северном берегу озера и хорошо виден с противоположного берега. Поверхность камня разбита сеткой трещин, образующих подобие человеческой фигуры. С сейдом оказалось связанным древнее предание, которое, с небольшими вариациями, сообщили ученому три жителя погоста – Кузьма Данилов, Семен Галкин и Филипп Сорванов. В их устах рассказ звучал так:

– Ходили шиши по лопарской земле, грабили и убивали. Поймали они один раз колдуна-лопаря Куйва. У лопаря того было два сына, которые и пошли с самострелами выручать отца. Подкрались они к шишам и видят начальника ихнего, а около него повара. Повар мешает кашу. Мешает ложкой и приговаривает: «Вот этак бы молоть мне лопские головы». Тут сыновья застрелили повара. Куйва же ранили в ногу. Бросился Куйв в озеро, выплыл около тундры и окаменел здесь.

Некоторые сейды Визе посетил вместе с саамами и наблюдал почтение и боязливость их, когда они находились вблизи священных камней. На одном из островов Ловозера, по рассказам саамов, находился сейд под названием

«Старуха». Вокруг ссйдов на островах Ловозера и Умбозера Визе видел груды оленьих рогов ветвями вверх. Ученый отметил, что «именно таким образом клались жертвенные рога скандинавскими лопарями еще в середине XVII века, как это ясно можно усмотреть из картины, изображающей поклонение сейду и приложенной к труду Шефферуса... Судя по виду рогов, они лежали здесь очень долго, так как все они были уже совершенно лишены оссеина и часть их успела сильно замшиться».

Большое количество сейдов отметил путешественник в бассейне Умбозера. Особенно почитался «Мяндаш-камень» вблизи вершины Коашвы. Отправляясь на охоту,[98] саамы обязательно приносили ему в качестве жертв пули. За многие годы у основания сейда их скопилось довольно большое количество.

Происхождение большинства сейдов местные жители объясняли тем, что на этих местах окаменевали нойды – шаманы и колдуны, испуганные во время камлания внезапными криками.

Исследования сейдов В. Ю. Визе заполнили определенный пробел в этнографии Кольского Севера. До Визе путешественники не уделяли сейдам большого внимания и не связывали с ними представления о традиционных обрядах. Так, известный исследователь населения Русской Лапландии Н. Н. Харузин в своем обширном труде «Русские лопари», опубликованном в 1890 году, писал, что он не обнаружил «ничего, что могло бы подтвердить факт существования среди современных лопарей почитания сейдов».

Полемизируя с ним, В. Ю. Визе говорил, что «это объясняется тем, что ученый не был в глухих местах Лапландии, ограничившись только легко доступными местами, и за время своего короткого пребывания в этой области не мог тесно сблизиться с лопарями и войти в их доверие».

Двухлетние путешествия в мало изученных районах внутренней части Кольского полуострова давали молодому ученому право заявить об этом.

В течение всей экспедиции 1911 года Визе проводил на Кольском полуострове гидрологические наблюдения. Позднее он обработал данные о

вскрытии и замерзании озер полуострова, для чего воспользовался и результатами наблюдений местных метеорологических станций в устьях Колы, Туломы, Поноя, Сосновки и Малой Белой. Выяснилось, что наиболее продолжительный период – 172 дня, – когда вода свободна ото льда, характерен для многоводной, отличающейся сильным течением Туломы. Для Колы, менее многоводной, этот период длился 157 дней.

Было установлено также, что Имандра – самое большое озеро края – вскрывается ото льда на две недели позже впадающих в него рек.

Материалы, собранные и опубликованные В. Ю. Визе, были в числе первых сведений по гидрометеорологической характеристике нашего края. Ученый призывал расширять наши представления о природе Кольского[99] Севера, привлечь к участию в наблюдениях все грамотное население края. «В этой небольшой отрасли родиноведения, – писал он, – с особой ясностью выступает необходимость децентрализации исследования страны, необходимость, чтобы сами граждане проявили бы инициативу в деле изучения родного края и способствовали бы накоплению богатств научной сокровищницы. Большие глыбы, редкие камни и маленькие песчинки одинаково нужны для воздвижения храма науки, и участие в его постройке является обязанностью не только ученого, но и всякого сознательного гражданина».[100]

Маршруты следопыта

Г. М. Крепс по воспоминаниям М. Н. Михайлова.
Зимняя поездка по восточной Лапландии в 1923 году.
Плавание на «Песце».
Катастрофа у мыса Городецкого.
Работы Имандровской экспедиции.
Путешествие в Монче-тундру зимой 1929 года.
Г. М. – создатель Лапландского заповедника.
С Эйхфельдом – в Хибины.

Начинающаяся за шлагбаумом песчаная полоса дороги полого вьется среди бесконечного массива не потревоженного человеком густого хвойного леса. Затем она выводит к группе свежесрубленных и старых, уже потемневших, домов центральной усадьбы Лапландского заповедника, к берегу занимающего обширную котловину горного озера.

Здесь, на самом его берегу, на ярком фоне зелени леса и синевы воды, высится плита массивного черного обелиска. На полированной поверхности камня надпись:

ГЕРМАН МИХАЙЛОВИЧ КРЕПС

Кем же был этот человек, чье имя, спустя многие десятилетия, вновь возвращается людям, а заслуженное признание и слава, обходившие его при жизни, становятся с каждым днем все ярче?[101]

Написано о Крепсе очень мало, сведения о жизни его обрывочны и скудны, и создание его научной биографии, как и полная оценка его многогранной деятельности, – дело будущего.

Агроном по образованию, в 1920 году Герман Крене назначается сотрудником возобновившей свою работу в Кольском заливе Мурманской биологической станции.

Портрет Крепса дошел до нас в неопубликованных воспоминаниях первого директора Мурманского краеведческого музея Михаила Николаевича Михайлова, занимавшего в те годы скромную должность драгировщика станции. По его словам, «Герман Михайлович был среднего роста, широкоплечий, плотный, но легкий в движениях. Был он без шапки на круглой голове, с короткими черными слегка вьющимися волосами. Лицо красивое чернобровое, с темными блестящими глазами; нос тонкий, с горбинкой – хорошей формы. Овал лица несколько продолговатый; короткие темные усы и волнистая черная борода оттеняли густой здоровый загар лица. Одет он был в черную сатиновую рубаху, с расстегнутым воротом, заправленную в шаровары, а те в сапоги. На поясном ремне сбоку у него в ножнах висел нож и еще что-то, за плечом в футляре ружье, в руках он держал рюкзак... сбоку к его ногам жалась на поводке маленькая собака-лайка».

Герман Михайлович Крепс (1896-1943 гг.)

В лабораториях биологической станции Крепс бывал не часто. Лабораторией натуралиста стал весь Кольский полуостров, его ландшафты, растительность, животный мир.

Скоро Крепс вместе с женой поселяется на берегу озера Имандра, в просторной рубленой избе сельскохозяйственного пункта. Здесь, на опытном поле близ станции Хибины, он начал эксперименты по акклиматизации в условиях Заполярья сельскохозяйственных[102] культур, блестяще продолженные И. Г. Эйхфельдом и М. М. Хренниковой.

Летом Крепс прерывает опыты экспедициями и дальними поездками. Особенно частые путешествия Герман Михайлович совершает по прибрежным районам полуострова. В плаваниях по Кольскому заливу, при посещениях становищ Мурманского берега он нередко сопровождает своего брата – Евгения Михайловича Крепса, уездного врача, который вскоре

целиком отдался научной работе и стал впоследствии выдающимся гидробиологом и физиологом, возглавлял Физиологический институт Академии наук.

Постоянной мечтой Г. М. Крепса было изучение самых отдаленных и малодоступных уголков края. Такая возможность представилась ему в марте 1923 года. Во время проведения переписи населения Мурманский губисполком поручил ему поездку в отдаленные саамские погосты на востоке губернии. Поездка эта состоялась зимой, в начале марта. Четыре оленьих упряжки направились из Пулозера в сторону Ловозерского погоста. Вот как описывает Герман Михайлович начало этого путешествия. «Как зачарованный стоит безмолвный лес, обряженный снегам; светло как днем; лесистые увалы сменяют открытые болота, окруженные зубчатой стеной стройных, как свечи, полярных елей. Через каждые 10– 15 верст минутная остановка–дать вздохнуть оленям – потом дальше и дальше... Мороз крепчает, луна обходит свой круг по небу, теперь она сзади и справа; еще чеканнее, еще прекраснее лес, а с южной стороны местами над стеною леса начинают показываться белые вершины гор – это отроги Хибин, которые дальше к востоку переходят в горы Ловозерской тундры.

Отдельные грани гор, покрытые снегом, обледенелым и отшлифованным ветрами, светятся таким холодным блеском на темном небе, лесистые подножия их сливаются с темнотою ночи и дальнего леса, целина снега изредка нарушается лишь четкими, убегающими вдаль следами куропаток».

В научных заметках, сделанных Г. М. Крепсом по пути из Пулозера, он рассказывает о смене древесной растительности, изменениях полноты насаждений, облике древесных пород по мере продвижения на восток.

Натуралиста привлекает интереснейшая проблема наступления тундры на лесную зону, которая в прошлом,[103] при более благоприятной климатической обстановке, распространялась гораздо севернее. К юго-востоку от Лявозера он отмечает лишенные коры и ветвей отмершие

высохшие стволы вековых сосен, поднимающиеся среди низкорослого березняка «как памятники какого-то другого прошлого». Такого же рода реликты он находит недалеко от зимнего Иокангского погоста. В гуще березняка уединенно стоят несколько огромных сосен: «Им очень много лет, вероятно, несколько сотен, и лопские старики не помнят, чтобы их было больше».

С горечью замечает Крепс, что сокращению площадей соснового леса, «этому безрадостному явлению как нельзя более способствует и поселяющийся на Севере человек, хищнически истребляющий рубкой и пожарами леса, которые здесь так трудно и медленно возобновляются». Г. М. Крепс активно выступает за разумное, бережное использование природных богатств Севера, утверждает необходимость охраны не только лесов, но и их обитателей и, в первую очередь, наиболее крупных: диких оленей и лосей. С возмущением Крепс пишет о том, что «несмотря на существующее для всей Европейской России запрещение охоты на лосей, она по Лапландии производится совершенно свободно, причем бьют и самок и телят и даже Ловозерский кооператив принимает лосиные туши. В связи с сильной убылью лосей, следовало бы более действенно ограничить эту охоту».

Значительное место в записках Г. М. Крепса отведено описанию хозяйственного уклада коренных обитателей востока Русской Лапландии – саамов, коми (ижемцев) и ненцев. Сведения о саамских погостах, сообщенные Крепсом, воссоздают картину заселения восточных районов нашей области в начале двадцатых годов и не теряют своего значения в наши дни.

В селе Ловозере ученый отмечает «прекрасные, большие, хорошей стройки, иногда двухэтажные дома в несколько горниц, часто крашеные полы, прочие основательные службы и бани. Все указывает на зажиточность и деловитость ловозерских обитателей». К этому времени в селе были замшевый завод, школа, фельдшерский пункт, проходили занятия всеобуча.

Во время поездки, кроме Ловозера, Крепс побывал в Лявозерском, Семиостровском, Каменском, Куроптевском, Зимнем Иокангском и Лумбовоком погостах.[104]

Записки Г. М. Крепса явились одним из источников, из которых мы узнаем о селе Ивановке (Чальмны-Варрэ) в среднем течении Поноя, существующего сегодня в качестве летнего поселения оленеводов Краснощелья. В 1916 году четыре брата Артиевых, исколесив полуостров в поисках свободных угодий, поставили здесь чум. А спустя семь лет поднялись высокие и светлые дома, скотные дворы, кузница, слесарная мастерская. Свое название Ивановка получила по имени отца братьев Ивана Григорьевича Артиева и старшего из братьев Ивана – «главного нашего строителя», как называли его в поселке. В доме А. И. Артиева устроили школу, куда в качестве учителя был приглашен один из жителей Кузомени. Привезли учебники, а тетрадями служили оструганные и разлинованные сосновые дощечки.

Крепс дает глубокий анализ экономического положения населения, смело отмечает в печати ошибки и просчеты, допущенные государственными органами при осуществлении продразверстки и проведении налоговой политики.

Весной 1924 года Г. М. Крепс предпринимает путешествие в район зверобойного промысла в Горло Белого моря. Принадлежавшее некогда французской полярной экспедиции парусно-моторное судно «Жан Картье», переименованное в «Песец» и переоборудованное для промысла, вышло из устья Кольского залива и взяло курс на восток. Нос корабля то и дело нырял в волны. На палубу один за другим обрушивались снежные заряды. Очертания берега, находившегося всего в нескольких милях, исчезли в белой пелене.

Во второй половине дня, на меридиане устья реки Вороньей, «Песец» достиг кромки льдов. По краю ледяного поля поверхность моря была покрыта некрупными, величиной с тарелку, чешуями льда. Дальше от края

лед закрывал воду почти сплошь, переходя в белое поле, непроходимое для зверобойных судов. С палубы «Песца» Крепс наблюдал, как несколько норвежских зверобойных шхун в течение суток ожидали изменения ветра и появления разводий. Потянувший скоро юго-восточный ветер нарушил сплошной покров, и судно вошло в лед. Начался промысел. Оставив корабль, вместе с зверобоями Герман Михайлович участвовал в охоте, а потом собирал туши убитых зверей.[105]

21 апреля подул сильный северо-западный ветер. Пройдя Городецкий маяк, «Песец» встретил крупные льдины. А через двое суток, когда ветер достиг 9 баллов, льды накрепко сжали судно. «Нажимы льда чаще следуют один за другим, треск и скрежет от продирающихся вдоль обшивки льдин все чаще и сильнее сотрясают судно, оно дергается как в судороге. Давление не прекращается ни на минуту, и периоды спокойного сжатия чередуются с периодами перестройки льдин, когда опять наступает скрежет и дрожание судна», – записывает Крепс.

Из рулевой рубки Герман Михайлович видит находящихся неподалеку пять норвежских зверобойных шхун. В короткие перерывы между зарядами метели путешественник становится свидетелем трагического зрелища: одна из шхун сначала сильно кренится, а затем начинает медленно погружаться носом вперед. Через некоторое время только конец мачты виден среди льдин. Команда шхуны сошла на лед и с котомками в руках двинулась к соседнему судну. В течение суток крушение терпят еще две норвежские шхуны.

К утру 25 апреля ветер усилился и скоро перешел в шторм. Оставшиеся зверобойные суда были прижаты к берегу. Толчки и сотрясения становились все чаще. «Песец» заметно кренился на левый борт. Около восьми часов вечера под очередным напором льдов судно с треском и скрежетом перевалилось на правый борт, а затем внезапным толчком оказалось выброшенным на поверхность ледяного поля. Хотя корпус «Песца» и выдержал давление льдин, в его кормовой части возникла сильная пробоина. Лед сорвал почти весь киль, и через трещину в обшивке образовалась течь.

Спустя пять суток к месту катастрофы подошел ледокол «Сибиряков», вызванный по радио с Городецкого маяка. Однако мощные льды не позволили ему приблизиться к «Песцу» ближе чем на милю, и команда шхуны с помощью артели архангельских зверобоев, оказавшихся здесь же, перетащила с «Песца» на ледокол наиболее необходимое и ценное имущество. «Песец» с четырьмя спущенными на лед фанцботами оставили в том положении, в какое он был приведен напором льда.

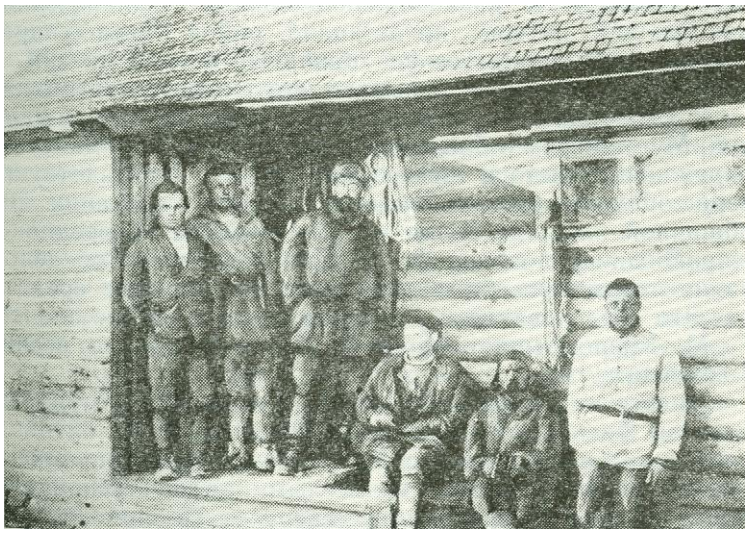
По материалам плавания Крепс написал статью «О состоянии льда в горле Белого моря весной 1924 года».[106]

Спустя несколько месяцев Мурманская биологическая станция начала работы по исследованию озера Имандра. Осенью на озеро была снаряжена небольшая партия в составе Г. М. Крепса, Ф. Е. Белова, Ф. В. Крогиус и М. Н. Михайлова для гидробиологического изучения и исследования берегов губы Белой. Они произвели съемку акватории, выполнили несколько серий гидрологических наблюдений в губе и в открытой части озера и собрали некоторый ихтиологический и рыбопромысловый материал по имандровскому сигу.

В 1925 году работы на Имандре продолжались под руководством Г. Д. Рихтера. В 1926 году с участием Г. М. Крепса был опубликован «Предварительный отчет о работах Имандровской экспедиции», который заслуженно причисляется к классике отечественного озероведения.

Будучи постоянным свидетелем того, какой глубокий урон природе Севера приносит хозяйственная деятельность человека, предвидя возрастающий размах этой деятельности, а вместе с тем и ее необратимые последствия, Герман Михайлович приходит к мысли о необхо[107]димости самых решительных мер в защиту животного и растительного мира Лапландии. По мнению ученого, «единственной действительной мерой» в этом отношении «является организация заповедника на Кольском полуострове. Сохранение первозданных лесных сообществ и нетронутых

домашними стадами ягельников (лесных, паркового редколесья и горно-тундровых) должно войти в план организации заповедника...



Сотрудники Лапландского заповедника, 1933 г.
Слева направо: А. Сергин, А. Васильев, Г. М. Крепс,
Л. Кокорин, Ф. К. Архипов, О. И. Семенов-Тян-Шанский

Сохранением и распространением указанных животных и сохранением требующих охраны растительных сообществ не ограничивается, конечно, значение заповедника, он должен стать базой научной работы, базой по изучению тех биоценозов, тех географических ландшафтов в самом широком смысле слова, какие представляет собой природа Лапландии».

Но где быть будущему заповеднику? Какая часть Кольского полуострова может рассматриваться как наиболее показательная в отношении существующих ландшафтов? Об этом Г. М. Крепс писал: «Требование в одной меже сосредоточить наибольшее разнообразие обеих (таежной и тундровой) зон Кольского полуострова сразу же указало на западную, наиболее гористую его часть, в которой горно-тундровые ландшафты вместе с основной массой всхолмленных лесов были лучше всего представлены. Из этой части полуострова, по своей насыщенности и разнообразию животного населения, наибольший интерес представлял район Чуна-тундры и лежащий к западу от нее обширный лесной массив – Чунский суземок, как называют его местные охотники».

В 1928 году по инициативе Г. М. Крепса, поддержанной Мурманским обществом краеведения, Мурманский окружной Совет и земельный отдел ходатайствуют перед Ленинградским облисполкомом о создании на обширной площади Чуна- и Монче-тундры заповедника широкого научного профиля. Для первичного обследования территории были выделены специальные средства. Это обследование и учет зимующих в районе оленей Г. М. Крепс решает провести в самом начале весны 1929 года.

Вместе с проводником, блестящим знатоком тундры, саамом Федором Калиновичем Архиповым на оленьих упряжках они отправляются в путь, который по плечу только очень опытным и смелым путешественникам Многодневное путешествие к северу от Полярного кру[108]га – дело трудное и опасное. А путешествие в совершенно неисследованной горной стране и притом без карты – труднее и опаснее во много раз.

Архипов на тройке оленей ехал впереди, к его саням была привязана парная оленья упряжка с грузом. За задними санями бежал «тормозной» олень, который должен был сдерживать сани на крутых спусках. За Архиповым, на такой же тройке с тормозным оленем, двигался Крепс. Был апрель, но в горной тундре даже слабые признаки весны не ощущались. Райда двигалась Сопчерлагом – волнистой равниной, окруженной с востока и юга массивом Мончи. Местность на пути была совершенно безлесная, лишь далеко внизу на фоне снега резко выделялись тонкие стволы берез. Перевалив через Ниттисанг, путешественники взяли курс на север – вдоль восточных склонов Монче-тундры. С наступлением сумерек Архипов и Крепс направили упряжки вниз, в зону хвойного леса, где расположились на ночлег, поставив куваксу в редком сосновом бору на берегу небольшого озерка.

К полудню второго дня райда достигла Енлага, обширной впадины, ограниченной с севера хребтом Кеперуайвенч, с юга – хребтом Пуврьньючорр, а с запада – лагом Реутчокки и широким ущельем Кымдыкор.

Погода начала портиться: ветер становился все сильнее, над вершинами спиралью поднимался снег. Шелестела сухая поземка.

Крепс принял решение перевалить хребет, чтобы попасть в самую северную часть Монче-тундры – Лучлаг у западного склона хребта. Внезапно упряжка Архипова остановилась. Путь пересекали свежие следы оленьего стада. По-видимому, звери прошли здесь всего несколько часов назад, и нужно было соблюдать полную осторожность, чтобы не спугнуть стадо.

Зоологический музей Академии наук поручил Крепсу – прекрасному охотнику – добыть пару диких северных оленей, поэтому встреча оказалась как нельзя кстати. Воспользовавшись благоприятным направлением ветра, взяв винтовки, Крепс и Архипов двинулись в кустарник. Прячась за деревьями и камнями, иногда передвигаясь ползком, охотники в нескольких сотнях метров увидели трех животных. Это были важенка и два молодых самца. По-видимому, стадо находилось поблизости. Держась под ветром, удалось подойти метров на сто.[109]

Отсюда стало видно уже около десятка оленей. Через некоторое время молодые олени отошли в сторону. Встала и важенка, повернувшись к охотникам боком. Ударил выстрел. И тотчас все стадо понеслось по пологому склону. Среди кустов мелькали стройные животные, скачками перепрыгивая березы в рост человека. Только когда олени удалились километра на полтора и перешли с карьера на рысь, Крепс смог пересчитать их. В стаде оказалось 26 оленей: 18 важенок, 2 хирваса, 4 теленка и 2 прибившихся домашних быка.

Убитую важенку на санях довезли до леса, где была разбита кувакса. С туши сняли шкуру и выпотрошили, очистив скелет.

Ночью похолодало. Наутро снова поднялись на перевал. Воздух был чист и прозрачен. С вершины хребта открывался вид на лесные массивы в бассейнах Чуны и Нявки, на заснеженную Нявка-тундру, на лежащую за невидимым перевалом Волчью тундру. Путешественники обогнули

глубокую долину Чинглс-кор и обследовали плоский хребет Коттичорр и юго-восточный отрог Мончи – Лойпиш-нюн.

24 апреля поставили-куваксу под Енлагом. Стоял теплый весенний день. Распряженные олени щипали сырой ягель, легко добывая его из-под рыхлого подтаявшего снега. Но к вечеру погода стала ухудшаться. Пошел снег, начался ветер, перешедший ночью в бурю.

На утро следующего дня, несмотря на частые снежные заряды и шквальный ветер, Крепс и Архипов решили тронуться в путь. Когда упряжки подымались к перевалу Вуиймнютаук, ветер достиг страшной, силы. Видимость не превышала нескольких метров. Огибая Чинглскор, упряжки сделали большой круг и спустились в урочище Коазлаг. Вокруг бушевали снежные вихри, и оставалось только поражаться тому, каким образом Федор Архипов удерживает нужное направление – совсем рядом слева обрывались скалы Кымды- порра, а справа лежали каменные россыпи Чинглскора.

Наконец, преодолев перевал, упряжки стремительно понеслись вниз по крутому, почти отвесному склону. Вот как описывает Г. М. Крепс это в своем дневнике: «Огромные обломки и целые утесы вдруг как будто выскакивали на нас из метели, олени и мы вдруг проваливались в рыхлую и глубокую массу нанесенного снега;[110] скорость нашего падения, – иначе трудно назвать этот спуск, – на секунду уменьшалась, потом мы опять выскакивали на малоснежье и обледенелые части склона и стремглав неслись вниз.

Олени, на которых то и дело налетали груженные сани, старались развить наивысшую скорость, а несчастный тормозной бык, коротко привязанный сзади и изо всех сил упиравшийся всеми четырьмя ногами, то ехал на заду, то падал на бок и снова вскакивал...

Сани падали и перевертывались, олени, перескакивая через тяглые ремни, сплетались в клубок, приходилось, завернув сани и поставив их поперек склона, распутывать их и нестись дальше».

Лишь когда упряжки достигли более пологой части склона, метель несколько ослабла. Найдя подходящее место для стоянки, Крепс и Архипов

разбили куваксу и устроились на ночлег. Непогода бушевала весь следующий день, и Крепс, растянувшись поверх малицы у уютного огня, слушал долгие рассказы Федора о его скитаниях по тундре.

Основываясь на материалах, представленных окружным Советом, и результатах предварительного обследования территории Чуна- и Монче-тундры, Ленинградский облисполком принял 17 января 1930 года постановление об организации Лапландского заповедника. Заведующим заповедником был назначен Г. М. Крепс.

Организатор первой сельскохозяйственной станции за Полярным кругом, создатель первого заполярного заповедника – и этого с избытком хватило бы на две замечательные биографии, на две жизни. Но в деятельности Германа Крепса слово «первый» встречается еще раз: при его участии с Хибин была доставлена первая проба апатитовой руды...

Об этом путешествии рассказывает в своих воспоминаниях академик Иоган Гансович Эйхфельд. После того как летом 1926 года А. Н. Лабунцов открыл в Хибинах крупные коренные залежи апатита, на новое месторождение направилась комиссия во главе с профессором П. А. Борисовым. После завершения ее работы И. Г. Эйхфельд решил вывезти на оленях на Хибинскую опытную станцию тонну породы и провести опыты по непосредственному применению апатито-нефелиновой породы в качестве удобрения. Герман Михайлович Крепс первым откликнулся на предложение Эйхфельда[111] принять участие в зимней экспедиции в горы. С ними пошли сотрудник П. А. Борисова, горный техник П. Ф. Семеров и проводник Куимов.

Погрузив палатку, шинели, железную печку, кувалды, лопаты и топоры на райду из трех оленьих упряжек, на рассвете 31 октября отправились со станции Хибины. Райда выехала на свежий лед Имандры, но, лишенный снежного покрова, он был настолько гладким и скользким, что олени начали падать, поддевая друг друга рогами и калеча ноги. Куимов вывел райду па берег и повел ее по редкому горелому лесу. Против Тимохина острова снова

спустились на лед. После того как берег Имандры остался позади, движение каравана снова замедлилось. Приходилось то и дело соскакивать с саней, чтобы облегчить движение оленей среди поваленных обгорелых стволов и валунов. Казалось, горелому лесу не будет конца. Животные выбились из сил. На середине очередной речки олени внезапно провалились в воду, сани налетели на них. Но, к счастью, олени быстро выпрыгнули на лед.

К вечеру сделали остановку на берегу небольшого озерка у западных склонов Айкуайвенчорра. Поставили палатку, запалили костер из стволов. Наскоро попив чаю, завалились на еловый лапник и уснули.

Крепс проснулся первым. Изо рта шел пар – в палатке был мороз. Выбравшись наружу, Герман Михайлович с трудом различил в темноте силуэты животных, выбивавших копытами из-под снега смерзшийся ягель. Спустя час райда опять двинулась в путь по долине, расположенной между гор, прямо на север. На подходах к Большому Вудъявру упряжку выгнали на высокие моренные холмы. Приходилось помогать оленям, перетаскивать сани через бесчисленные ямы и воронки. На Вудъявре, как и на Имандре, снега еще не было, и сани двигались по смерзшейся шуге вдоль самого берега.

Поднявшись по долине Юкспорйока до западного отрога Расвумчорра, путешественники перебрались на противоположный берег реки и к полудню раскинули лагерь вблизи отвесных склонов горы. После ночевки в жарко натопленной палатке начали подъем на Расвумчорр, к Апатитовому цирку. Скоро участки, усеянные каменными глыбами, стали все чаще прерываться сту-пенями отвесных скал. В половине одиннадцатого утра достигли поверхности плато, и скоро Крепс остановился[112] у сверкавшего изморозью заявочного столба Мурманской железной дороги и Института по изучению Севера, поставленного А. Н. Лабунцовым летом 1926 года.

Невдалеке на краю обрыва отыскали выходы апатитовой породы. Нагрузив апатитом рюкзаки, по хрупкому насту начали спуск к лагерю. На следующий день – снова подъем на Расвумчорр. В осыпях на его склонах

нашли множество глыб апатита. В рюкзаках по 25–30 килограммов руду перетаскивали вниз, грузили на сани. За целый день удалось вынести в лагерь около тонны. Изнурительная работа продолжалась и на следующий день. 5 ноября груженая райда тронулась в обратный путь. Чувствовалось приближение непогоды: с гор ползли клубы тумана. К двум часам ночи в его пелене показались огни разъезда Белого.

...Свет низкой настольной лампы оставляет в темноте углы просторного кабинета. Из сумрака выступают бесчисленные ряды книг. Над письменным столом – редкая фотография Руала Амундсена. За окнами в листве кленов шумит осенний ленинградский дождь.

Евгений Михайлович Крепс задумчиво прислушивается – то ли к шуму дождя, то ли к голосу собственной памяти. Затем говорит мне:

– Герман был бескорыстным человеком. После его смерти ничего не осталось, только охотничье ружье. Он никогда не искал ничего материального, осязаемого, даже славы.

А я гляжу на портрет «ад столом и вспоминаю строки поэта о славе:

Она не стоит одного ночлега
Под спальным, шерстью пахнущим, мешком,
Одной щепотки тающего снега,
Одной затяжки крепким табаком...[113]

Хибинское племя

А. Е. Ферсман в Хибинах.
Начало работ Северной научно-промысловой экспедиции
и Академии наук
в центральной части Кольского полуострова.
Маршруты в Хибинах и Ловозсрских тундрах.
Расшифровка саамских географических названий.
Научные результаты экспедиций.
Уточнение орографии Хибин.

Далекая весна 1920 года. По едва скрепленному зыбкому полотну Мурманской железной дороги – «мурманки» паровоз с трудом тащит небольшой состав. Частые остановки у разрушенных станционных зданий или просто в лесу. Пассажиры выходят из вагонов с топорами и пилами, заготовляют очередную порцию топлива для малосильного локомотива. На подъемах состав снова останавливается, не в силах преодолеть крутизну. Вагоны расцепляют, половину состава локомотив тянет до ближайшего разъезда, затем возвращается за оставшимися вагонами.

В купе единственного классного вагона четверо: академики А. П. Карпинский, А. Е. Ферсман, Ю. М. Шокальский и геолог А. П. Герасимов – члены комиссии, направленной Советом Труда и Обороны на далекий Мурман. Они едут знакомиться с естественными производительными силами края.[114]

Из-за неисправности паровоза состав останавливается на станции Хибины. А. Е. Ферсман, не теряя времени, отправился к ближайшему западному отрогу горного массива.

В расселинах скал среди сильно выветрелых с поверхности нефелиновых сиенитов он находит жилы с редчайшими щелочными минералами, которых не встречал раньше в других районах России.

Торопливые удары геологического молотка. На дневной свет появляются новые и новые редкие кристаллы. Крайне заинтересованный этими находками молодой директор Минералогического музея Академии наук решает в этом же году вернуться в Хибины.

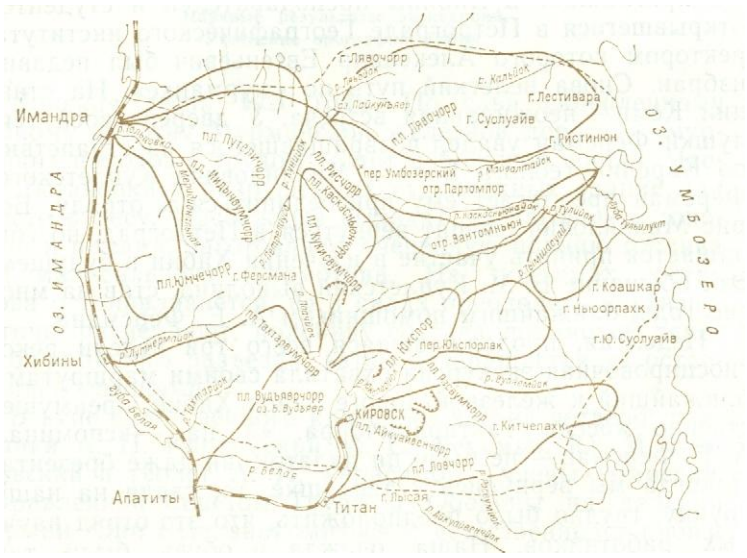
А.Е. Ферсман на станции Имандра. 1923 г.

Охваченный азартом поиска А. Е. Ферсман осенью 1920 года организует первую Хибинскую экспедицию. Он приглашает в Хибины преподавателей и студентов открывшегося в Петрограде Географического института, ректором которого Александр Евгеньевич был недавно избран. Снова нелегкий путь по «мурманке». На станции Кемь – неожиданная встреча. У дверей своей теплушки Ферсман увидел возвращавшегося из странствий по Карелии геолога Бориса Михайловича Куплетского. Ферсман предлагает ему присоединиться к отряду. Борис Михайлович спешит вернуться в Петроград, но соглашается принять участие в изучении Хибин в будущем. Это обещание Б. М. Куплетский выполнил, став на многие годы ближайшим помощником А. Е. Ферсмана.

Недолгая, продолжавшаяся всего три недели рекогносцировочная экскурсия охватила своими маршрутами ближайший к железной дороге район Хибин, преимущественно массив Тахтарвумчорра. «У нас, – вспоминал А. Е. Ферсман, – не было ни палаток, ни даже брезента. И когда мы вернулись к теплушке, то, глядя на нашу группу, трудно было предположить, что это отряд научных работников. Наша одежда и обувь были так[115] изодраны, что наш внешний вид напоминал хорошо знакомую всем картину отступления армии Наполеона из Москвы».

Маршруты отрядов проходили по тем местам, где три десятилетия назад путешествовал знаменитый Рамзай. На первых порах Ферсман и его спутники пользовались картой Хибин, составленной финской экспедицией. Во многих географических названиях Хибинского массива они увековечили

память финских исследователей. Название ущелья, ведущего из долины Тахтарвум в долину Поачвум, которое показано на карте Рамзая – Эдгрена как Паспьелькагорр, в памяти местных жителей не сохранилось. Поэтому 1 сентября 1920 года это ущелье А. Е. Ферсман назвал ущельем Рамзая. В описании маршрутов экспедиции сказано: «1 сентября отсюда (из долины Тахтарвум. – Б. К.) была предпринята однодневная экскурсия в ущелье Рамзая». О том, что именно в этот день ущелье Рамзая получило свое имя, позднее сообщил известному исследователю географической номенклатуры Хибин И. К. Тихомирову спутник Ферсмана А. Н. Лабунцов. Горная вершина на юго-за[116]падном отроге горы Юмчечорр, обращенная своими склонами к низовьям долины речки Малая Белая, с которой начались маршруты А. Е. Ферсмана в этой части Хибинских тундр, получила название горы Чильмана.



Маршруты первых экспедиций А. Е. Ферсмана в Хибинах

Осенью участники почвенного отряда профессора Н. И. Прохорова – студенты Географического института В. Г. Клейнберг и М. М. Карбасников поднялись по юго-западным склонам Тахтарвумчорра и вышли к ущелью, отделяющему вершину массива от вершины соседнего массива Видчавчорр. Это ущелье получило имя ущелья Географов.

Исследования, выполненные осенью 1920 года, подтвердили исключительный интерес Хибинских тундр для науки. Спустя несколько лет,

оценивая результаты исследований в этом районе, А. Е. Ферсман запишет: «В серой однообразной природе, среди скал с серыми лишаями и мхами – целая пестрая гамма редчайших минералов: кроваво-красные или вишневые эвдиалиты, как золото сверкающие блестки астрофиллита, ярко-зеленые эгирины, фиолетовые плавиковые шпаты, темнокрасные, как запекшаяся кровь, нептуниты, золотистые сфены... и не перечесть той пестрой картины красок, которою одарила природа этот серый уголок земли».

Но это – в будущем, а сейчас А. Е. Ферсман организовывал новую экспедицию, которая стала началом систематического изучения Хибин, программа ее охватила многие годы. «Счастье быть первыми хибинцами выпало на долю Б. М. Куплетского, А. Н. Лабунцова, Э. М. Бонштедт, Е. Е. Костылевой, Н. Н. Гутковой. Дружная семья хибинцев, душой которой был Александр Евгеньевич, позднее приняла и нас, представителей более молодого поколения», – писала известный советский минералог О. А. Воробьева.

«В отличие от современных условий работы геологов, – вспоминает участница этой экспедиции Эльза Максимовна Бонштедт-Куплетская, – в те годы мы не знали оплаты командировочных и суточных, продовольственное снабжение было мизерным. Снаряжение практически отсутствовало, и брали с собой кто что мог из дома, делясь с товарищами теплыми вещами, одеялами и т. п. Александр Евгеньевич вкладывал в экспедиции свои личные средства, так как ассигнования на них были весьма незначительными, а снаряжение недостаточным и плохо приспособленным».[117]

Летом 1921 года экспедиция А. Е. Ферсмана приступила к исследованиям. От станции Имандра в горы уходили отряды геологов. Наравне со всеми шел в дальние маршруты и А. Е. Ферсман. «Внешний облик его в этих первых хибинских экспедициях был весьма колоритен: старая, видавшая виды, бывшая генеральская отцовская кожаная куртка на красной подкладке – обычно нараспашку, фотоаппарат, барометр-анероид, на поясе помятый чайник, в одной руке геологический молоток, в другой –

самодельная большая палка, а на шее бинокль и на шнурках свисток и лупа, с которой он не разлучался и в городе», – писала Эльза Максимовна.

Ферсман решил проникнуть в самое сердце Хибин, начать исследования Кукисвумчорра – огромной горы с выровненной вершинной поверхностью, в центре горного массива. Долго изучал он в бинокль подступы к обрамленной отвесными обрывами вершине, отыскивая возможные подходы. Наконец, в южной части горы заметил замыкавшийся утесом участок относительно пологого склона, который казался пригодным для подъема.[118]

Участники первых экспедиций А. Е. Ферсмана. Слева направо сидят: В. А. Унковская, В. И. Крыжановский, Г. С. Тишсковский, Б. М. Куплетский; стоят: Е. А. Елизаровский, Э. М. Бонштедг, А. Е. Ферсман, Н. И. Гуткова, Е. Е. Костылева, Е. П. Кесслер, А. В. Терентьев, З. А. Лебедева

По оленьей тропе небольшой отряд двинулся вдоль берега Вудъявра. На противоположном берегу озера, у каменистого подножия Поачвумчорра, сделали короткий привал. Впервые попавшие в Хибины геологи с любопытством смотрели на примостившуюся здесь лопарскую вежу. А вокруг – суровые горные склоны да протянувшаяся в северном направлении мрачная и пустынная долина.

«Мне хотелось бы назвать ее долиной смерти, но лопари совершенно справедливо назвали ее Кукисвум – «Длинная долина», прекрасно используя ее для того, чтобы летом и осенью гонять по ней стада оленей и протаскивать

по мху сани с лодками и рыболовньгм снаряжением», – читаем мы в записях начальника экспедиции.

Отряд продолжает путь по равнине, прорезанной ложем невидимых, текущих под камнями, ручьев. Начинается подъем, сначала .пологий по склону, зеленеющему мхами, потом более крутой, по скользким осыпям, и, наконец, по скалам, где приходится карабкаться вверх, цепляясь за выступы камней. Но вот подъем позади. Люди на вершинном плато, на высоте девятисот метров. «Вот она, своеобразная картина северной пустыни, голой, однообразной и дикой пустыни Хибинских гор, – записывает Ферсман. – На протяжении многих десятков верст ровная поверхность, усеянная глыбами неправильно нагроможденного сиенита, ни растеньица, даже лишайника и мха нет в достаточном количестве, чтобы разложить костер; нет даже воды и только кое-где, внизу, глубоко под камнями, слышится недосягаемое журчание ручейков тающих снегов. Только ветер гуляет на ровной поверхности пустыни, только солнце и мороз ведут свою неустанную работу разрушения горных пород».

Геологи в течение нескольких дней исхаживают каждый метр плато. Уставали ноги, уставали глаза. На ночлег устраивались, натягивая заменявший палатку брезент. Нередко с юго-востока, со стороны Белого моря, надвигались туманы, плотно закрывавшие горы. В один из вечеров, измученные дальним переходом, путешественники присели отдохнуть на выступе полевошпатовой жилы. Кто-то из рабочих подал Ферсману крупный обломок камня. Ученый не поверил своим глазам: то был астрофиллит, известный ему ранее лишь в микроскопических образцах – редчайшее соединение кремния,[119] железа, титана и марганца. За первым образцом последовали новые находки лучистого камня. Несмотря на ухудшившуюся погоду, все увлеченно искали камни.

Очередной маршрут на отроги Кукисвумчорра принес новые замечательные находки: у подножия скал в каменистой осыпи обнаружили большие красные кристаллы эвдиалита, сверкающий лампрофиллит и,

наконец, глыбы совершенно неизвестного до этого на Севере зеленого сахаристого апатита: большое количество зеленых глыб до пуда весом апатитовой породы, часто носившей слоистый характер.

Еще не осознавая всей значимости сделанного открытия, Ферсман восклицает: «Какое богатство! Какое прекрасное открытие! Ведь отсюда все музеи земли можно снабдить великолепными штуфами редчайших камней!»

Здесь, в центре Хибин, на берегу Малого Вудъявра, к Ферсману присоединяется отряд Б. М. Куплетского, прошедший маршрутом через ущелье Рамзая. «Без точных карт, без всякого опыта больших переходов при необходимости тащить па себе недельный запас продовольствия и снаряжения – это была нелегкая задача, – вспоминал Куплетский. – Но зато как радостна была встреча отрядов на новом месте после того, как трудный путь остался позади».

Рассказывая впоследствии о работе своей экспедиции, А. Е. Ферсман не ограничивается перечислением ее научных результатов. «„Вперед – за камнем!“ – было написано на ее маленьком знамени, – говорил он, – но в душе у каждого камень сливался со всей остальной природой, являясь лишь неразрывной частью сказочной красоты самих гор, дополняя ее серые краски красочной гаммой ярких тонов».

Экспедиция 1921 года продолжила работу по детализации географической номенклатуры Хибин. Куполовидная гора, замыкающая с севера долину Тахтарвум, была названа по имени создателя первой карты Хибин – геодезиста финской экспедиции Петрелиуса. Перевалы, расположенные по обе стороны этой горы, стали называться Восточным и Западным перевалами Петрелиуса. В его же честь была названа обширная впадина за этой горой, открывающаяся в долину Кукисвум, и речка, которая текла по дну депрессии. На карте появились долина и река Петрелиуса. Врезающаяся[120] с юга в массив Юкспора узкая и глубокая долина получила имя еще одного участника (экспедиции Рамзая – петрографа Виктора Гакмана.

Чтобы избежать наслоения названий при наименовании открытых экспедицией географических объектов, А. Е. Ферсман и его помощники тщательно изучали существующие географические названия, усваивали закономерности их формирования в саамском языке. «Будучи охотниками и рыболовами, – пишет в одной из своих работ профессор В. П. Вощинин, – саамы первыми оживили местный ландшафт многочисленными географическими названиями, отличающимися, кстати сказать, большой географической точностью. Так, для различных элементов рельефа у них существует свыше 40 определений, для всякого рода водных пространств – свыше 50; 13 терминов имеется для одних только болот и т.п.». У саамов долины чаще всего получали названия от текущих по ним рек, имена отдельных горных массивов и возвышенностей – от наименований соседних с ними долин. В соответствии с этими канонами давали свои названия и участники экспедиции. Так, олень, встреченный в долине у горы, возвышающейся над северным берегом озера Большой Вудъявр, дал повод А. Е. Ферсману назвать эту долину Поачвум – Оленья долина; текущую по ней реку – Поачвумйок, а гору – Поачвумчорр.

Горная долина, открывающаяся в котловину озера Большой Вудъявр с северо-востока, по которой проходила старая лопарская тропа, начинающаяся на берегу Умбозера, получила название Лопарской долины. Замыкающий ее перевал, ведущий в долину реки Тулья, был назван Лопарским перевалом, а река, текущая с него в Большой Вудъявр, – речкой Лопарской. Долина, которая открывалась с севера в нижнюю часть Лопарской долины, была названа Ворткеуай – Шумная, аналогично русскому названию Громотуха. Таким образом, с точки зрения географии, А. Е. Ферсман внес значительный вклад в топонимику Кольского полуострова.

В 1922 году экспедиция А. Е. Ферсмана продолжает исследования Хибинского массива. К этому времени Мурманская железная дорога работала уже нормально, и участники экспедиции добирались к месту работ

в удобном вагоне. На третий день пути исследователи вышли из поезда у знакомого станционного домика.[121]

Одной из задач полевого сезона лета было проникнуть еще дальше во внутреннюю часть Хибин, в долину Кукисвума, чтобы оттуда радиальными маршрутами охватить возможно большую часть массива. Первый рекогносцировочный маршрут начался сразу в день приезда. Воспользовавшись ночной прохладой, путешественники прошли долиной Иидычйока в ее верховья и разбили здесь лагерь. На следующую ночь Ферсман и его спутники перевалили голый хребет Иидычвумчорра и спустились в мрачную долину Часнайока, выйдя затем на склоны горного массива Часначорр. Еще несколько переходов, и впереди открылась зеленая долина Кукисвума с многочисленными озерами, поверхность которых отражала косые лучи солнца. Маршрут отрядов в долину Кукисвума проходил по совершенно неисследованной местности, и геологи делали по пути глазомерную съемку, чтобы потом уточнить карту изученной части массива. Были открыты мощные жилы с редкими минералами. Хибины впервые услышали взрывы динамита: в ящики упаковывались первые сотни великолепных штуфов.

Скоро отряд рабочих доставил в долину Кукисвума необходимые запасы продовольствия, палатки, взрывчатку. По намеченной заранее схеме отряды разошлись в разные части горного массива, обследуя выходы горных пород, отыскивая жилы, несущие скопления редких минералов.

Позднее, оценивая результаты экспедиции и подводя итог работам и впечатлениям лета, Александр Евгеньевич писал: «Увлечение этими исследованиями в суровых условиях полярного ландшафта вызывается не только своеобразной привлекательностью этого уголка русской земли, лежащего на полтора градуса севернее Полярного круга, – здесь и грозная природа с дикими ущельями и обрывами в сотни метров высотою, здесь и яркое полуночное солнце, несколько месяцев подряд освещающее своими длинными лучами снежные поля высоких нагорий, здесь в темную осеннюю

ночь -сказочное северное сияние своими фиолетово-красными завесами озаряет полярный ландшафт лесов, озер и гор; здесь, наконец, целый мир научных проблем, заманчивость неразгаданных загадок геохимии и минералогии на фоне далекого геологического прошлого фенноскандинавского щита».[122]

Исследования 1922 года позволили существенно уточнить и географию внутренних и северных районов горного массива Хибин. Неизвестная ранее река, текущая в обширной долине к западу от Юмчечорра и Хибинпахкчорра и к востоку от Часначорра и Иидычвумчорра, впадающая в реку Иидычйок, получила название Меридиональной. Лощины, развитые по южному склону Маннепахка, получили имена Нептунитовой и Занептунитовой. Перевал из долины Иидычйок, расположенной между массивами Иидычвумчорр и Часначорр, был наименован Чорргорр – Скалистый. Неверно нанесенная на карту Рамзая – Здгрена долина между крайним северо-восточным отрогом Лявочорра и Валепахком дала повод назвать замыкающий ее с юга перевал высотой 550 метров Обманным. Речка, берущая начало на Северном перевале Лявочорра, стала именоваться Горийок.

Маршруты экспедиции А. Е. Ферсмана, предпринятой в 1923 году, значительно расширили представление о строении центральных и восточных массивов Хибин. По опасным каменистым осыпям и глухим ущельям, в зной и туман, окруженные плотными тучами комаров и мошки, исследователи углублялись в открывавшуюся им страну, в которой самоотверженный труд и лишения щедро вознаграждались природой, дарившей новые находки и открытия. 1923 год оказался особенно знаменательным в истории изучения Хибин: в бассейне Вудъявра было впервые обнаружено коренное месторождение апатита – сделано открытие, круто изменившее в будущем судьбу целого края.

...Полосы сырого тумана застилают долину Часнайока. Путь отряда лежит к замыкавшему ее крутому ледниковому цирку, и когда его отвесные стены уже почти близки, их внезапно скрыла сплошная пелена тумана.

Карабкаясь по склонам и ориентируясь только по направлению слабого ветра, Ферсман и его спутники спустя час добрались до перевала. Затем – спуск в долину, где на высоком берегу бурного Кунийока под островершинными елями путешественников ждал кров. Две дождливые недели, проведенные в этой части Хибин, позволили обнаружить полевошпатовые жилы с богатым набором редких минералов.

Отсюда было решено продвинуться еще дальше на север горной страны, в районы, которые исследователи[123] считали белым пятнам в полном смысле этого слова. Сначала путь отряда Ферсмана лежал в долину Тулийока через одно из ущелий в массиве Рисчорра. На старых картах очертания массива воспроизведены настолько неточно, что открывавшаяся местность казалась какой-то новой, совершенно неведомой. Узкая долина с крутыми каскадами водопадов вела к центральному ущелью. Эту необычайно живописную водную артерию участники экспедиции назвали Рисйоком. «Такое крещение местных орографических и географических элементов, – объяснял А. Е. Ферсман, – нам приходилось делать не раз, и мы широко использовали... очень звучные лопарские слова: куэль – рыба, поач – олень, вум – долина, чорр – гора, гор – ущелье, йок – река и т. д.».

По долине Рисйока исследователи вышли к группе горных цирков, а затем к тянувшемуся в широтном направлении ущелью. Ферсман отметил, что широтное направление многократно повторяется в ориентировке всех наиболее крупных долин и перевалов Хибин, и объяснил это отражением в рельефе разломов, осложняющих строение горных массивов. Миновав водораздел, отряд поднялся на обширное сверкающее под солнечными лучами снежное поле, ниже которого лежали истоки Каскасньюнайока. Спускаясь по этой реке, геологи встречали в осыпях белый молочный альбит с редкими черными кристаллами гастингсита.

После изнурительного двенадцатичасового перехода путешественники натянули брезенты на пологом склоне, спускавшемся к одной из спокойных проток реки. На следующий день отряд продолжал путь. Лил непрерывный

дождь, усиливавшийся ветер перешел в бурю. Пришлось остановиться и под брезентами пережидать непогоду. Только через полтора суток удалось выйти к Кунъявру, где было решено организовать базовый лагерь, чтобы обследовать обширную область, лежавшую в направлении скалистого Лявчорра и располагавшуюся еще далее в сторону Умбозера.

После обследования этого обширного района экспедиция двинулась в обратный путь вдоль северных подножий Хибин. Предполагалось пройти на запад, держась берега крупной реки, показанной на карте Рамзая протекающей по предгорной низине к северу от гор. После нескольких дней пути Ферсман записывает в дневнике: «Где же эта большая полноводная река? И мы горим[124] интересом разгадать эту загадку, когда на следующее утро рассылаем отряды в цирки северных хребтов. Но скоро приходит и объяснение ошибки финляндских топографов. Северной реки нет, есть только большой и длинный приток, впадающий слева в Калйок, главную речную систему всего северного района, относящуюся к Умбозеру.

Мы с увлечением картируем новые хребты и новые перевалы, поднимаемся на вершины и в последний раз окидываем взором панорамы гор».

В 1925 году и особенно летом 1926 года А. Н. Лабунцов открыл еще более мощные месторождения апатита па склонах Расвумчорра. Дальнейшие изыскания провели здесь В. И. Влодавец и М. П. Фивег.

Весной 1931 года решением правительства в Хибинах началось строительство рудника и фабрики. Оно было включено в число ударных, а затем и сверхударных строек страны. Одновременно «дружный коллектив минералогов, петрографов, географов, почвоведов, ботаников и геоморфологов с энтузиазмом проводил работы в трудных условиях полярного Севера, неизменно воодушевляемый примером Александра Евгеньевича», – вспоминает Борис Михайлович Куплетский. В Хибинах широко развернулись исследования по геоморфологии, почвоведению, ботанической географии, гляциологии. Изучение растительного и почвенного

покрова началось еще в 1920 году под руководством В. Н. Сукачева и Н. И. Прохорова. В 1930 году в Хибинах стал работать специальный ботанический отряд Кольской экспедиции Академии наук, в составе которого были его руководитель профессор С. С. Ганешин и молодой тогда ботанико-географ А. А. Корчагин. Первый год работы отряда окончился трагически: заблудившись в тумане, Сергей Сергеевич Ганешин погиб на склонах Тахтарвумчорра. В его память обширный и глубокий цирк на северном склоне горы Вудъяврчорр, обращенный к котловине Малого Вудъявра, получил имя цирка Ганешина.

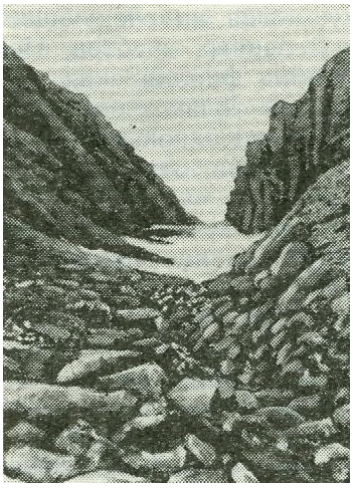
Однако исследования флоры Хибин продолжены уже в 1931 году Н. А. Аврориным – будущим основателем и первым директором Полярно-альпийского ботанического сада.

В самом начале освоения хибинских месторождений, в ходе промышленного и гражданского строительства[125] пионеры освоения Хибин столкнулись с катастрофическими природными явлениями – снежными лавинами. Они были особенно часты зимой 1935/36 года. Утром 5 декабря огромная лавина сошла со склонов Юкспора. Воздушная волна подняла большой двухэтажный дом и бросила его на другой... Гибли здания. Гибли люди... В память об этом трагическом событии один из цирков на северном склоне Юкспора, обращенном в Лопарскую долину, был назван цирком Пятого декабря.

Исследования лавиноопасного склона Юкспора начал геолог Г. С. Пронченко. Чтобы оценить возможность схода новых лавин, он поднялся к соседнему цирку, но погиб там во внезапно сошедшей новой лавине. Теперь этот цирк носит имя Пронченко.

Последовавшие за открытием апатитовых месторождений геологические исследования и разведочные работы в Хибинах потребовали более детального изучения отдельных массивов, а это вызвало необходимость дальнейшего уточнения и детализации географической, номенклатуры. Поэтому, как отмечает И. К. Тихомиров, в этот период «почти

каждый отчет о выполненных геологических, минералогических либо геологоразведочных работах вводит несколько новых названий в географическую номенклатуру Хибин».



Ущелья Ферсмана в Ловозерских тундрах

Среди тех, кто наносил на карты Хибин названия новых, неведомых ранее географической науке горных вершин, ущелий и перевалов, были ученики А. Е. Ферсмана, представители неугомонного «хибинского племени», созданного и выпестованного академиком. Так, в опубликованной в 1932 году обширной статье Б. М. Куплетского «Кукисвумчорр и прилегающие к нему массивы центральной части Хибинских тундр по съемке 1929–1930 гг.» впервые упоминается Академический цирк с большим Академическим озером на вос[126]точном склоне Кукисвумчорра, из которого вытекает южный приток реки Каскасньюнайок. Пологий восточный отрог Кукисвумчорра, разделяющий бассейны рек Каскасньюнайок и Тульи и обозначенный на карте Рамсея Вантомньюн, назван Куплетским Широким мысом.

В этой же работе Куплетского впервые встречается название Апатитовая гора, относящаяся к крайнему восточному отрогу Кукисвумчорра, на котором был заложен апатитовый рудник. Н. Н. Гуткова, которая производила на Юкспоре в 1932 году минералогические исследования, назвала глубокое ущелье, отделяющее этот массив от расположенного восточнее массива Эвеслогчорр, ущельем Ферсмана. Ею же было дано название водотоку, стекающему с Юкспора. Ущелье, отделяющее северную часть Расвумчррра от массива Коашвы, названо сотрудниками работавшей здесь в 1929 году геологоразведочной партии ущельем Дразнящее эхо.

Топографическая съемка Хибинского массива, произведенная в 1933–1934 годах Ленинградским геолого-разведочным трестом, установила, что

наиболее высокой вершиной Хибинских тундр является не гора Лявочорр, как ошибочно считалось со времени выхода в свет в 1894 году отчета о работах Хибинской экспедиции Рамзая, а безымянный отрог массива Часначорр, расположенный над истоками реки Малая Белая. Это была та самая вершина Хибин, на которую академик А. Е. Ферсман поднялся 30 августа 1920 года, во второй день своей первой экспедиции на Кольский полуостров. Этой наивысшей точке Хибинского горного массива в 1941 году было присвоено имя – гора Ферсмана.

Впоследствии А. Е. Ферсман писал: «И новые слова разойдутся по всему миру, новые названия войдут во все учебники минералогии, геохимии и химические справочники; они переживут нас, даже молодое поколение; их будут коверкать на всех языках мира...»[127]

Главный хребет

Чуна- и Монче-тундра –
белое пятно на карте Кольского полуострова.
Первое посещение Рихтером Заимандровских тундр.
Имандровская экспедиция.
Создание «Физико-географического очерка озера Имандра».
Работа над первой картой Главного хребта.
С Григорьевым на востоке полуострова.
Снова в Монче.
Открытие медно-никелевых месторождений.
Изучение долины реки Нивы.
Путешествие по Варзуге и Поною.

Впервые на Кольский полуостров Гавриил Дмитриевич Рихтер попал еще будучи гимназистом, незадолго до начала первой мировой войны. Тогда он, вместе с двумя старшими братьями, совершил лодочно-пешеходный маршрут по «тракту» из Кандалакши в Колу. «Красота дикой природы края произвела на меня неизгладимое впечатление и определила мою дальнейшую деятельность географа», – вспоминал он позже.

Вновь Рихтер приезжает на Север в 1922 году. По приглашению крупного почвоведа профессора Н. И. Прохорова он принимает участие в качестве топографа в работах Кольского почвенно-ботанического отряда Северной научно-промысловой экспедиции. Начинающему исследователю поручают первые самостоя[128]тельные маршруты по побережью Имандры, .в предгорья Главного хребта – огромной системы горных цепей, протянувшихся с юга на север параллельно западному побережью Большой Имандры.

Из Имандровекой низины по долине порожистой реки Чуны Рихтер, в сопровождении проводников, проникает в Нярк-тундру, высокие предгорья

Главного хребта, осматривает глубокое ущелье Райгорр и достигает берегов лежащего в глубокой котловине Чунозе- ра. После

продолжительного пути отряд расположился на открытой слабому ветру прибрежной поляне, вблизи сокращающего свой бег перед впадением в озеро прозрачного ручья. Недалеко от палатки лижет ветви валежника яркий огонь маленького костра. Оставив лагерь, Рихтер медленно идет к самому берегу озера, зачарованный сказочной панорамой подступающих к воде сизых гор.

Гавриил Дмитриевич Рихтер (род. 1899 г.)

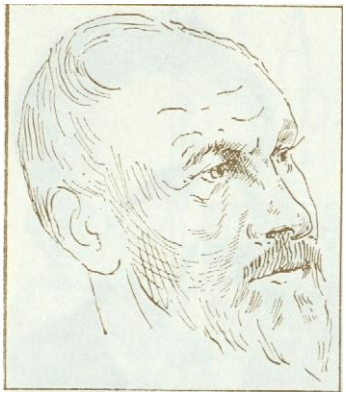
Пройдет несколько лет, и тем же путем на берег Чунозера придет русский писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов. Красота скрывающего горные склоны осеннего леса и тихих вод водоема подскажет ему следующие строки: «В осеннюю тихую погоду сказочно прекрасным кажется путешественнику лесное озеро Чуна. Точно чистое зеркало, лежит оно в диких своих берегах. Как в недвижимом зеркале, отражаются в нем расцвеченные осенью горы... Но неузнаваемо озеро в ветреную погоду. Черные, с грозной сединой, ходят по нему волны. Берегись, застигнутый бурей охотник! Нужно иметь твердую руку, чтобы высадиться на берег. Долго вынужден путешественник дожидаться на берегу погоды, чтобы отважиться в путь...»

Тогда, летом 1922 года, Гавриил Дмитриевич лишь прикоснулся к загадкам горного края, лежащего на западных берегах Имандры. В экспедиции[129]

Н. И. Прохорова по Имандре молодой студент знакомится с Г. М. Крейтом. Увлекательные рассказы талантливого натуралиста о мало изученном озере, обаяние личности Крепса делают свое дело: Рихтер решает начать изучение Крупнейшего на Кольском Севере озерного водоема.

«Озеро Имандра остается во многих отношениях совершенно terra incognita. На нем не производилось никаких, ни лимнологических, ни гидробиологических исследований, неизвестна ни его глубина, ни строение берегов, ни происхождение», – писал тогда географ А. С. Григорьев.

В 1925 году, после окончания Географического института, Г. Д. Рихтер возглавил Имандровскую экспедицию, организованную Мурманской биологической станцией и колонизационным отделом Мурманской железной дороги. Работы экспедиции продолжались три года. В итоге был написан ряд статей и монография «Физико-географический очерк озера Имандра и его бассейна» – книга во многих отношениях примечательная. Если в 1924 году А. С. Григорьев с сожалением констатировал, что для озера Имандра неизвестны «ни его глубина, ни строение берегов, ни происхождение», то работы Рихтера дали исчерпывающие ответы на все эти вопросы. Целый ряд опубликованных Г. Д. Рихтером статей даже по своим названиям носит характер прямых ответов на поставленные некогда вопросы: «К барометрической карте Экостровской и Бабинской Имандры» (1928), «К вопросу о происхождении рельефа района Большой Имандры» (1926). А само физико-географическое описание бассейна Имандры и сейчас, спустя почти полвека, каждый специалист, будь то геолог, гидролог или инженер-проектировщик, прежде чем начать работу на западе Кольского полуострова, ищет на полках книги и статьи Рихтера и штудирует их.[130]



Саам-проводник Калина Иванович Архипов
Портрет В. Чарнолуского

В 1928 году Гавриил Дмитриевич принимает участие в работах географического отряда на востоке Кольского полуострова, возглавляемого профессором А. А. Григорьевым. Но его по-прежнему манят загадочные вершины Главного хребта, лесистые склоны и пологие поверхности Чуна- и Монче-тундры. Мечта сбывается в 1929 году, когда ему поручают руководить работами Географоразведочного отряда Кольской экспедиции Академии наук, изучающего Заимандровский край и впервые положившего на карту весь огромный район к западу от озера.

...Глубокая вечная тишина просторной Монче-губы нарушается слабыми всплесками весел. Лодки двигаются по узкому, похожему на реку с

высокими покрытыми вековым лесом берегами, проливу и направляются к Сальному острову, где на зеленой лужайке видны несколько небольших избушек. Путешественников встречает звонкий лай собак, повторяющийся многократным эхо. Гавриил Дмитриевич выходит на берег.[131]

Старая Монча.
Рисунок Сонн Сорвановой, 15 лет. 1935 г.

Здесь он видит старого знакомого, патриарха Мончи, восьмидесятилетнего Калину Ивановича Архипова – в прошлом прекрасного охотника, знатока тундры, живущего здесь с сыном Федором Калиновичем и его семьей.

Приехавший вместе с Г. Д. Рихтером географ Герасим Васильевич Горбацкий впервые на Кольском полуострове. С любопытством осматривает он приземистую деревянную избушку – тупу с открытым «камельком»; миниатюрный амбарчик на сваях для хранения хозяйственного инвентаря, сохнущие на высоких кольях сети и невод, кережки.

Первая экскурсия – к ближайшим вершинам. Пологий подъем среди сосен и елей, постепенно становящийся все более крутым, приводит на высокую тундру. С нее открывается широкая панорама: на севере, за Монче-тундрой, виднеются вершины лежащих еще дальше Волчьих тундр, на

востоке, за Имандрой, открываются высокие западные отроги Хибин, на западе сплошной стеной тянется массив Монче-тундры, из-за которого проглядывают вершины Чуны.

От Оленьей тундры отряд движется на юго-запад, к массиву Нюдуайвенч. При подходе к нему стрелка компаса неожиданно начинает уклоняться от северного направления. Рихтер ищет объяснения магнитной аномалии в особенностях состава горных пород – габбро[132]норитов. Стучат молотки, и в рюкзаки исследователей ложатся тяжелые образцы

Участники экспедиции Г. Д. Рихтера в Монче-тундре. 1929 г.

неизвестной породы с ясным металлическим отливом на сколе. Со склонов Нюдуайвенча в виде потоков стекает песок, приходящий в движение во время дождей. Это результат выветривания норитов, легко распадающихся под влиянием температуры и воды в среднезернистый песок.

...Спустя несколько дней на лодке по узкому проливу Монче-губы путешественники направляются на запад, чтобы по впадающей в губу реке Нюд подняться к Нюд-озеру. В нижней части долины река имеет спокойное течение. Низкие берега, густо заросшие осокой и ивой, напоминают пейзажи средней полосы. Но примерно с середины река превратилась в быстрый и мелкий порожистый поток с выступающими над водой валунами. На шестах проводникам удалось провести лодку вдоль левого берега к новому участку спокойного течения, а затем вывести ее к вытянувшейся с севера на юг и

занятой по краям болотами котловине Нюдозера. Путешественники прошли в юго-западную часть озера и, миновав густые заросли водяного лютика с крупными белыми цветами, пристали к небольшому мыску, обрамленному полосой песчаного пляжа. Отсюда начинался подъем на Сопчуайвенч. Двигаясь сначала густым смешанным лесом, затем по крутому склону, где скальные выходы пород были скрыты сплошным покровом карликовых кустарников, лишайников и мхов, Рихтер и Горбацкий поднялись на плоскую вершину тундры. После того как прошли перевал через Сопчуайвенч, Рихтер взял направление на запад – на южный отрог Монче-тундры Лойпишнюн, которого достигли, минуя многочисленные обрывы и каменные осыпи.

С вершины Лойпишнюна была уже хорошо видна возвышенная часть Чуна-тундры, отделенная от Монче- тундры долиной реки Витти. По гребню отряд двинулся на северо-запад. Плоская вершина, покрытая сплошным ковром высокогорной растительности, скоро оказалась занятой россыпями остроугольных глыб, хаотически нагроможденных друг на друга. При каждом шаге тревожно ощущалось их покачивание. Кое-где среди сплошного моря валунов угадывались выходы коренных пород. Самый крупный из гребней – Акабирвенч увенчан небольшой каменной пирамидкой. По рассказам Архиповых, лет восемьдесят назад этого места достиг леген[133]дарный первопроходец Заимандровского края Артур Иванович Акабир. Здесь он сложил каменный гурий, и с тех пор вершина носит его имя.

День за днем все дальше и дальше продвигался отряд Рихтера по долинам и горным цепям Главного хребта. Вероятно, нет необходимости перечислять бесчисленные горные возвышенности и ущелья, посещенные путешественниками, тщательно описанные и нанесенные на карту. Порой эта однообразная работа утомляет и самих исследователей, и с каждым днем описания их пути становятся все схематичнее, короче, все чаще оригинальные описания заменяют ссылки на уже виденное. К чести своей, Г. Д. Рихтер и Г. В. Горбацкий не подчинились кажущемуся однообразию, а,

как и в первые дни пути, вносили в дневник подробные записи, тщательно наносили на топографические планшеты очертания и изгибы каждого хребта, строга, долины. Так рождалась гипсометрическая карта Главного хребта – изумительный по своему качеству картографический документ, многие десятилетия добросовестно служивший[134] целому поколению исследователей Кольского полуострова.

Географо-разведочный отряд Кольской экспедиции Академии наук. 1930 г.
Слева направо стоят: И. В. Максимов, М. К. Карпун, А. П. Мартюшов; сидят: А. И. Филиппов, Г. Д. Рихтер, А. М. Архангельский: лежат: В. Хлебников, С. Лапин, В. Кошкин

Многие месяцы ушли на обработку собранных материалов, на тщательное вычерчивание и редактирование карт. Наконец, в декабре 1930 года на заседании Карело-Мурманской комиссии Географического общества Г. Д. Рихтер сделал сообщение о составленной гипсометрической карте Чуна- и Монче-тундры и обнаруженных в этом районе магнитных аномалиях. А спустя некоторое время Гавриил Дмитриевич разложил перед А. Е. Ферсманом привезенные с Главного хребта образцы минералов и горных пород. В большинстве из них академик определил ультраосновные зеленокаменные породы: оливины и пироксены. В лупу можно было рассмотреть блестящие кристаллы каких-то соединений серы.

– Что, часто это? – поинтересовался академик.

– Встречаются иногда, – ответил Рихтер.

Ферсман крепко запомнил это. Известно, что богатые оливином и пироксеном породы включают в себя руды никеля и меди. Такого рода месторождения успешно разрабатываются в Норвегии, Канаде и Финляндии.

На следующее лето во главе небольшого отряда А. Е. Ферсман выехал в Заимандровские тундры. Пройдя на карбасе Имандру и поднявшись на шестах по перекатам одной из рек до живописного Нюдозера, исследователи углубились в тундры. На карте маршрутов отмечались нанесенные Г. Д. Рихтером и знакомые теперь каждому геологу названия: Сопчуайвенч, Ниттис, Кумужья варака.

Измученный долгими переходами, зноем и комарами, академик восклицал: «Больше сюда ни ногой! Лучше все пески Каракумов, там нет хоть комаров и болот!»

Удача, как всегда кажется, пришла неожиданно. Через бинокль на исхоженном уже склоне Нюдуайвенча Ферсман разглядел бурые потеки и пятна. Подошли к обнажению, под ударами молотка брызнул камень, и обнаружилась настоящая золотистая руда...

Зимой 1931 года три оленьих упряжки мчались на запад вдоль отрогов Хибин. На санях А. Е. Ферсман, А. Ф. Соседко, писатель Павел Лукницкий, мастер-взрывник и два проводника. Конечный пункт их маршрута – Нюдуайвенч. Высоко на склоне, у самой границы леса, в сооруженном из корья шалаше разогрели на[135] сковороде промороженные в пути плитки динамита. Ударил первый взрыв. Ферсман жадно разглядывает упавшие на снег осколки руды. Вскинув голову, поворачивается к спутникам: «Здесь будет город заложен!»

В ходе последующей разведки оказалось, что первые месторождения не оправдали надежд. Но скоро штольня вошла в мощную рудную жилу. Кровля, дно, стены забоя – все отливало металлическим блеском. Анализы показали содержание никеля свыше шести процентов – больше, чем в самых богатых рудниках Канады. А вскоре медно-никелевая руда была обнаружена и в недрах Кумужьей вараки.

Одному из участников зимней экспедиции 1931 года – Павлу Николаевичу Лукницкому – довелось побывать в Монче спустя четверть века. С волнением ехал он в тундру. Какой она стала за эти годы? И каков тот город, что рисовал когда-то на нетронутых снегах Ферсман? И вот машина влетела в кварталы Мончегорска. «Как зачарованный я смотрел вперед, – вспоминает писатель. – Никто в машине не произнес ни слова, но шофер, умница, сам сбавил ход, и машина шла тихо-тихо. Мои спутники – мончегорцы – смотрели на меня искоса, с легкой усмешкой заговорщиков: на, мол, гляди! Видел такое?

Нет! Такого я не ожидал! Такого архитектурного единства, такого безупречного вкуса в гармоническом подчинении планировки города географическим особенностям красивой местности. Слово «Монча» по-саамски значит «красивый», но древние саамы, называя так свою тундру, не могли и предполагать, что советским людям удастся удесятерить эту красоту».

А в то время, когда на заснеженных склонах Монче-тундры гремели взрывы первых разведок, когда оленьи и тракторные караваны везли на западный берег Имандры первые грузы, судьба уже определила Гавриилу Дмитриевичу Рихтеру новые маршруты. В 1930 году он руководит работами географоразведочного отряда Кольской экспедиции Академии наук по изучению бассейна реки Нивы и, одновременно, по поручению Ленинградского отделения Гидропроекта, участвует в геологических изысканиях: выборе створа плотины гидроэлектростанции Нива-2. В 1933 году по заданию Геоморфологического института Академии наук принимает участие в исследованиях одного из отрядов Ленгид[136]ропроекта, в задачу которого входит обследование рек Варзуги и Поноя с целью определения возможностей использования энергетических ресурсов этих рек – задача, окончательное решение которой наметилось лишь сегодня.

В начале июня на рейсовом пароходе «Помор» Гавриил Дмитриевич прибыл в устье Варзуги – село Кузомень. Пока нанимали рабочих,

разыскивали лодки, ученый совершил экскурсии в окрестности старинного поморского селения. Более десяти дней отряд производил мензульную съемку в нижней порожистой части реки. В это время Рихтер вместе с геологом М. А. Лавровой посещают урочище Ромбак и долину Кицы, совершают экскурсию на далекую Ареньгскую гряду.

Выпускница Высших женских курсов, «бестужевка», Мария Алексеевна Лаврова впервые приехала на Кольский полуостров в 1920 году. Под руководством профессора П. В. Виттенбурга она начала изучение ископаемых моллюсков в новейших – четвертичных отложениях морских побережий Севера. Неутомимая путешественница, Мария Алексеевна была участницей первой советской экспедиции на Новую Землю на шхуне «Шарлотта», самостоятельно обследовала Летний и Поморский берега Белого моря, побережье Двинского полуострова. На протяжении всей жизни Мария Алексеевна возвращалась к Кольскому полуострову, который остался главным районом ее геологических изысканий.

...Караван тяжело нагруженных лодок поднимается на шестах вверх по реке. Гавриил Дмитриевич, его помощник Н. Г. Комаров и рабочий П. Чупин пешком двигаются по берегу. К концу июля отряд достиг места слияния Варзуги и Паны. Поднявшись выше по реке, путешественники воспользовались волоком с Варзуги на реку Кинемур – приток Поноя. Проплутав в болотистых верховьях Кинемура, спустя несколько дней, сплавились в Поной. Здесь проводником Г. Д. Рихтера становится Л. Ф. Матрехин, с которым Рихтер совершает дальние маршруты в бассейне Поноя. Описание пройденного пути составило обстоятельный труд «Результаты геоморфологической рекогносцировки в бассейнах рек Варзуги и Поноя», опубликованный в 1936 году.

Экспедицией 1933 года завершились полевые исследования Г. Д. Рихтера на Кольском полуострове. Материалы, собранные во время этих путешествий, легли[137] в основу крупных обобщающих работ по географии

Севера европейской части СССР, автором которых в последующие годы стал крупный советский географ профессор Гавриил Дмитриевич Рихтер.

Научная деятельность Г. Д. Рихтера на Кольском полуострове – великолепный пример самоотверженного труда ученого. Этот пример необычайно поучителен для нынешней молодежи. «Понемногу я пишу свои воспоминания о работах на Кольском полуострове, – рассказывал он в одном из писем автору этого очерка. – Но дело двигается медленно... Не знаю, успею ли я эту работу закончить (работать становится все труднее), поэтому стараюсь не отвлекаться на другие дела».[138]

Тундра хранит след

Географические исследования А. А. Григорьева
в восточной части Кольского полуострова.
В Иоканге.
Путь каравана на юг.
Открытие и обследование горных Кейв.
Изучение ландшафтов восточной части полуострова.
Значение работ экспедиции.
Изучение А. А. Григорьевым долины реки Туломы и ее бассейна.
Кольский Север в исследованиях академика А. А. Григорьева.

В начале двадцатых годов уже большая часть территории Кольского полуострова была положена на карту. И лишь северо-восточная оконечность по-прежнему оставалась неизученной. Сведения о ней ограничивались несколькими страницами опубликованного на немецком языке схематического описания в работах Рамзая и Чильмана, а кое-какие картографические материалы были собраны лишь в 1927–1928 годах участником этнографической экспедиции Географического общества Владимиром Владимировичем Чарнолусским. Поэтому при планировании работ Кольской экспедиции Академии наук в 1928 году был организован Естественно-географический отряд, перед которым ставилась задача рекогносцировочно, но по возможности всесторонне исследовать эти территории. Во главе его стал профессор Географического института Андрей Александрович[139]

Григорьев – в будущем академик, один из крупнейших географов страны. Он должен был вести геоморфологические, геологические и почвенные исследования. Обязанности геоботаника экспедиции «выполнял Юрий Дмитриевич Цинзерлинг, топографические съемки вел Гавриил Дмитриевич Рихтер. В качестве препаратора в экспедиции приняла участие Амалия Альбертовна Лобек, ставшая спутницей А. А. Григорьева до последних дней его жизни.

Еще зимой на поной в Каневку заведующий Мурманским краеведческим музеем М. Н. Михайлов завез необходимый экспедиции запас продовольствия, а Г. М. Крепс нанял несколько оленьих упряжек. 11 июля на пароходе ледокольного типа «А. Сибиряков» отряд прибыл в Иокангу. К тому времени Иоканга – уже довольно большой поселок, мало напоминавший летний саамский погост, каким она была еще недавно. Вежи исчезли. Их заменила улица бревенчатых рубленых домов.

Ожидая, когда будет готов олений караван, участники экспедиции совершали экскурсии в окрестности поселка: на мыс Святой Нос, по побережью, к Иокангскому озеру и в глубь материка.

С поверхности возвышенного плато в нескольких километрах от берега взгляд различал лишь постройки радиостанции да башню маяка. Поверхность плато была занята гладкой тундрой с округлыми пятнами обнаженного суглинка и щебня. Еще дальше на юг тянулась кочкарная тундра с порослью карликовой березки, черники, голубики и морошки. На севере тундра постепенно переходила в равнину, заросшую вороникой, а на самом берегу обнажались древние кристаллические породы с покровом лишайников и редкой порослью ягеля. В самой долине Иоканги – редкий березовый лес с участками луговины – места скромных покосов жителей.[140]

25 июля экспедиция отправилась в путь. Передвигались преимущественно ночью, при свете спустившегося к горизонту солнца. В это время идти было прохладнее и путешественников меньше донимали комары. Скоро караван достиг Иокрынтсаатки – не существующего ныне саамского селения, состоявшего из двух домов и нескольких веж. Здесь через реку Иокангу имелась лодочная переправа. Чтобы перевезти на маленькой лодке весь груз экспедиции, понадобились целые сутки.

Григорьев и его спутники побывали в домах саамов, познакомились с техникой изготовления саней. Чтобы сделать полоз, загнутый конец ствола крепился веревкой к колу. Вращая его и натягивая веревку, заставляли

полозья изгибаться. Эта операция выполнялась над костром, пламя которого нагревало место наибольшего изгиба полоза.

В Иокрынтсаатке в отряд приняли проводником Афанасия Философовича Матрехина – большого знатока тундры, участвовавшего еще в экспедиции Риппаса. Он и повел караван на юг, к вершинам горных Кейв.

Окрестности маленького поселка изобиловали валунами, часто лежавшими на небольших пригорках. Некоторые из них служили дорожными знаками саамам, другие были оставлены проходившим здесь в древности ледником. Нередко огромные каменные глыбы покоились на трех-четырех мелких валунах, на которые они легли, вытаивая со временем из мощной толщи ледникового покрова.

...Стоял жаркий день. Над заболоченной долиной поднималось густое марево. Порой оно было таким сильным, что дрожащая прозрачная полоса нагретого воздуха как бы отделяла валуны от земли и каменные глыбы будто повисали в воздухе. Караван медленно движется по волнистой поверхности каменистых увалов, увенчанных зубчатыми рядами валунов. Усеянная щебнем земля покрыта стелющейся карликовой березкой да порослью кустарничков. Только заросли камнеломки, то багряно-красной, то ярко-желтой, вносят в окружающий ландшафт пестроту и жизнерадостность.

На пути отряда много мелких озер. Нередко они лежат на разных уровнях. По окраинам озер расположились неглубокие сфагновые болота со светлой порослью пушицы. Крутые глыбы (Кристаллических сланцев, постоянно встречающиеся на пути, затрудняют[141] движение. Нередко они качаются, а иногда и опрокидываются под ногами. И только олени ступают не спотыкаясь, двигаются удивительно точно и ловко.

4 августа путешественники достигли подножия Шуурурты. Подъем на нее оказался довольно крутым и скользким: каменные плиты покрыты сплошь ягелем. Выглядел он здесь несколько странно, не молочно-зеленоватым, как обычно, а молочно-желтоватым. Выше по склону растительность почти исчезла, местами отсутствовали даже лишайники.

Наконец, караван оказался вблизи двух огромных скалостанцов, которые виднелись еще накануне. Теперь, по обе стороны от тропы, они поднимались подобно мощным каменным кубам высотой в три-четыре человеческих роста.

От горного кряжа отряд отправился на северо-запад, чтобы обследовать возвышенную область главного водораздела– не изучавшуюся ранее возвышенную гряду Кейв. Двигаясь по водоразделу, Григорьев отмечает в своих записках живописный, почти горный характер местности, сложное геологическое строение, значительное разнообразие растительного покрова, где тундровые ягельники гребней чередуются с березовой и березовохвойной лесотундрой низин.

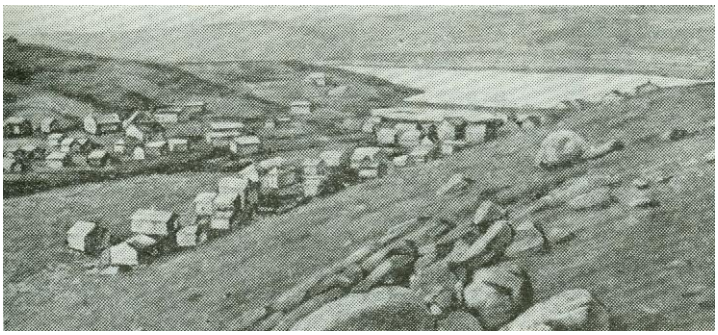
Территория, по которой проходил маршрут отряда, была совершенно безлюдной, и лишь однажды путешественникам встретилось стадо оленей, сопровождаемое двумя пастухами на санях. Пастухи оказались ижемцами из Ловозерского погоста.

Лет сорок назад, когда на Печоре среди оленей свирепствовала сибирская язва, четыре хозяина-оленевода, слыхавшие, что на противоположном берегу Белого моря – на Кольском полуострове тоже распространено оленеводство, решили переселиться туда с уцелевшими стадами.

Отправившись в путь зимой, весной они достигли Кольского полуострова. Подкупив вином и подарками недоверчивую саамскую общину в Ловозере, ижемские семьи обосновались на востоке полуострова. Скоро сюда перекочевали новые люди с Ижмы – со стадами и без стад. Среди них были и ненцы – преимущественно в качестве работников и. пастухов. Работящие, сильные и дружные выходцы с Ижмы скоро заняли главенствующее положение в общине. Число ижемских оленей на востоке полуострова скоро составило 40 тысяч голов.[142] Кроме занятия оленеводством, пришельцы стали разводить молочный скот, занялись огородничеством, выращивая главным образом картофель, репу и редьку.

Встретившиеся отряду пастухи оказались представителями -обширного семейства Рочевых. Их отец Поликарп Иванович был одним из четверых оленеводов, перекочевавших с востока. Семья Рочевых насчитывала более 20 человек. Сыновья с семьями жили с отцом сообща, что позволяло им управляться с крупным оленьим стадом. Весною вся семья, за исключением старейшины да части женщин с детьми, уходила со стадом в тундру и жила в чумах. Осенью уже со снегом возвращались назад и в течение зимы держали стадо в нескольких десятках километров от поселения. Стадо ни на один день не оставалось без охраны – днем и ночью объезжали его члены семьи.

От Большого рва – узкой долины, глубоко врезанной в толщу кристаллических сланцев, – отряд Григорьева повернул на восток и, держась южных подножий Кейв, вышел к небольшому хребту Волчьи Шишки, лежавшему к западу от долины реки Ачерйок. Березняки здесь исчезли. Теперь двигались но казавшемуся бесконечным сосновому лесу. Земля здесь была покрыта ягелем, окружавшим каждый древесный ствол, как пышная пена. Иногда кустики ягеля достигали 15–16 сантиметров. Ноги утопали, пружинили, скользили в ажурном ковре. По ягельному покрову были рассеяны[143] отдельные кряжистые сосны, толстые комли которых быстро



Летний Иокангский погост
Фото В. Чарнолуского. 1927 г.

переходили в тонкие вершины. А под ногами всюду отмершие, истлевшие древесные стволы.

Постепенно рельеф стал более расчлененным, возвышенности – внушительнее и круче. Появились нагромождения глыб щелочных гранитов. «Порой идешь в темном лесном полумраке, словно среди декораций для древних саг», – записывает Андрей Александрович. Наконец, впереди блеснул просвет: на пути – обширное осоковое болото. Скоро отряд вышел в лесистую долину Поноя, к Каневке – добротному, живописно расположенному на широкой террасе поселку.

Григорьев и его спутники нашли приют в доме основателя поселка ижемца Василия Канева. В его амбаре находился запас провианта, завезенного сюда еще по зимнему пути.

Началось снаряжение каравана. Завьючили два десятка оленей. И все же часть коллекций пришлось оставить. Григорьев и Цинзерлинг на лодке вместе с Василием Каневым спустились вниз по Поною до порога Колмак, где русло реки было усеяно вертикально стоящими каменными глыбами, напоминавшими зубы великанов. Большое количество естественных обнажений по обоим берегам реки позволило произвести детальные геологические наблюдения, отобрать образцы пород. От устья Колмака 20. августа участники экспедиции направились на север к летнему Лумбовскому погосту. Проводником на этом участке пути был житель Иоканги Василий Данилов. Как и все аборигены, Данилов отличался исключительным талантом ориентироваться на местности, мог двигаться строго по азимуту, определяя его без компаса. Эту замечательную способность жителей тундры Григорьев и его товарищи наблюдали и раньше.

Так, однажды, когда Г. Д. Рихтер делал засечки на буссоли, А. Ф. Матрехин заметил, что румб, названный Рихтером, не верен, и показал истинное, по его мнению, направление на север. Разница составляла около 10 градусов и точно соответствовала величине магнитного склонения.

Выйдя за пределы долины Поноя и поднявшись на окружающие ее возвышенности, путешественники форсировали реку Ачерйок и пересекли верховья Колмака. Затем караван преодолел труднопроходимый бассейн[144]

Качковки и 25 августа достиг вершины Лумбовского залива.

На обширной аккумулятивной равнине между устьями рек Каменки и Лумбовки располагался Лумбовский погост. Здесь отряд задержался на день, в течение которого Г. Д. Рихтер и Ю. Д. Цинзерлинг обследовали окаймляющий Лумбовскую низину высокий и крутой обрыв с большими снежниками. Спустя двое суток вернулись в Иокангу.

Научные результаты экспедиции были значительны. В течение полевого сезона Г. Д. Рихтер не только составил маршрутную карту, но и, используя многочисленные расспросные сведения, подготовил материал для первой сравнительно подробной карты восточной части полуострова. Геоботанические исследования обобщил Ю. Д. Цинзерлинг в монографии «Материалы по расти-тельности северо-востока Кольского полуострова». Собранные А. А. Григорьевым геологические коллекции после изучения их Б. М. Куплетским позволили охарактеризовать основные черты геологии района, обосновать самостоятельное положение кейвской серии гнейсов и кристаллических сланцев, наметить контуры многочисленных интрузий щелочных гранитов. Григорьев дал характеристику крупных форм рельефа, речных долин и озерных котловин, описал типы четвертичных отложе[145]

Участники экспедиции А. А. Григорьева (слева направо):
Ю. Д. Цинзерлинг, А. А. Григорьев, А. А. Лобек, Г. Д. Рихтер

ний и почвенного покрова, наметил границы ландшафтных зон. Обширный труд А. А. Григорьева «Материалы к физической географии северо-восточной части Кольского полуострова» был опубликован в 1932 году.

В этом же году Григорьев организует новую экспедицию на Север. «Проблема освоения Кольского полуострова, – писал он, – с каждым годом становящаяся все более сложной, поставила перед хозорганами ряд новых задач. Одна из важнейших – это разрешение вопросов энергетики... На р. Туломе, впадающей в Кольский залив в 12 километрах от города, найдено место, очень удобное для строительства гидроэлектростанции. Для правильных расчетов этого строительства необходимо знание рельефа долины р. Туломы и района Нот-озера, из которого эта река вытекает, а также долин главнейших притоков Туломы и Нотозера». Задача изучения рельефа бассейна Туломы и ставилась в качестве основной в работе экспедиции.

...Карбас отошел от пристани тотчас после короткой воды, когда Григорьев примостился на оленьей шкуре под балком – навесом над кормовой частью лодки, следя за сменявшими друг друга пейзажами. Скоро с горизонта исчезли признаки жилья. Подступавшие к берегу массивы строевого леса, не тронутые топором, сменялись участками густо зеленевших лугов. Вокруг была Лапландия – обетованная страна путешественников, прибежище беспокойных душ. Григорьев наугад раскрыл томик записок Пинегина, прочел: «Вечный шум порогов, грохот бешеных водопадов, солнце, не сходящее и днем и ночью со светлой дороги, солнце, которое словно не может покинуть края, позабытого им зимой; каменистые Бараки – горы, то угрюмые, под шапками косматых туч, то радостно-голубые и влекущие, повсюду камни и скалы, не успевшие еще сравняться с землей, недавно кажется выбросившей их в родовых муках, везде седой сухо шуршащий мох, – это природа Лапландии. Дикую страну обволокли густые леса, которым не было бы края, если бы не делили их зеркальные озера, шумливые речки и голые вершины гор».

Спустя несколько часов разыгралась «морянка». Прибрежные вараки скрылись в опустившихся на них облаках. Сильный холодный дождь обрушился на лодку и заставил искать укрытия на берегу в небольшой избушке.[146]

После того как дождь прекратился, отряд двинулся дальше. Лодка свободно и скоро шла по высокой во время прилива воде, защищенная от сильного ветра высокими холмами вдоль левого берега реки. Вот и граница прилива, дальше – узкая стремнина реки с ее порогами. Ход лодки замедляется, за час удается пройти полтора–два километра. Несмотря на все усилия гребцов, лодку то и дело сносит течением, и тогда приходится тащить ее за веревку. Пройден Сухой порог, затем Калепуха и Юркинский, посередине которого лежит большой камень, прозванный «Разбойником».

Водоворотами и каскадами встретил самый крупный туломский порог – Кривец. Здесь пришлось разгрузить карбас, перетащить на плечах имущество до следующего плеса, затем волоком под самым берегом перетянуть лодку. Так, от порога к порогу, отряд продвигался все выше по течению Туломы. В устьях Пяйве, Шовны, Печи, Коньей, Улиты исследователи останавливались по нескольку суток: пересекали долины, отличающиеся сложной мелкой террасированностью. Здесь они наблюдали многочисленные естественные ступени – пляжи древнего моря, которое тысячелетия назад освободило Тулому, бывшую до этого обширным морским заливам.

С помощью анероида ученый определил высоты террас. Позднее, выяснив по составу моллюсков возраст террасовых ступеней, Григорьев восстановил картину освобождения бассейна Туломы от вод древнего моря. Одновременно с указанием высот террасовых поверхностей путешественник давал подробное описание местного ландшафта.

Большое внимание экспедиция уделяла изучению порожистых участков Туломы и ее притоков. Было установлено, что пороги, местами переходящие в водопады, бывают здесь двух типов. Иногда они наблюдались

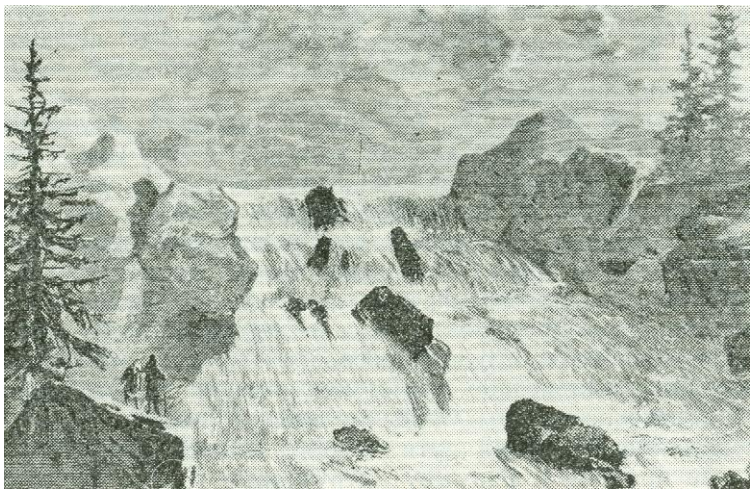
там, где русло реки врезалось в ледниковые отложения, насыщенные крупными валунами. Когда песок и глина оказывались вымытыми потоками воды, в русле оставались только сами валуны, в нагромождения которых бились водяные струи. Пороги другого типа возникали в местах, где речное русло упиралось в твердые кристаллические породы. Особенно мощные водопады образовывались, если на пути водного потока встречались более прочные к размыву интрузивные горные породы.[147]

Наконец, отряд достиг истока Туломы, которая вытекает из огромного, протянувшегося на многие десятки километров озера Нотозера. Его уровень более чем на 10 метров превышал уровень воды в Туломе, и воды озера низвергались в речную долину огромным водопадом, известным под названием Туломский падун. Чтобы представить себе зрелище некогда знаменитого водопада, лучше всего вновь обратиться к запискам Н. В. Пинегина. Знаменитый певец и исследователь Севера писал о падуне: «Вблизи он страшен. Если перебраться... на покрытую скользкими водорослями вечно мокрую скалу, станет не по себе. Неподвижность ее среди бешеного движения вод кажется ненадежной. Вот-вот страшный падун сорвет скалу с места, вынесет и раздробит внизу с такой же легкостью, как дробит он в щепы крупные плывущие по Туломе бревна.

Покойной и неподвижной кажется пелена воды, повисшая на первом уступе. Но оторвите взгляд от нее и гляньте вниз, где пелена касается камней, – сразу закружится голова, охватит беспокойство, и невольно отведется в сторону взор. С треском, напоминающим пальбу из нескольких пулеметов, разбивается здесь о камни вода, отскакивает кверху, сразу превращаясь[148] в брызги, в пену, в туман. Из серо-голубой становится белой, как взбитые сливки».

Результаты работ в бассейне Туломы А. А. Григорьев обобщил в книге «Очерк геоморфологии северо-западной части Кольского полуострова». А на Международном географическом конгрессе в Варшаве в 1934 году профессор выступил с докладом «Новые данные по геоморфологии

Кольского полуострова», в котором впервые рассмотрел общие закономерности формирования рельефа нашей области.



Туломский падун.
Со старинной гравюры

Исследование нашего края Андреем Александровичем Григорьевым – лишь одна из страниц яркой научной биографии выдающегося советского географа. Много лет ученый отдал изучению природы и производительных сил Якутии, путешествуя по советскому Северу, выявил главные закономерности развития природы приполярных областей. Основной теоретический труд А. А. Григорьева «Субарктика» явился значительным вкладом в изучение природы нашей планеты и поставил его автора в число выдающихся исследователей-географов.

...Говорят, что тундра хранит след путника в течение десятилетий. На хрупком ягеле остается долгая печать путешественника, чей маршрут пересек неведомые области Лапландии. Так пусть так же надолго останутся в нашей благодарной памяти имена первопроходцев, открывших науке и человечеству суровую и щедрую землю, название которой – Кольский Север![149]

Основная литература

Александр Евгеньевич Ферсман. Жизнь и деятельность. М., 1965.

Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. – В кн.: История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. М., 1966.

Визе В. Ю. Из путевых заметок по р. Умбе. Изв. Архангельского общ-ва изуч. Русского Севера. 1912, № 12, 15, 16.

Визе В. Лопарские сейды. Изв. Архангельского общ-ва изуч. Русского Севера. 1912, № 9–10.

Герберштейн С. Записки о московитских делах. Спб., 1908.

Григорьев А. А. Геоморфология Кольского полуострова по новейшим исследованиям. – В кн.: Доклады советской делегации на международном географическом конгрессе в Варшаве. М., 1934.

Григорьев А. А. Материалы к физической географии северо-восточной части Кольского полуострова. Труды Совета по изучению производительных сил. Серия Кольская, вып. 4, 1932.

Григорьев Г. Дороги ведут в Арктику. М., 1962.

Гурина Н. Н. Археологические памятники Кольского полуострова. – В кн.: Природа и хозяйство Севера. Вып. 2, ч. 2. Апатиты, 1972.

Киселев А. А. Родное Заполярье. Мурманск, 1974.

Книга Большому чертежу. М. –Л., 1950.

Крепс. Г. По лапландской тундре. Карело-Мурманский край. 1930, № 4–5, 9–10.

Крепс Г. Путешествие в среднюю Лапландию в марте 1923 г. – В кн.: Работы Мурманской биологической станции Ленинградского Общества Естествоиспытателей. Т. 1. Л., 1925.

Кудрявцев Н. Кольский полуостров. Физико-географический очерк. Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т. XII, 1882.

Кудрявцев Н. Орографический характер Кольского полуострова. Труды С.-Петербургского Общества Естествоиспытателей. Т. XIV, 1883.

Кудрявцев Н. Русская Лапландия. Журнал Министерства нар. проев. 1884, № 3–4.

Кузнецов Н. Исследования Кольского полуострова финляндскими экспедициями 1887 и 1889 годов. Известия РГО. Т. 27, вып. 3, 1891.

Куплетский Б. М. Географический очерк, рельеф и орография Хибинских и Ловозерских тундр. Тр. ин-та по изуч. Севера. Вып. >39, 1928.

Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, совершенное по повелению императора Александра I на военном бриге «Новая Земля» в 1821, 1822, 1823, 1824 гг. Ч. I. Спб., 1828.

Огородников Е. Мурманский и Терский берега по Книге Большому чертежу. Записки РГО. Т. 2, 1869.

Озерецковский Н. Я. Описание Колы и Астрахани. Спб., 1804.

Пасецкий В. В. В погоне за тайной века. Л., 1967.

Рейнеке М. Ф. Гидрографическое описание северного берега России. Ч. II, 1843; ч. 1, 1850.

Рихтер Г. Д. Результаты геоморфологической рекогносцировки в бассейнах р.р. Варзуги и Поноя. Тр. Ин-та физич. геогр. АН СССР. Вып. 19, 1936.

Рихтер Г. Д. Физико-географический очерк озера Имандра и его бассейна. Л., 1934.

Рихтер Г. Д. Экскурсия в Монче-тундру. – В кн.: Путеводитель по Хибинским тундрам. М. – Л., 1932.

Таранович В. П. Путешествие академика И. И. Лепехина по северу Европейской России в 1771 и 1772 гг. «Архив истории науки и техники». Вып. 4. Л., 1934.

Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972.

Ферсман А. Е. Три года за Полярным кругом. М. –Петроград, 1924.

Цинзерлинг Ю. Д. Материалы по растительности северо-востока Кольского полуострова. М. –Л., 1935.

Шаскольский И. П. Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Григория Истомы). – В кн.: Путешествия и географические открытия в XV–XIX веках. М. –Л., 1965.

Содержание

От автора	5
Из Новгорода Великого в землю Тре	7
Кольские мореходы	17
Неувядаемую славу снискавший	28
На свет Полярной звезды	39
Непроторенными путями	58
По Кольскому «тракту»	68
К неведомым вершинам	81
Легендарная Лаппония	92
Маршруты следопыта	104
Хибинское племя	118
Главный хребет	133
Тундра хранит след	144
Основная литература	155

Кошечкин Борис Иванович
Тундра хранит след

Редактор *Г. П. Бритвина*
Художественный *редактор В. С. Жарков*
Технический редактор *Т. В. Скурлатова*
Корректор *В. П. Рябинина*

Сдано в набор 24.10.78. Подписано в печать 12.06.79. ПН 02 106. Формат 84Х108/32. Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Уел. печ. Л. 7,98. Уч.-изд. л. 8,02. Тираж 15 000 экз. Заказ 4932. Цена 50. коп.

Мурманское книжное издательство,
г. Мурманск, пр. Ленина, 100
Типография им. Анохина
Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Совета Министров Карельской АССР,
г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4